ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

БЛИЖНИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ВОСТОК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит 4 раза в год

№ 4 (8)
2024

Учредитель
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакция

Аватков В.А. – главный редактор, д-р полит. наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Крылов Д.С. – заместитель главного редактора, канд. полит. наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Останин-Головня В.Д. – заместитель главного редактора, ИНИОН РАН, Москва, РФ

Редакционная коллегия

Андронова И.В. – д-р экон. наук, РУДН, Москва, РФ
Асанканов А.А. – д-р ист. наук, академик НАН КР, Бишкек, Киргизская Республика
Воробьев С.В. – д-р ист. наук, ДА МИД РФ, Москва, РФ
Долгов Б.В. – д-р ист. наук, ИВ РАН, Москва, РФ
Ирхин А.А. – д-р полит. наук, Севастопольский государственный университет, Севастополь, РФ
Каширина Т.В. – д-р ист. наук, МГЛУ, Москва, РФ
Койчуманова Ч.У. – д-р ист. наук, член-корреспондент НАН КР, Бишкек, Киргизская Республика
Курылёв К.П. – д-р ист. наук, РУДН, Москва, РФ
Лункин Р.Н. – д-р полит. наук, ИЕ РАН, Москва, РФ
Макаров О.С. – д-р юрид. наук, Белорусский институт стратегических исследований, Минск, Республика Беларусь
Малышева Д.Б. – д-р полит. наук, ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Мигранян А.А. – д-р экон. наук, ИЭ РАН, Москва, РФ
Панин В.Н. – д-р полит. наук, Институт международных отношений Пятигорского государственного университета, Пятигорск, РФ
Пономарева Е.Г. – д-р полит. наук, МГИМО МИД России, Москва, РФ
Сафрастян Р.А. – д-р ист. наук, ИВ НАН РА, Ереван, Республика Армения
Сейдуманов С.Т. – д-р социол. наук, академик НАН РК, Алматы, Республика Казахстан
Феофанов К.А. – д-р полит. наук, ДА МИД РФ, Москва, РФ
Штоль В.В. – д-р полит. наук, ДА МИД РФ, Москва, РФ

Журнал «Ближний и Постсоветский Восток» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-85544 от 27 июня 2023 г.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.00
ISSN 2949-2408
© ИНИОН РАН, 2024

INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION
FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

MIDDLE & POST-SOVIET EAST

ACADEMIC JOURNAL

4 issues per year

N 4 (8)
2024

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorials
Vladimir A. Avatkov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Danila S. Krylov – Deputy Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vasily D. Ostanin-Golovnya – Deputy Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial board
Inna V. Andronova – RUDN University, Moscow, Russian Federation
Abylabek A. Asankanov – Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic
Sergey V. Vorobyov – Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Boris V. Dolgov – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Irkhin – Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation
Tatiana V. Kashirina – Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation
Cholpon U. Koichumanova – Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic
Konstantin P. Kurylev – RUDN University, Moscow, Russian Federation
Roman N. Lunkin – Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Oleg S. Makarov – Belarusian Institute for Strategic Studies, Minsk, Republic of Belarus
Dina B. Malysheva – IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan – Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor N. Panin – Institute of International Relations, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation
Elena G. Ponomareva – MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Ruben A. Safrastyan – Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Republic of Armenia
Serik T. Seidumanov – Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan
Konstantin A. Feofanov – Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Vladimir V. Shtol – Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

The journal is registered by the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media, certificate: ПИ № ФС 77-85544.

Opinions of the authors may not coincide with ideas of editorial.

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.00
ISSN 2949-2408
© INION RAN, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Малышева Д.Б. Международный транспортный коридор «Север – Юг» и страны Центральной Азии 7

Воробьев С.В. Негативная трансформация совместной истории после распада СССР как основа идеологического разлома постсоветского пространства 22

Панин В.Н. Геополитические процессы в Арабском мире 33

Ахмедов В.М. О роли религии в арабских армиях Ближнего Востока 49

Евстафьев Д.Г. Ближний и Средний Восток: от новой геополитики к новой конфигурации региона 70

Михеева Н.М. Участие Ирана в развитии международно-транспортных коридоров в Евразии 87

Сажин В.И. Основные направления политики Ирана на Ближнем Востоке 109

Ситнянский Г.Ю. Границы в Средней Азии: что было, что есть, что будет 118

Урожаева Т.П. Трудовая миграция из стран Средней Азии в Иркутскую область в 1990–2000-е годы 138

CONTENTS

Malysheva D.B. North-South International Transport Corridor and Central Asian Countries 7

Vorobyov S.V. Negative Transformation of Joint History after Collapse of USSR as the Basis of Ideological Rift of Post-Soviet Space 22

Panin V.N. Geopolitical Processes in Arab World 33

Akhmedov V.M. Sectarianism and Arab Militaries in Middle East 49

Evstafiev D.G. Middle and Near East: Transit from New Geopolitics to New Architecture of Region 70

Miheeva N.M. Iran's Participation in Development of International Transport Corridors in Eurasia 87

Sazhin V.I. Main Directions of Iran's Policy in Middle East 109

Sitnyansky G. Yu. Borders in Central Asia: What was, What is, What will be 118

Urozhaeva T.P. Labor Migration from Central Asian Countries to the Irkutsk Region in 1990–2000 s 138

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.01
УДК 327+339

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРАНСПОРТНЫЙ КОРИДОР «СЕВЕР – ЮГ» И СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

МАЛЫШЕВА Дина Борисовна
доктор политических наук, главный научный сотрудник
Сектора Центральной Азии Института мировой экономики
и международных отношений (ИМЭМО) им. Е.М. Примакова РАН.
E-mail: dsheva@mail.ru
SPIN-код: 7552-5669
ORCID: 0000-0002-8625-6132

Для цитирования: *Малышева Д.Б.* Международный транспортный коридор «Север – Юг» и страны Центральной Азии // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 4 (8). – С. 7–21. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.01.

Аннотация. Наложенные на Российскую Федерацию «коллективным Западом» нелегитимные ограничения, включающие блокирование коммуникаций на европейском направлении, побуждают Россию искать альтернативные каналы сбыта своей продукции, диверсифицировать потоки грузов за счет более эффективных, надежных, безопасных поставок. Важная роль в этой связи отведена крупному евразийскому мультимодальному проекту – Международному транспортному коридору «Север – Юг» (МТК СЮ), который ставит своей целью обеспечить транспортное сообщение между Россией, Ираном, Индией, аравийскими монархиями. Поскольку один из маршрутов МТК пролегает по восточной стороне Каспийского моря, в статье рассмотрен вклад в развитие проекта трех постсоветских республик Центральной Азии – Казахстана, Туркменистана и Узбекистана. Они связаны с Россией прочными экономическими и политическими узами, имеют с ней немало общих интересов. Выявлены также потенциальные выгоды, которые могут извлечь центральноазиатские партнеры России из данного транспортного проекта. Осознание общей выгоды будет способствовать углублению их взаимодействия с Россией не только в торгово-экономической сфере, но и на других направлениях сотрудничества.

Ключевые слова: Международный транспортный коридор «Север – Юг», Россия, Центральная Азия, Каспийское море.

North-South International Transport Corridor and Central Asian Countries

Dina B. MALYSHEVA
DSc in Political Sciences, Chief Scientist, Section for Central Asia
Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences.
E-mail: dsheva@mail.ru
SPIN-code: 7552-5669
ORCID: 0000-0002-8625-6132

For citation: Malysheva D.B. (2024). North-South International Transport Corridor and Central Asian Countries. *Middle & Post-Soviet East*, no. 4 (8), pp. 7–21. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.01.

Abstract. Illegitimate restrictions imposed on the Russian Federation by the "collective West" are blocking Russian communications on the European track. This prompts Russia to search for alternative channels to sell its products, as well as diversify cargo flows through more efficient, reliable and secure deliveries. An important role in this regard is assigned to a large Eurasian multimodal project – the International North-South Transport Corridor (INSTC), which aims to provide transportation links between Russia, Iran, India and the monarchies of the Persian Gulf. Since one of the INSTC routes runs along the eastern shore of the Caspian Sea, the article considers the contribution of the three post-Soviet Central Asian republics, i.e. Kazakhstan, Turkmenistan and Uzbekistan, to the development of the project. They have strong economic and political ties with Russia and many common interests. The potential benefits that Russia's Central Asian partners can derive from this transportation project have also been identified. The comprehension of common benefits will contribute to deepening their interaction with Russia not only in the trade and economic sphere, but also in other areas of cooperation.

Keywords: The North – South International Transport Corridor, Russia, Central Asia, Caspian Sea.

Значимость Международного транспортного коридора «Север – Юг»

С 2014 г. «коллективным Западом» против России введены многочисленные незаконные ограничительные меры (санкции). Они, согласно убедительной аргументации заместителя председателя Совета Безопасности Российской Федерации Д.А. Медведева,

противоречат «международному праву, международному гуманитарному праву, Уставу ООН»[1]. Ставящие своей целью подорвать внешнюю и торгово-экономическую политику России, нарушить ее суверенитет, эти односторонние принудительные меры включают в себя, помимо других серьезных запретов, блокирование российских коммуникаций на европейском направлении. Это побуждает Россию искать альтернативные каналы сбыта своей продукции, диверсифицировать потоки грузов за счет более эффективных, надежных, безопасных поставок.

Большую значимость в создавшихся условиях приобретает Международный транспортный коридор «Север – Юг» (МТК СЮ). Этот крупный евразийский мультимодальный маршрут протяженностью в 7,2 тыс. км ставит своей целью обеспечить транспортное сообщение между Россией, Ираном, Индией, аравийскими монархиями. Важным фактором, привлекающим другие страны к МТК СЮ, становится его окупаемость: благодаря новому маршруту, удастся сократить сроки перевозки грузов из Санкт-Петербурга, например, в индийский Мумбаи до десяти дней. В настоящее время они составляют от 30 до 45 дней. МТК СЮ способен также стать альтернативой морскому пути, соединяющему Европу, страны Персидского залива и Индийского океана через Суэцкий канал.

Подписание межправительственного Соглашения о международном транспортном коридоре «Север – Юг» между тремя странами – Республикой Индия, Исламской Республикой Иран и Российской Федерацией – состоялось 12 сентября 2000 г. С тех пор к Соглашению присоединилось более десятка стран, включая Азербайджан, Казахстан и ряд других. О готовности присоединиться к работе МТК СЮ заявил в мае 2024 г. министр промышленности и торговли Афганистана Нуриддин Азизи[2]. Ведутся переговоры о возможном подключении Катара к МТК СЮ: об этом на встрече с Эмиром Катара Тамимом Бен Хамадом Аль Тани

[1] Медведев Д.А. Время метрополий истекло // Российская газета. – 14.06.2024. – URL: https://rg.ru/2024/06/14/vremia-metropolij-isteklo.html (дата обращения: 03.07.2024).

[2] В Афганистане заявили о готовности участвовать в работе МТК «Север – Юг» // РИА Новости. – 17.05.2024. – URL: https://ria.ru/20240517/afganistan-1946627393.html?in=t (дата обращения: 29.06.2024).

заявил российский президент в Астане, где 4 июля 2024 г. проходил саммит Шанхайской организации сотрудничества[3].

Привлекательность транспортного коридора «Север – Юг», способного связать каспийские порты с индийскими, иранскими и аравийскими, возрастает со времени участившихся аварий на Суэцком канале, где торговые суда терпят из-за этого значительные убытки. Самый серьезный кризис возник в 2021 г. после того, как севший на мель гигантский контейнеровоз Ever Given перекрыл на несколько недель транзит по Суэцкому каналу. В 2024 г. возникла новая угроза транзиту через традиционные ключевые торговые пути: Суэцкий канал и Красное море. Там торговля фактически парализована из-за политики йеменских хуситов, действующих в ответ на массовые убийства палестинцев в Израиле.

В то же время нельзя не признать, что прокладываемый транспортно-логистический коридор «Север – Юг» не является на 100% политически и экономически безопасным. Вызовы могут исходить от изменения международной конъюнктуры или же политических катаклизмов в какой-либо стране – ключевой участнице проекта. А это чревато определенными рисками для инвесторов. Тем не менее Россия не только подключается к поискам новых и более удобных логистических маршрутов, она рассчитывает также создать в рамках МТК СЮ альтернативы Суэцкому каналу. По информации, которой заместитель Председателя Правительства РФ М. Хуснуллин поделился с участниками состоявшегося 14–19 мая 2024 г. в Казани Международного экономического форума России и стран Организации исламского сотрудничества («Россия – Исламский мир: KazanForum»), Россия активно взаимодействует по поиску таких дополнительных логистических возможностей со странами Персидского залива[4].

Таким образом, в РФ, где на высшем уровне МТК СЮ расценивается, как «очень хороший и востребованный международ-

[3] Встреча с Эмиром Катара Тамимом Бен Хамадом Аль Тани // Президент России. – 04.07.2024. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/74468 (дата обращения: 04.07.2024).

[4] Хуснуллин: рассчитываем создать альтернативы Суэцкому каналу // РИА Новости. – 17.05.2024. – URL: https://realty.ria.ru/20240517/kanal-1946735741.html?in=t (дата обращения: 29.06.2024).

ный коридор»[5], ведется активная работа над расширением МТК и включением в него новых направлений. Как следует из выступления В.В. Путина на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ-2023), планируется к 2025 г. удвоить объем экспортных перевозок по этому маршруту, а к 2030 г. утроить их[6].

В настоящее время логистика МТК «Север – Юг» развивается в основном по трем направлениям: Западному, Транскаспийскому и Восточному. Все они предполагают использование железных дорог и портов, а также перевозки автомобильным транспортом. Возможными становятся и прямые морские перевозки из России по Каспию в Иран. Важным в этом плане представляется открытие в июне 2024 г. в иранской провинции Гилян участка железной дороги от города Решт до порта Каспиан. А после того, как будет завершено строительство железнодорожного пути до Астары на северо-западе Ирана, наладится прямое сообщение между Каспийским морем, Персидским и Оманским заливами[7].

Вместе с переориентацией российской логистики на Восток значение МТК СЮ заметно возрастает. По некоторым данным, в 2023 г. объем перевозок по этому маршруту составил 18 млн т; на Транскаспийскую ветку пришлось около 32% от указанного объема, на Западную – 40, а на Восточную – 28%[8].

В центре внимания – преимущественно сухопутная Восточная ветка МТК СЮ, в которой задействован ряд центральноазиатских стран.

---

[5] Встреча с руководителями международных информагентств // Президент России. – 05.06.2024. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/74223 (дата обращения: 29.06.2024).

[6] Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Президент России. – 16.06.2023. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/71445 (дата обращения: 18.06.2023).

[7] МТК «Север – Юг» пополнился важным ж/д участком на территории Ирана // Ритм Евразии. – 23.06.2024. – URL: https://www.ritmeurasia.ru/news--2024-06-23--mtk-sever-jug-popolnilsja-vazhnym-zh-d-uchastkom-na-territorii-irana-74083 (дата обращения: 29.06.2024).

[8] На кону – транзитный потенциал Туркмении // Ак Жайык. – 27.06.2024. – URL: https://azh.kz/ru/news/view/103416 (дата обращения: 29.06.2024).

Центральноазиатский компонент маршрута

Эта ветка пролегает по восточному берегу Каспия через территорию Казахстана и Туркменистана с выходом на железнодорожную сеть Ирана. Соглашение о соединении железной дорогой туркменистанского Этрека – Берекета, казахстанского Узеня с иранским Горганом было подписано еще в октябре 2007 г. во время встречи прикаспийских государств в Тегеране. Казахстан, присоединившийся в 2003 г. к Соглашению о международном транспортном коридоре «Север – Юг», в ноябре 2011 г. завершил строительство своего участка железной дороги[9]. А в декабре 2014 г. в эксплуатацию была введена железнодорожная магистраль («Жанаозен – Кызылкая – Берекет – Этрек – Горган»), соединяющая Казахстан, Туркменистан и Иран. В апреле 2022 г. восточная ветка МТК СЮ была окончательно задействована, что позволило доставлять грузы через территории России, Казахстана и Туркмении в иранский порт Бендер-Аббас, а затем в Индию[10].

Восточная ветвь МТК СЮ, хотя и смотрится значительно скромнее в сравнении с широко разрекламированным западным направлением маршрута, является менее проблемной, если принять во внимание позиционирование ключевых стран – участниц Западного маршрута – будь то Иран или Индия. Эти государства руководствуются в первую очередь собственными внешнеполитическими и внешнеэкономическими приоритетами и интересами, не всегда и не во всем совпадающими с российскими. А вот развитие Восточного маршрута МТК СЮ Россия осуществляет в сотрудничестве с близкими ей исторически и культурно-цивилизационно постсоветскими центральноазиатскими республиками (Казахстаном, Туркменистаном, Узбекистаном). Они – несмотря на то что руководствуются в своей внешней политике многовекторной стратегией – имеют с Россией намного больше общих интересов. С учетом того, что транспортно-логистическая инфра-

[9] Международный транспортный коридор «Север – Юг» // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 01.11.2016. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/1537456 (дата обращения: 06.07.2024).

[10] Семедов С., Шилова А. Проект МТК «Север – Юг»: проблемы и перспективы в условиях санкций // Обозреватель-Observer. – 2023. – № 2. – С. 56. – DOI: 10.48137/2074-2975_2023_2_52.

структура играет важнейшую роль в современном экономическом развитии центральноазиатских стран, их восприятие МТК СЮ как проекта, несущего им ощутимые выгоды, еще теснее привязывает Россию и страны Центральной Азии друг к другу.

Привлекательность МТК СЮ для стран Центральной Азии заключается в следующем.

Во-первых, реализация этого проекта сможет в несколько раз повысить транзитный потенциал Центрально-Азиатского региона, поскольку предоставление своей территории для транзита всегда несет выгоды его странам. Во-вторых, этот транспортный маршрут позволяет странам ЦА сократить издержки транспортировки, которая вызвана их континентальным расположением и отсутствием прямого выхода к Мировому океану. В-третьих, страны ЦА, благодаря участию в грузовых перевозках по МТК, могут установить более тесные связи между собой в транспортной сфере, что будет способствовать увеличению объемов внутрирегиональной торговли. В-четвертых, благодаря выходу к морю через иранские и индийские порты, а значит – и расширению торговли, центральноазиатские страны смогут рассчитывать не только на экономический подъем региона, но и на интенсификацию межгосударственных контактов, налаживание более тесных связей с крупными региональными государствами Южной Азии, Персидского залива, торговлю с морскими державами. Ожидают, в-пятых, в Центральной Азии от МТК СЮ расширения инвестиционного сотрудничества с Индией, Ираном, аравийскими монархиями; привлечения их продукции на местные рынки.

Если роль и место центральноазиатских стран на восточном направлении транспортного коридора «Север – Юг» определены, то их вклад в развитие этого проекта трудно пока назвать особенно результативным, хотя, несомненно, определенные сдвиги в подходах стран-участниц уже просматриваются.

Фактор Казахстана

Казахстан изначально призван был сыграть в становлении МТК СЮ значимую роль в силу большей по сравнению с остальными участниками привязанности к России. Тем более что МТК СЮ позволил бы Казахстану извлечь несомненные выгоды.

Он давал возможность активизировать контакты с Россией, Ираном, Индией, т.е. со странами, с которыми Казахстан связывают давние исторические узы, торгово-экономические и политические интересы. Не удивительно поэтому, что Казахстан предпринял ряд действий, свидетельствовавших о его стремлении плотнее встроиться в суливший немалые перспективы маршрут «Север – Юг».

Так, в апреле 2023 г. Казахстанская транспортно-логистическая компания KTZ Express, российское АО «РЖД Логистика» и ОАО «Транспортно-логистический центр Туркменистана» подписали меморандум о создании совместного предприятия для развития перевозок с учреждением в дальнейшем Единого логистического оператора на восточном маршруте Международного транспортного коридора «Север – Юг». Это должно было повысить конкурентоспособность маршрута, облегчить доступ к точкам формирования, транспортировки и доставки грузов. Но хотя выгоды от создания такого оператора были очевидны, стороны с тех пор не продвинулись в направлении реализации этой инициативы.

С началом Специальной военной операции на Украине упоминания о проекте МТК СЮ звучат в Казахстане довольно редко. Зато заметно активизировалась международная транспортная политика республики на других направлениях, где Казахстан стремится, очевидно, занять нишу, высвободившуюся в связи с резким сокращением из-за западных запретов российского транзита энергоресурсов и товаров.

Внимание Казахстана приковано в настоящее время, главным образом, к лоббируемому Турцией и Евросоюзом Транскаспийскому международному транспортному маршруту (ТМТМ), где Астана надеется в союзе с Азербайджаном (и с возможным привлечением Туркменистана) сыграть ведущую роль. В свете устремлений Казахстана к максимальной диверсификации своего участия в различных транспортно-логистических проектах логичным видится намерение руководства республики укрепить так называемую транспортную связанность «путем создания эффективных коридоров и надежных цепочек поставок». О таком приоритете политики Казахстана заявил его президент, выступивший на состоявшемся 4 июля 2024 г. в Астане очередном заседании Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. «Мы придаем исключительное значение дальнейшей синергии китайского мегапроекта “Один пояс, один путь”, Транскас-

пийского международного транспортного маршрута и трансъевразийских коридоров по направлению “Север – Юг”, включая вектор “Центральная Азия – Южная Азия”, – добавил К.-Ж. Токаев. – Для реализации этих планов важно принять практические меры по созданию Партнерской сети стратегических портов и логистических центров в рамках ШОС»[11].

В Казахстане полагают, что для грузоперевозок в направлении Ирана выгодно было бы использовать порты Актау и Курык, расположенные на казахстанском побережье Каспия. Здесь, однако, могут возникнуть проблемы по причине избыточно тесных связей Казахстана с западным капиталом, контролирующим там добычу природных ископаемых, а также и с западными политическими структурами. Важно и то, что Казахстан, в рамках своего подключения к запущенной в 2021 г. Евросоюзом стратегии «Глобальные ворота» (Global Gateways)[12], не исключает возможности передачи своих каспийских портов «в доверительное управление западным компаниям с возможностью последующего выкупа в рамках приватизации». О подобных планах Астаны заявил в Брюсселе на встрече с А. Вэлян, занимавшей тогда пост еврокомиссара по транспорту, министр транспорта Казахстана М. Карабаев, принимавший участие в проходившем в Брюсселе транспортном инвестиционном форуме «Глобальные ворота»[13].

Не приходится в связи со всем этим сомневаться, что ЕС, как и другие западные структуры, постарается приложить усилия к тому, чтобы удержать Казахстан от участия в «пророссийском» и «проиранском» МТК СЮ, направив активность этой центральноазиатской республики на более привлекательные, исходя из интересов Запада, транспортные проекты.

---

[11] Президент Касым-Жомарт Токаев выступил на заседании Совета глав государств – членов ШОС // Президент Республики Казахстан. – 04.07.2024. – URL: https://www.akorda.kz/ru/prezident-kasym-zhomart-tokaev-vystupil-na-zasedanii-soveta-glav-gosudarstv-chlenov-shos-463722 (дата обращения: 04.07.2024).

[12] Данная стратегия, став своеобразным ответом ЕС на китайскую Инициативу «Пояс и путь», предусматривает также инвестиции в транспортную инфраструктуру Центральной Азии.

[13] Кожемякин С. «Красная дорожка» для Запада // Правда. – 08.02.2024. – URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/13-31506-8-fevralya-2024-goda/krasnaya-dorozhka-dlya-zapada (дата обращения: 09.02.2024).

В России и Центральной Азии учитывают такого рода нюансы, а также и то, насколько участились трудности с прохождением товаропотоков на киргизско-казахстанской и казахстано-российской границах. Это связывается не столько с внезапной и многократно возросшей сознательностью казахстанских таможенников, сколько с исполнением официальной Астаной требований «коллективного Запада» по отслеживанию товаров для недопущения обхода антироссийского санкционного режима.

Как следствие подобной политики можно расценить запуск в рамках МТК СЮ нового маршрута в обход Казахстана. Он позволит южным странам Центральной Азии (Киргизии, Узбекистану, Туркменистану), а также и Китаю доставлять свои грузы сначала по железной дороге, строительство которой уже началось, а затем по Каспийскому морю в порт Астрахань. Сможет ли Запад компенсировать Казахстану очевидный ущерб от сокращения транзита через его территорию, станет очевидным в ближайшее время.

Позиция нейтрального Туркменистана

Туркменистан, обладающий официальным и признанным ООН статусом нейтрального государства, занимал до недавнего времени достаточно сдержанную позицию в отношении МТК СЮ, несмотря на то что именно через территорию Туркменистана проложены все действующие и запланированные ветки Восточного маршрута «Север – Юг».

В 2023 г. по нему был зафиксирован заметный рост транспортировки грузов. Быстрыми темпами растет объем железнодорожных перевозок через пограничные переходы между Туркменистаном и Ираном. Туркменистан способен также увеличить пропускную способность своих морских перевозок, используя для этого один из своих крупнейших портов на Каспийском море – Туркменбаши (бывший Красноводск).

Как сообщил министр иностранных дел Туркменистана Рашид Мередов, транзит через республику вырос к началу 2023 г. в три раза. Ранее, в своем выступлении на состоявшемся в марте 2023 г. Первом туркмено-татарстанском бизнес-форуме заместитель Председателя Ассоциации «Туркмен Логистика» Рустам Сейидов отметил, что с целью формирования дополнительного грузо-

потока по Международному транспортному коридору «Север – Юг» создается логистический центр Туркменистана на территории портовой особой экономической зоны в Астраханской области. Оттуда грузы будут направляться во все регионы России, в том числе в Татарстан[14].

В июле 2023 г. Туркменистан принял решение присоединиться к «Соглашению о Международном транспортном коридоре “Север – Юг”». Премьер-министр РФ Михаил Мишустин, находившийся в Туркменистане в это время с визитом, подписал распоряжение о согласии на это правительства России.

Укрепляются связи Туркменистана с Ираном, особенно в сфере развития транспортно-инфраструктурных коридоров. Иран стал вторым после России государством, куда президент Туркменистана Сердар Бердымухамедов отправился в июне 2022 г. с официальным зарубежным визитом после победы на выборах. А незадолго до этого в Ашхабаде побывал тогдашний президент Ирана Ибрахим Раиси (он трагически погиб в мае 2024 г. при крушении перевозившего его вертолета). В июне 2023 г. Тегеран посетил глава Халк Маслахаты Гурбангулы Бердымухамедов, заключивший с иранской стороной ряд договоренностей, касающихся совместной реализации крупных экономических проектов. Приступил Туркменистан и к строительству в рамках МТК СЮ железной дороги, которая протянется в направлении Ирана вдоль Каспийского моря[15].

Развиваются связи Туркменистана с другим крупным участником МТК СЮ – Индией. В апреле 2022 г. С. Бердымухамедов принял президента Индии Рама Натха Ковинда, прибывшего в Туркменистан с первым в истории взаимоотношений двух стран государственным визитом. На переговорах стороны подчеркнули важность Международного транспортного коридора «Север – Юг» и Ашхабадского соглашения о международном транспортно-тран-

[14] Туркменистан, Россия и Казахстан создадут единого железнодорожного оператора для грузоперевозок по коридору «Север – Юг» // Хроника Туркменистана. – 21.04.2023. – URL: https://www.hronikatm.com/2023/04/north-south-corridor (дата обращения: 27.04.2023).

[15] Туркменистан строит железную дорогу в Иран в рамках коридора «Север – Юг» // РИА Новости. – 17.05.2024. – URL: https://realty.ria.ru/20240517/khusnullin-1946760800.html?in=t (дата обращения: 29.06.2024).

зитном коридоре. Была также достигнута договоренность о дальнейшем расширении сотрудничества в рамках формата Индия – Центральная Азия.

Неопределившийся Узбекистан

Со времени обретения независимости Узбекистан, являющийся в Центральной Азии одним из крупнейших и густонаселенных государств, обладающих к тому же относительно высоким военным потенциалом, стремится изменить свое невыгодное географическое положение. Оно определяется тем, что эта страна – одна из двух на карте мира (вторая – крошечный Лихтенштейн), «дважды не имеющая выхода к морю» (double locked country). То есть, чтобы добраться до Мирового океана, узбекистанцам нужно пересечь как минимум две государственные границы. Не удивительно, что власти республики, стремительно развивающей свою промышленность и инфраструктуру, остро нуждающейся в рынках сбыта своей сельскохозяйственной продукции, предпринимают в последние годы колоссальные усилия, чтобы найти выход из транспортного тупика.

В июне 2019 г. Министерством транспорта Республики Узбекистан подготовлена и вынесена на обсуждение «Стратегия развития транспортной системы Республики Узбекистан на период до 2035 г.». Это первый документ стратегического характера в истории независимого Узбекистана, который определяет основные направления единой государственной транспортной политики страны на долгосрочную перспективу.

Если судить по этому документу, то приоритет в своей транспортной стратегии Узбекистан отдает трем маршрутам: Трансафганскому международному коридору, который планируется протянуть через узбекистанские Термез и Мазари-Шариф, а также афганский Герат, к иранским портам Бандар-Аббас и Чабехар; Транспортному коридору «Узбекистан – Киргизия – Узбекистан»; Международному транспортному коридору «Узбекистан – Туркменистан – Иран – Оман»[16].

[16] Концепция Стратегии развития Республики Узбекистан до 2035 года – часть 13 // 3uch. – URL: https://3uch.ru/textbooks/wacr/bby/ang (дата обращения: 03.07.2024).

Но географическая замкнутость побуждает Узбекистан к расширению поисков, и в этом плане МТК СЮ, Восточный маршрут которого затрагивает территорию Узбекистана, оказывается в сфере рассмотрения официальных властей Узбекистана. Привлекательность этого проекта заключена в том, что он открывает Узбекистану выход к морским портам. Особое внимание такому направлению транспортных коридоров уделяется на официальном уровне, в том числе и в «Стратегии развития транспортной системы до 2035 года».

На первом Международном транспортном форуме ШОС, созванном 1 ноября 2023 г. в Ташкенте по инициативе Узбекистана, был подписан Меморандум о взаимопонимании в вопросе формирования и развития международного мультимодального транспортного коридора «Россия – Каспийское море – Туркменистан – Узбекистан – Киргизия». Этот маршрут, позволяющий перевести часть грузопотока в порты Астрахани и Махачкалы – самый короткий и выгодный бизнесу для поставок товаров из Узбекистана в Россию. Это тем более необходимо с учетом того, что рост товарооборота Узбекистана с Россией вырос на 26,5%, достигнув 8,3 млрд долларов. Причем экспорт из Узбекистана увеличился на 50%[17].

Еще один проект в рамках МТК СЮ, в который вовлечен Узбекистан, – строящаяся железнодорожная линия «Дарбаза – Мактаарал», которая, сократив в целом транзитное расстояние между странами Центральной Азии, свяжет Узбекистан с Ираном и Казахстаном. Ответвлением МТК «Север – Юг» становится и высокоскоростная дорога «Туркменабат – Мары», строительство которой стартовало в начале 2024 г. Этот прокладываемый через Туркменистан маршрут открывает Узбекистану путь в Иран, но он нуждается в электрификации и модернизации.

Есть основание считать, что в целом Узбекистан только выиграет, если станет активнее встраиваться в новые транспортные коридоры. Это гарантирует потенциальной стране-транзитеру рост доходов, новые рабочие места, повышение благосостояния населения.

[17] Арипов Ш. Ташкенту рукой подать до Каспия // Vesti.UZ. – 16.01.2024. – URL: https://vesti.uz/tashkentu-rukoj-podat-do-kaspija (дата обращения: 26.01.2024).

* * *

Подводя итог, следует отметить следующее. МТК «Север – Юг» – это уникальная, перспективная транспортная магистраль, столь необходимая сегодня как России, так и ее партнерам в Центральной Азии. Для повышения эффективной работы МТК требуется много чего еще сделать. Необходимо, в частности, модернизировать порты на Каспии стран-участниц: они важны для стабильного товарооборота между Россией, Ираном и Туркменией. Важную роль может сыграть и более интенсивное налаживание паромного сообщения с Туркменией и Ираном.

Словом, для развития МТК СЮ потребуется много усилий со стороны России и других государств-участников, включая сюда и заинтересованные страны Центральной Азии. Осознание общей выгоды будет способствовать углублению их взаимодействия с Россией не только в торгово-экономической сфере, но и на других направлениях сотрудничества.

Список источников и литературы

1. Арипов Ш. Ташкенту рукой подать до Каспия // Vesti.UZ. – 16.01.2024. – URL: https://vesti.uz/tashkentu-rukoj-podat-do-kaspija (дата обращения: 26.01.2024).
2. В Афганистане заявили о готовности участвовать в работе МТК «Север – Юг» // РИА Новости. – 17.05.2024. – URL: https://ria.ru/20240517/afganistan-1946627393.html?in=t (дата обращения: 29.06.2024).
3. Встреча с руководителями международных информагентств // Президент России. – 05.06.2024. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/74223 (дата обращения: 29.06.2024).
4. Встреча с Эмиром Катара Тамимом Бен Хамадом Аль Тани // Президент России. – 04.07.2024. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/74468 (дата обращения: 04.07.2024).
5. Кожемякин С. «Красная дорожка» для Запада // Правда. – 08.02.2024. – URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/13-31506-8-fevralya-2024-goda/krasnaya-dorozhka-dlya-zapada (дата обращения: 09.02.2024).
6. Концепция Стратегии развития Республики Узбекистан до 2035 года – часть 13 // 3uch. – URL: https://3uch.ru/textbooks/wacr/bby/ang (дата обращения: 03.07.2024).

7. Медведев Д.А. Время метрополий истекло // Российская газета. – 14.06.2024. – URL: https://rg.ru/2024/06/14/vremia-metropolij-isteklo.html (дата обращения: 03.07.2024).
8. Международный транспортный коридор «Север – Юг» // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 01.11.2016. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/1537456 (дата обращения: 06.07.2024).
9. МТК «Север – Юг» пополнился важным ж/д участком на территории Ирана // Ритм Евразии. – 23.06.2024. – URL: https://www.ritmeurasia.ru/news--2024-06-23--mtk-sever-jug-popolnilsja-vazhnym-zh-d-uchastkom-na-territorii-irana-74083 (дата обращения: 29.06.2024).
10. На кону – транзитный потенциал Туркмении // Ак Жайык. – 27.06.2024. – URL: https://azh.kz/ru/news/view/103416 (дата обращения: 29.06.2024).
11. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Президент России. – 16.06.2023. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/71445 (дата обращения: 18.06.2023).
12. Президент Касым-Жомарт Токаев выступил на заседании Совета глав государств – членов ШОС // Президент Республики Казахстан. – 04.07.2024. – URL: https://www.akorda.kz/ru/prezident-kasym-zhomart-tokaev-vystupil-na-zasedanii-soveta-glav-gosudarstv-chlenov-shos-463722 (дата обращения: 04.07.2024).
13. Семедов С., Шилова А. Проект МТК «Север – Юг»: проблемы и перспективы в условиях санкций // Обозреватель-Observer. – 2023. – № 2. – С. 52–61. – DOI: 10.48137/2074-2975_2023_2_52.
14. Туркменистан строит железную дорогу в Иран в рамках коридора «Север – Юг» // РИА Новости. – 17.05.2024. – URL: https://realty.ria.ru/20240517/khusnullin-1946760800.html?in=t (дата обращения: 29.06.2024).
15. Туркменистан, Россия и Казахстан создадут единого железнодорожного оператора для грузоперевозок по коридору «Север – Юг» // Хроника Туркменистана. – 21.04.2023. – URL: https://www.hronikatm.com/2023/04/north-south-corridor (дата обращения: 27.04.2023).
16. Хуснуллин: рассчитываем создать альтернативы Суэцкому каналу // РИА Новости. – 17.05.2024. – URL: https://realty.ria.ru/20240517/kanal-1946735741.html?in=t (дата обращения: 29.06.2024).

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.02
УДК 33+323+327

НЕГАТИВНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВМЕСТНОЙ ИСТОРИИ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР КАК ОСНОВА ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО РАЗЛОМА ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ВОРОБЬЕВ Сергей Владимирович
доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН.
E-mail: 352147@gmail.com
SPIN-код: 5815-2340
ORCID: 0009-0003-0889-5590

Для цитирования: *Воробьев С.В.* Негативная трансформация совместной истории после распада СССР как основа идеологического разлома постсоветского пространства // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 4 (8). – С. 22–32. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.02.

Аннотация. В статье представлены результаты анализа содержания школьных учебников по истории, изданных в Азербайджане, Белоруссии, Киргизии, Молдавии, Узбекистане и на Украине. Учебные пособия Азербайджана, Молдавии, Узбекистана, Украины изобилуют искаженной исторической информацией и содержат политически ангажированные оценки различных событий международной жизни. В подаче исторического материала присутствуют ярко выраженные русофобские тенденции. Исторический период проживания рассматриваемых народов в составе Российской империи и Советского Союза воспринимается в большинстве случаев как вынужденный. Роль России в объединении народов, формировании и сохранении их государственности намеренно замалчивается. Внимание учащихся фокусируется на исключительной значимости участия собственного государства в международных отношениях, что способствует формированию националистической картины мира, разобщению народов и межнациональной розни. Материалы учебников по истории позволяют наглядно убедиться в углублении идеологических разломов на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: постсоветское пространство, идеология, русофобия, суверенная история, преемственность поколений, материалы школьных учебников, история международного взаимодействия.

Negative Transformation of Joint History after Collapse of USSR as the Basis of Ideological Rift of Post-Soviet Space

Sergey V. VOROBYOV
DSc in History, Professor, Leading Researcher at the Center for Interdisciplinary Research of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).
E-mail: 352147@gmail.com
SPIN-code: 5815-2340
ORCID: 0009-0003-0889-5590

For citation: Vorobyov S.V. (2024). Negative Transformation of Joint History after Collapse of USSR as the Basis of Ideological Rift of Post-Soviet Space. *Middle & Post-Soviet East*, no. 4 (8), pp. 22–32. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.02.

Abstract. The article presents the results of analyzing the content of school history textbooks published in Azerbaijan, Belarus, Kyrgyzstan, Moldova, Uzbekistan and Ukraine. The textbooks of Azerbaijan, Moldova, Uzbekistan and Ukraine are flooded with distorted historical information and contain politically biased assessments of various international events. There are clearly expressed Russophobic tendencies in the presentation of historical material. The historical period of residence of the peoples under consideration within the Russian Empire and the Soviet Union is perceived in most cases as forced. The role of Russia in uniting the peoples, forming and preserving their statehood is deliberately glossed over. Students' attention is focused on the exclusive importance of their own state's participation in international relations, which contributes to the formation of a nationalistic picture of the world, disunity of peoples and interethnic discord. The analyzed materials of the textbooks allow clearly ascertain the deepening of ideological rifts in the post-Soviet space.

Keywords: post-Soviet space, ideology, Russophobia, sovereign history, generational continuity, school textbook materials, history of international interaction.

Политическое руководство каждого из суверенных постсоветских государств в процессе формирования национальной идентичности стремится сформировать собственную особую трактовку истории взаимодействия своего народа с другими народами, используя разнообразие существующих представлений о совместном историческом прошлом. Подобные трактовки вместе с морально-ценностными установками занимают значимое место в мировой истории. Они имеют стержневое значение в формировании общественно-политического и психологического климата для конкретного государства, народа, этноса или религиозной общности. Морально-ценностные установки лежат в основе национальных культур, складывающихся в результате синтеза ключевых традиций народа[1]. Возникновение и закрепление собственных исторических представлений в конкретном государстве происходит за счет преемственности поколений.

С уничтожением Советского Союза в суверенных государствах на постсоветском пространстве начался активный процесс формирования собственных трактовок исторических событий.

Возникновение национальных трактовок истории взаимодействия нашей страны и постсоветских государств можно оценить по тому, как именно в школьных учебниках представлен данный (весьма продолжительный) исторический период. Для анализа автором были выбраны учебники старших классов (с 8-го по 11-й) таких государств, как Азербайджан, Белоруссия, Киргизия, Молдавия, Украина, Узбекистан. Выбор школьных учебников в качестве объекта анализа обусловлен тем, что на их страницах представлены «мягкие» доказательства мифологизации истории международного взаимодействия, прошедшие официальное утверждение в государственных структурах. В учебниках вышеупомянутых государств закладывается база дружеского или враждебного отношения к Российской Федерации и нашему народу на значительную перспективу, дается оценка совместного прошлого. Авторами рассматриваемых учебных пособий предпринимаются попытки формирования собственного национального исторического конструкта, начиная со времени зарождения отдельных народов до пе-

[1] Фундаментальное ядро содержания общего образования: проект / под ред. Козлова В.В., Кондакова А.М. – Москва: Просвещение, 2009. – С. 19.

риода их пребывания в составе Российской империи и Советского Союза. Особое внимание уделяется истории Второй мировой и Великой Отечественной войн.

В школьных учебниках Белоруссии представлена история народа и международного взаимодействия самостоятельного белорусского государственного образования на основе принципов, изложенных еще в 1919 г. В.М. Игнатовским в «Кратком очерке истории Беларуси», где представлены пять периодов: полоцкий (IX–XII вв.), литовско-белорусский (XIII – первая половина XVI в.), польский (вторая половина XVI – XVIII в.), российский (конец XVIII – начало XX в.), советский (с 1917 г.)[2]. Авторы отмечают, что абсолютное неприятие религиозных воззрений Речи Посполитой белорусским народом стало значимым фактором, способствовавшим его вхождению в состав Российской империи в конце XVIII в. Белорусская история межгосударственного взаимодействия в школьных программах максимально достоверно представлена в период после создания БССР в 1919 г.

В школьной программе Молдавии вместо собственной истории, основанной на государственно-правовом подходе, который использовался начиная с XIX в., изучается такая дисциплина, как «История румын и всеобщая история». При этом, по данным переписи населения 2014 г., румынами в Молдавии себя считали лишь около 7% населения страны. При описании ранних периодов истории молдавское население отождествлено с румынским, как частью древних даков, ассимилировавшихся в римское общество[3].

В учебниках Украины, основанных на национальной традиции, заложенной в концепции М.С. Грушевского, роль и место украинского народа определяется не на основе исторических источников, а за счет противопоставления украинского и русского народов. Другим базовым постулатом выступает отрицание древ-

[2] Белозорович В.А., Кудрявцева С.А., Любый А.В. История Беларуси с древнейших времен до конца XVIII в.: учеб. пособие для 10-го кл. учреждений общ. сред. образования с русским языком обучения (с электрон. приложением для повышенного уровня) / под ред. Белозоровича В.А. – Минск: Изд. центр БГУ, 2020. – 271 с.

[3] Войны памяти: битва за прошлое // ТАСС. – URL: https://tass.kribrum.ru/history_war (дата обращения: 23.06.2024).

нерусской народности – по мнению авторов учебных пособий, с IV в. на тех же территориях существовала некая «украинско-русская» народность, а Киевская Русь к этому моменту уже сформировалась как украинское государство[4]. При этом в украинских учебниках, изданных в 2016 г., значимых «суверенных» исторических событий не представлено[5].

При составлении учебников были проигнорированы труды знаменитого исследователя украинской истории Н.И. Костомарова, который представил на суд читателя не только фундаментальные работы о Б.М. Хмельницком и И.С. Мазепе, но и систематизированные исторические материалы о русских вечевых республиках – Новгородской и Псковской, – заложивших основы государственных образований на территории Древней Руси.

Начало взаимоотношений Украины, представленной в учебниках как «Українска казацька держава», с Россией датируется серединой XVII в., когда Украина, являясь «гетманщиной Речи Посполитой» (вероятно, таким термином авторы пытались обозначить зависимый характер украинских государственных образований), ведет войну за независимость и заключает с «Московской державой» договор против поляков. Согласно представленной трактовке, «московская» сторона не стала бы подписывать соглашение с «казацьской державой», если бы не опасалась того, что последняя заключит союз с Турцией[6]. Вина за дальнейший разрыв «московско-украинского» договора также возлагается на Москву, о фактах перехода украинских гетманов и полковников на сторону Речи Посполитой не упоминается.

По мнению составителей учебников, на протяжении XVIII в. Россия последовательно уничтожала государственность, экономику, торговлю и культуру Украины. Данный процесс проходил в ходе разделов Речи Посполитой, в результате которых, в подаче авторов, над украинской территорией и народом были установлены протектораты Австро-Венгрии и России.

---

[4] Войны памяти: битва за прошлое // ТАСС. – URL: https://tass.kribrum.ru/history_war (дата обращения: 23.06.2024).

[5] Власов В.С. Історія України: пидруч. для 8-го кл. загально-освіт. навч. закл. – Київ: Генеза, 2016. – 256 с. – Укр. яз.

[6] Там же. С. 137–139.

Российско-украинские взаимоотношения в XIX – начале XX в. позиционируются в учебниках, как серия попыток Москвы решить «украинский вопрос». Основной упор в украинских пособиях сделан на голодомор 1930-х годов и сталинские репрессии по отношению к украинцам.

Формируя политико-патриотическую составляющую, основанную на собственной культуре и идентичности, историки большинства постсоветских государств в школьных учебниках представляют картину зарождения этносов и ранних прообразов национальных государств, начиная с отдаленных событий, произошедших еще до нашей эры. Так, в учебниках Киргизии говорится о том, что уже в VI–V вв. до н.э. на северных территориях данного государства существовали основы государственности в виде объединений племенных союзов[7]. Период IX в. н.э. в учебниках обозначен как «Кыргызское Великодержавие»[8]. Авторы сообщают, что к середине XIX в. в рамках «колониальной» политики Российской Империи по политико-экономическому и военному присоединению Туркестана, киргизское население, проживавшее на территории Кокандского ханства, перешло в российское подданство. При этом протекторат России над киргизами признавался не всем населением. Российское подданство принималось киргизами постепенно с 1863 по 1868 г., начиная с родов Северного Кыргызстана, которые рассматривали Россию как покровительницу и защитницу[9]. Вооруженное сопротивление южных территорий Киргизии российской колониальной политике представлено как национально-освободительное движение народа. При этом в выводах, определяющих историческое значение присоединения Киргизии к России, сформулированных в позитивном ключе, указано, что присоединение «ослабило вековой диктат родовой знати», «появились предпосылки для экономического развития горных регионов, становления в них капиталистических отноше-

[7] Осмонов О. Дж. История Кыргызстана: основные вехи (с древнейших времен до XIX века). Учебник для 10 кл. сред. шк. – Изд. 3-е, исправл. и доп. – Бишкек: Инсанат, 2012. – С. 44.

[8] Там же.С. 89.

[9] Осмонов О. Дж. История Кыргызстана: основные вехи (с древнейших времен до XIX века). Учебник для 11 кл. сред. шк. – Изд. 3-е, исправл. и доп. – Бишкек: Инсанат, 2012. – С. 89.

ний», «натуральное хозяйство начало приспосабливаться к рыночным отношениям»[10]. К отрицательным аспектам вхождения в состав Российской империи авторы учебников относят усилившуюся социально-экономическую дифференциацию населения. Период с 1898 по 1917 гг. отмечен как национально-освободительная борьба против колониальной политики российского царизма[11].

В школьных учебниках Узбекистана подчеркивается, что в середине XIX в. этнические узбеки проживали на территории сразу трех государственных образований: Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств. Получение узбеками российского подданства объясняется завоеванием Россией этих государств и созданием Туркестанской области. В учебниках содержится подробное описание событий национально-освободительной борьбы узбеков против Российской империи. Присоединение территорий проживания узбеков рассматривается исключительно в негативном ключе. Авторами проводится мысль о том, что вхождение в состав Российской империи не привело к инфраструктурному или экономическому развитию узбекских городов и поселений[12].

Особый интерес в контексте тематики статьи представляет трактовка истории международного взаимодействия в школьных учебниках Азербайджана. Констатируется факт, что большая часть территории Южного Кавказа – исторические азербайджанские земли. Нахождение Северного Азербайджана в составе Российской империи в XIX – начале XX в. определено авторами учебника как оккупация, приведшая к формированию и развитию национально-демократических и антиколониальных движений, выступавших против гнета Российской империи[13].

---

[10] Осмонов О. Дж. История Кыргызстана: основные вехи (с древнейших времен до XIX века). Учебник для 11 кл. сред. шк. – Изд. 3-е, исправл. и доп. – Бишкек: Инсанат, 2012. – С. 32.

[11] Там же. С. 43–51.

[12] Тилабаев С., Кенжаев Д. История Узбекистана: учебник для учащихся 10 классов школ общего среднего образования. – Ташкент: Республиканский центр образования, 2022. – С. 9–46.

[13] История Азербайджана: учебник по предмету История Азербайджана для 11-го класса общеобразовательных школ. – Баку: Azərbaycan Respublikası Elm və Təhsil Nazirliyi, 2019. – С. 9–73.

Изложение советского исторического периода в учебниках постсоветских государств также имеет весьма противоречивый характер. В молдавских и украинских учебниках прослеживается влияние западных историков, принижающих значение национальных окраин СССР: значительное внимание уделено событиям конца 1930-х годов и, конкретно, пакту Молотова-Риббентропа, ставится знак равенства между внешнеполитическими устремлениями Третьего рейха и СССР по завоеванию мирового господства.

Исторические аспекты в учебниках Белоруссии представлены более достоверно и объективно. В учебнике истории для 11-го класса, посвященном в основном социально-экономическим, политическим и культурным аспектам развития страны, отдельная глава рассказывает о роли Белоруссии в системе международных отношений. В учебнике дается детальное описание событий, начиная с Отечественной войны 1812 г. по 7 июня 2021 г., когда Указом Президента Республики Беларусь 17 сентября был объявлен Днем народного единства[14]. Учебный материал содержит упоминания об особой роли взаимоотношений с Россией, подчеркивается ключевая роль нашей страны в объединении белорусского народа и формировании единого государства. Изложение событий Первой, Второй мировой и Великой Отечественной войн аналогично представленному в российских исторических пособиях. Исключение составляет особый параграф, посвященный деятельности коллаборационистских организаций на белорусской территории[15], что подтверждает не только смелость авторов учебного пособия, но и доказывает, что политическое руководство Белоруссии, заботясь о будущем своего народа, соблюдает важный принцип обучения и воспитания: молодые поколения нужно учить не только на позитивном, но и на негативном историческом опыте.

Материал киргизских учебников дает представление об основных направлениях становления и развития Киргизской Советской Социалистической Республики и национальной политике Советской власти. Демонстрируется героизм воинов-кыргызстан-

[14] История Беларуси, XIX – начало XXI в.: учебное пособие для 11-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения / под ред. Касовича А.В., Соловьянова А.П. – Минск: Изд. центр БГУ, 2021. – С. 100–155.

[15] Там же. С. 132–134.

цев и тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны. Авторы характеризуют 1930–1940-е годы как время массовых репрессий, а период 1953–1964 гг. называют периодом волюнтаристских реформ. Изложение материала подкреплено выдержками из официальных государственных документов. Подчеркивается тот факт, что подавляющее большинство жителей Киргизской ССР на референдуме 17 марта 1991 г. высказались за сохранение Советского Союза. Период нахождения Киргизии в составе СССР оценивается как опека[16].

История Узбекистана в советский период представлена по большей части в отрицательном ключе. Отношение к Узбекистану в период становления советской государственности обозначается как репрессивное. Раздел о Великой Отечественной войне, посвященный героям и труженикам тыла из Узбекистана, обозначен предельно обезличенно: «Узбекистан в 1941–1945 гг.». Сам термин Великая Отечественная война авторами не используется, однако хронологические рамки Второй мировой войны приведены в соответствии с советской исторической традицией: в качестве даты окончания войны указано 2 сентября 1945 года[17].

Начальные годы советской власти в Азербайджане в школьных учебниках определены как «политика геноцида против азербайджанцев», а состояние взаимоотношений Азербайджанской ССР и РСФСР оценено как «большевистская оккупация». Сам же Советский Союз назван «фальшивым» союзом[18]. Прямые упоминания об участии азербайджанцев в Великой Отечественной войне отсутствуют – дивизии Красной армии, сформированные на территории Азербайджанской ССР, представлены как «национальные азербайджанские дивизии, участвовавшие в сражениях Второй мировой войны». В учебниках также присутствует материал о значении бакинской нефти и самого города Баку в победе над врагом в «войне моторов». Авторами высказывается сожаление о том, что городу Баку так и не было присвоено звание «город-герой».

---

[16] Осмонов О. Дж. История Кыргызстана: основные вехи (с древнейших времен до XIX века). Учебник для 11 кл. сред. шк. – Изд. 3-е, исправл. и доп. – Бишкек: Инсанат, 2012. – С. 224.

[17] Там же. С. 143.

[18] Агаларов П. и др. История Азербайджана: учебник по предмету История Азербайджана для 11-го класса общеобразовательных школ. – Баку, 2019. – С. 148.

* * *

Проведенный анализ учебных материалов по истории, опубликованных в ряде государств постсоветского пространства, позволяет сделать вывод о том, что фальсификация истории и манипулирование историческими фактами, характерные для первых лет независимости бывших союзных республик СССР, лишь усугубились в первые десятилетия XXI в.

Учебные пособия изобилуют противоречивой исторической информацией и содержат политически ангажированные оценки различных событий международной жизни. Исключение из школьных программ преподавания истории большого количества значимых событий международного взаимодействия и смещение фокуса внимания учащихся на исключительную значимость участия собственного государства в международных отношениях способствует формированию националистической картины мира. Подобные подходы приводят к разобщению народов и межнациональной розни. В большей степени все вышесказанное относится к учебникам Узбекистана, Азербайджана, Молдавии и Украины, в то время как авторам школьных пособий Белоруссии и Киргизии удалось избежать чрезмерной политизации и прочих негативных тенденций.

Следует отметить, что в каждом из постсоветских государств, рассматриваемом в рамках данного исследования, происходит активное формирование собственного исторического конструкта участия народа и страны в международных отношениях. При создании подобных конструктов и обновленных представлений о зарождении собственной государственности, историки ряда постсоветских государств ставят во главу угла националистические устремления политических элит, намеренно отказываясь от использования в работе достоверных исторических источников.

Исторический период проживания рассматриваемых народов в составе Российской империи и Советского Союза воспринимается в большинстве случаев, как вынужденный. Роль России в объединении народов, формировании и сохранении их государственности намеренно замалчивается и маскируется. Общее историческое прошлое очерняется. Таким способом политические элиты ряда постсоветских государств ведут целенаправленную работу по

созданию у населения искаженного образа России в рамках продвигаемой геополитическими оппонентами нашей страны единой русофобской повестки.

Список источников и литературы

1. Агаларов П. и др. История Азербайджана: учебник по предмету История Азербайджана для 11-го класса общеобразовательных школ. – Баку, 2019. – С. 148.
2. Белозорович В.А., Кудрявцева С.А., Любый А.В. История Беларуси с древнейших времен до конца XVIII в.: учеб. пособие для 10-го кл. учреждений общ. сред. образования с русским языком обучения (с электрон. приложением для повышенного уровня) / под ред. Белозоровича В.А. – Минск: Изд. центр БГУ, 2020. – 271 с.
3. Войны памяти: битва за прошлое // ТАСС. – URL: https://tass.kribrum.ru/history_war (дата обращения: 23.06.2024).
4. История Азербайджана: учебник по предмету История Азербайджана для 11-го класса общеобразовательных школ. – Баку: Azərbaycan Respublikası Elm və Təhsil Nazirliyi, 2019. – 208 с.
5. История Беларуси, XIX – начало XXI в.: учебное пособие для 11-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения / под ред. Касовича А.В., Соловьянова А.П. – Минск: Изд. центр БГУ, 2021. – 240 с.
6. Осмонов О. Дж. История Кыргызстана: основные вехи (с древнейших времен до XIX века). Учебник для 10 кл. сред. шк. – Изд. 3-е, исправл. и доп. – Бишкек: Инсанат, 2012. – 288 с.
7. Осмонов О. Дж. История Кыргызстана: основные вехи (с древнейших времен до XIX века). Учебник для 11 кл. сред. шк. – Изд. 3-е, исправл. и доп. – Бишкек: Инсанат, 2012. – 240 с.
8. Тилабаев С., Кенжаев Д. История Узбекистана: учебник для учащихся 10 классов школ общего среднего образования. – Ташкент: Республиканский центр образования, 2022. – 192 с.
9. Фундаментальное ядро содержания общего образования: проект / под ред. Козлова В.В., Кондакова А.М. – Москва: Просвещение, 2009. – 44 с.
10. Власов В.С. Історія України: пидруч. для 8-го кл. загально-освіт. навч. закл. – Київ: Генеза, 2016. – 256 с. – Укр. яз.

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.03
УДК 327

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В АРАБСКОМ МИРЕ

ПАНИН Виктор Николаевич
доктор политических наук, профессор,
директор Института международных отношений
Пятигорского государственного университета.
E-mail: paninv1@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8855-7249

Для цитирования: *Панин В.Н.* Геополитические процессы в Арабском мире // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 4 (8). – С. 33–48. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.03.

Аннотация. Исторически в Арабском мире наблюдаются разнообразные внутренние проблемы. В межарабских отношениях автором отмечаются развертывающиеся десятилетиями центростремительные и центробежные тенденции, оказывающие влияние на баланс сил на Ближнем Востоке. Также автором подчеркиваются факторы взаимодействия внутри арабских государств в рамках противостояния современного и традиционного обществ. Проанализировано влияние глобализации на развитие стран Арабского Востока. Особое внимание уделяется борьбе за лидерство в арабском мире, приводящее вкупе с негативным воздействием неоколониальной политики Запада к возрастающей региональной конфликтогенности. Позитивно оценивается роль присутствия России на пространстве Ближнего Востока, нацеленного на конструктивное взаимодействие с арабскими странами в различных сферах.

Ключевые слова: Арабский мир, Ближний Восток, геополитика, национализм, модернизация, лидерство, конфликты, Саудовская Аравия, Египет, Сирия.

Geopolitical Processes in Arab World

Victor N. PANIN
DSc in History, Professor, Director of the Institute
of International Relations of Pyatigorsk State University.
E-mail: paninv1@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8855-7249

For citation: Panin V.N. (2024). Geopolitical Processes in Arab World. *Middle & Post-Soviet East*, no. 4 (8), pp. 33–48. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.03.

Abstract. Historically, the Arab world has experienced a variety of internal problems. In inter-Arab relations, the author notes the centripetal and centrifugal trends that have been unfolding for decades, affecting the balance of power in the Middle East. The author also emphasizes the factors of interaction within the Arab states of the phenomenon of confrontation between modern and traditional societies. The influence of globalization on the development of the countries of the Arab East is analyzed. Special attention is paid to the struggle for leadership in the Arab world, which, coupled with the negative impact of the neo-colonial policy of the West, leads to an increasing regional conflict. The role of Russia's presence in the Middle East, aimed at constructive cooperation with Arab countries in various fields, is positively assessed.

Keywords: The Arab world, the Middle East, geopolitics, nationalism, modernization, leadership, conflicts, Saudi Arabia, Egypt, Syria.

Страны Ближнего Востока занимают одну из наиболее важных и стратегически значимых геополитических позиций в новой формирующейся системе международных отношений. Впервые термин «Ближний Восток» был употреблен американским военно-морским аналитиком Альфредом Мэхэном в 1902 г.[1] На региональном уровне арабским странам свойственна разновекторность политического, экономического и социокультурного развития, что обусловлено различиями стран в размере территорий, численности населения, политическими системами, обеспеченности природными ресурсами, емкости внутреннего рынка. Независимыми субъектами международных отношений из всех современных

[1] Mahan A. The Persian Gulf and International Relations. – London: National Review, 1902. – P. 39.

стран ближневосточного региона в первой половине XX столетия были лишь Йемен (с 1919 г.), Саудовская Аравия (с 1926 г.), Сирия (с 1941 г.), Ливан (с 1943 г.) и Иордания (с 1946 г.)[2]. Основной этап политического развития региона пришелся на 50–60-е годы XX в., в период борьбы ближневосточных стран за свою независимость. Вместе с тем процесс обретения политической независимости не только не разрешил весь комплекс проблем, стоявших перед странами, но и выдвинул новые, как, например, выбор политической и экономической модели своего дальнейшей развития.

Консолидирующими факторами для арабского социума выступают: общий спектр проблем, связанных с необходимостью ускорения технологического развития, фактор обретения политической и экономической независимости, укрепление национального суверенитета, а также единая историческая и социокультурная основа, способствующая самоидентификации в качестве единой нации[3]. Среди дестабилизирующих факторов стоит выделить: рост социально-политической дифференциации государств, отсутствие очевидного лидера в арабском мире, что порождает борьбу между региональными акторами, столкновение местных «национализмов», а также вмешательство в политические процессы, протекающие в арабском мире, влиятельных внерегиональных участников.

В ходе своего геополитического развития межарабские отношения характеризовались периодической сменой центростремительных и центробежных тенденций. Так, можно выделить три основных этапа развития межарабских отношений.

В 60-е годы XX в. ключевым трендом арабского мира стала определенная поляризация правящих сил. Геополитическая борьба развернулась между группой стран, придерживавшихся социалистической ориентации, и группой стран, входивших в сферу влияния Запада. Данное противоборство повышало общий уровень

---

[2] Панин В.Н. Политическая интеграция на Ближнем Востоке: специальность 09.00.10: дис. … канд. филос. наук / Панин Виктор Николаевич; науч. рук. Шпак В.Ю.; Ростовский государственный университет. Ростов-на-Дону, 1995. – 111 с.

[3] Крылов Д.С. Анализ идейно-ценностного потенциала государств Ближнего Востока на современном этапе // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 3 (3). – С. 113–133. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.07.

конфликтогенности в арабском мире, однако в то же время консолидирующими обстоятельствами для межарабских отношений выступило развитие арабского национального самосознания.

Результатом данного геополитического противоборства стала поляризация межарабских отношений на два блока: социалистической направленности (к нему следует отнести Алжир, Сирию, Ирак, Южный Йемен, Египет и Ливию) и монархической направленности (Иордания, а также монархии Магриба и Аравийского полуострова). Выражением этой тенденции стала так называемая «дипломатия группировок» как со стороны просоциалистических, так и со стороны авторитарных арабских режимов. Одну из определяющих ролей сыграл и фактор иностранного вмешательства. Так западные державы во главе с США оказывали поддержку монархиям региона, в то время как СССР оказывал поддержку Египту, Сирии, Ливии и Южному Йемену.

Арабо-израильская война 1967 г. способствовала укреплению арабского национализма, однако разница в позициях государств в отношении ближневосточного урегулирования создавала потенциальную основу для кризиса в межгосударственном диалоге, который в полной мере проявил себя после подписания Кэмп-Дэвидского соглашения между Египтом и Израилем в 1979 г.

1970-е годы ознаменовались завершением формирования современной системы межарабских отношений, а также становлением относительно устойчивых политических систем. В рамках данного процесса было определено число ее акторов – 18 государств. Вместе с тем в этот период часть из них пережила турбулентный этап своего развития, связанного с ослаблением идей панарабизма и сменой внешнеполитических приоритетов. В качестве стабилизирующей основы выступил ислам, результатом растущей популярности которого стало создание политических организаций происламской направленности во многих странах региона. Выражением кризисного состояния идей панарабизма стал провал проекта создания ОАР, предусматривавшего интеграцию Сирии, Ливии и Египта в различных областях, наряду с созданием единой структуры органов власти. Поскольку реальных оснований для практического воплощения подобной инициативы не существовало, данная интеграционная структура не имела перспектив для своего развития.

В 1970-х годах появился новый феномен в социально-экономической и демографической сферах – арабская миграция в страны – экспортеры нефти, ставшая важным элементом политической и социально-экономической жизни региона. Основными экспортерами рабочей силы в середине 1970-х годов были Египет (17,7%), ЙАР (15,5), Иордания, включая палестинцев (13,3), НДРЙ (3,5), Сирия (2,8), Судан (2,4), Оман (1,7), Тунис (1,5), Марокко (1,0%)[4].

Таким образом, межарабские отношения 1970-х годов были отмечены высоким уровнем конфликтогенности, основным катализатором которой выступили: борьба за региональное лидерство, разновекторность внешнеполитических приоритетов, различие в политическом потенциале и «дипломатия группировок».

Дальнейшие тенденции в межарабских отношениях 1970-х годов получили свое развитие в 1980-е годы, однако принципиально новое воздействие на социально-экономические процессы как на региональном, так и на национальном уровнях оказал нефтяной фактор и идеология потребления, способствуя экономической интеграции и развитию свободного передвижения рабочей силы и капитала, с одной стороны, с другой – это выразилось в усилении диверсификации уровней социально-экономического и политического развития различных арабских государств. В то же время в этот период произошел резкий рост влияния религиозного фактора и усиление тенденции к исламизации общества, активизировавшей дезинтеграционные процессы, которые достигли своего апогея в начале десятилетия. В рамках противодействия данному процессу лидеры арабских стран пытались найти новые основы для консолидации, прибегая к деполитизации внешних связей и смещению акцента в область экономических интересов.

Наблюдаемая в арабском мире тенденция перехода от охватывающих широкие сферы деятельности, всеобъемлющих институтов к более прагматичным, ограниченным по масштабам региональным формированиям, началась с создания в 1981 г. шестью государствами Аравийского полуострова Совета сотрудничества

[4] Global Trends in Migration: Theory and Research on International Population Movements / ed. by Kritz M., Keely C. – New York: Center for Migration Studies, 1983. – P. 260–262.

арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ)[5]. ССАГПЗ позиционировался как альтернатива Лиге арабских государств (ЛАГ), и должен был стать форумом, посредством которого могли бы реализовываться цели каждого арабского государства – члена союза. В пользу создания новой организации указывал тот факт, что устав ЛАГ перестал отвечать на вызовы, которые происходили в регионе, а характер принятия решений методом консенсуса тормозил ее работу. Постепенно деятельность ССАГПЗ становилась разнообразнее, затрагивая, в том числе, и военно-политическую сферу, результатом чего стала разработка единой оборонной стратегии и в 1984 г. создание военно-политической составляющей ССАГПЗ – «Щит полуострова»[6].

Учреждение ССАГПЗ было продиктовано как угрозами безопасности, актуализированными ирано-иракской войной, так и необходимостью проведения согласованной политики в отношении экспорта нефти в условиях изменения глобальной экономической конъюнктуры.

В феврале 1989 г. было заключено соглашение о создании Союза Арабского Магриба (САМ)[7]. Изначально организация была призвана экономически и политически консолидировать страны Магриба, однако успехов она не достигла, поскольку с течением времени обострилась борьба за региональное лидерство между Марокко, Алжиром и Ливией, а также обострились территориальные споры между Марокко и Мавританией. Дополнительное напряжение в регионе создавалось из-за неопределенного статуса Западной Сахары.

В феврале 1989 г. на встрече руководителей Алжира, Марокко, Туниса, Ливии и Мавритании в Марракеше (Марокко) был подписан договор о создании Союза Арабского Магриба (САМ). Целью этой региональной организации провозглашалась координация внешнеполитической и экономической деятельности стран-

[5] The Politics of Arab Integration / ed. by Luciani G., Salame G. – London: Helm, 1988. – P. 118.

[6] Middle East, November 1984. – London: TME Media 21 Ltd, 1984. – P. 8.

[7] Союз арабского Магриба: официальный сайт. – URL: https://maghrebarabe.org. (дата обращения: 16.05.2024).

участниц, предусматривающая, в частности, свободное перемещение людей, товаров и капитала[8].

Свидетельством региональной консолидации стала нормализация отношений арабских стран с Египтом, узаконенная решением внеочередной сессии Совета ЛАГ в Аммане в ноябре 1987 г., которая, отказавшись от традиционного принципа консенсуса, предоставила право каждой стране самостоятельно решать вопрос о восстановлении дипломатических отношений с Египтом[9]. Возвращение Египта в арабские ряды позволило тому выступить в роли создателя третьей крупной региональной группировки арабского мира – Совета Арабского Сотрудничества (САС) в составе Египта, Ирака, Иордании и Йемена. Идея создания САС была обусловлена реальной ситуацией и расстановкой сил в арабском мире. САС имел целью противостояние фактически замкнутым ССАГПЗ и САМ. При его создании учитывались и такие факторы, как особое положение Сирии, соперничающей с Египтом и Ираком за лидирующую роль в арабском мире, острые внутренние конфликты в Ливане и Судане, сложность обстановки в Йемене. Хотя при создании САС доминировали политические цели, задачи экономического сотрудничества также заняли важное место в его деятельности.

На характер политических процессов в арабском мире в 1990-е годы и в начале XXI в. повлияли разложение традиционного общества и активизация процессов модернизации, сопровождавшейся относительным повышением уровня жизни населения. На уровень модернизации, которая не являлась однородной в странах региона, оказывало влияние большое количество разнообразных факторов, в частности изначальная основа модернизации, темпы экономического развития, структура социальных, религиозных, политических приоритетов в отношении выбранной модели развития. В то же время характерной чертой стран арабского мира является определенная двойственность модели своего развития, где присутствуют черты как традиционализма, так и модернизма.

Вряд ли есть основания полагать, что воинственный, наиболее нетерпимый ко всему современному, исламский радика-

[8] The Economist, February 25, 1989. – New York: The Economist Intelligence Unit N.A., Incorporated, 1989. – P. 55–57.

[9] Middle East, December 1987. – London: TME Media 21 Ltd, 1987. – P. 6.

лизм пользуется поддержкой большинства населения, которое уже привыкло к некоторым плодам цивилизации. По существу, в арабском мире на одной и той же территории в одно и то же время бок о бок существуют два различных общества: «традиционное» и «современное», каждое со своими социальными структурами, своими формами общественного сознания, ценностными установками. Этому, как отмечал российский востоковед Л.А. Фридман, соответствуют две различные формы социальности: гражданско-общественная и традиционно-общинная. Одна основана на индивидуалистических отношениях современного типа, другая – на корпоративно-коллективистских началах, опутанных сетью многообразных и многослойных связей традиционного типа: этнонациональных, религиозных, сословно-клановых, локально-религиозных, групповых, межличностных и т.д.[10]

Стоит отметить, что на процесс модернизации в арабских странах влияние оказывают как внутренние, так и внешние факторы. Так, влияние внешнего фактора превалирует в отношении стран Персидского залива, в то время как общерегиональное воздействие оказывает фактор бедности населения, что негативно сказывается на процессах модернизации. В контексте модернизационных процессов в арабских странах необходимо отметить факт противостояния современного и традиционного обществ. По мере усиления одной тенденции, сопротивление другой возрастает, обособленное положение в данном случае занимает процесс вестернизации, развивающийся независимо. В результате складывается сложная система государственного управления политическими институтами, сочетающая в себе различные основы: традиционные, родоплеменные, этнические, кастовые и конфессионально-корпоративные.

Сам по себе этнический фактор не играет ключевой роли в образовании межгосударственных или внутригосударственных противоречий в силу факта моноэтничности большинства стран региона. Исключениями в данном случае являются Ирак и Сирия, где проблема курдов не теряет своей актуальности и по сей день. На современном этапе решающее воздействие на геополитиче-

[10] Стоклицкий С.Л., Фридман Л.А., Андрукович П.Ф. Экономические структуры арабских стран. – Москва: Наука, 1988. – С. 300.

ское развитие арабского мира оказывает совокупность различных факторов: социальные отношения, национализм, социальная психология, факторы «традиционного общества», внешние факторы, политические представления о дальнейших путях своего развития и пр. Так, в условиях одного региона складывается широкий спектр различных типов арабских государств, характеризующихся двойственностью политических основ и институтов. Иорданский политолог Камель Абу Забер выделял следующие особенности современного арабского государства: невнимание государства к важнейшим нуждам народа; выполнение особой роли аппаратом безопасности; маргинализация интеллигенции; установление сильной единоличной власти[11].

Набирающие силу интеграционные процессы на Ближнем Востоке, которые происходят в общем контексте усиления глобальной взаимозависимости государств и народов, создают определенные предпосылки для снижения уровня конфронтационности в регионе. Учитывая реакцию ближневосточного общества на изменения в глобальной и региональной расстановке сил, можно предположить, что наметившиеся со второй половины 1980-х годов позитивные тенденции в межгосударственных отношениях благотворно скажутся на межарабских отношениях. Итоги независимого развития ближневосточных стран на протяжении шести минувших десятилетий свидетельствуют о значительных сдвигах, происшедших в этот период в экономическом, социальном и политическом облике арабских стран.

В начале 1990-х годов, после окончания ирако-кувейтского конфликта, наметилось частичное преодоление разобщенности. Политический реализм, занявший место нетерпимости в действиях большинства арабских государств, обусловлен не только внутренним развитием самих стран Ближнего Востока, но и изменившейся обстановкой в мире, уходом в прошлое противостояния двух социально-политических систем.

Для выяснения состояния стабильности на Ближнем Востоке важно отметить то, что арабские общества в течение многих десятилетий развивались достаточно медленно, циклично воспроизводя себя. Примером этому служит существование вплоть до наших

[11] Abu Zaber K. The Nature of State in the Middle East. – Exter, 1987. – P. 5.

дней такой архаичной формы государственного устройства, как теократическая монархия. Смысл межгосударственного общения во многих случаях заключается в стремлении найти союзника с тем, чтобы навязывать всем остальным свою согласованную волю. Следствием этого, отчасти, являлось создание субрегиональных объединений, типа ССАГПЗ, САМ, САС. Немаловажную роль здесь играла и борьба за лидерство в арабском мире между Египтом, Ираком, Сирией, Иорданией и Саудовской Аравией, что во многих случаях на уровне межгосударственных отношений приводило к состоянию долговременной конфронтации. Это находило свое отражение в египетско-саудовских, ирако-кувейтских и йеменско-саудовских отношениях. Подобное состояние конфронтации характерно для всех арабских стран в отношении Израиля.

В целом состояние стабильности на Ближнем Востоке можно охарактеризовать как стагнационно-статическое. Политика, проводимая некоторыми лидерами арабских государств в XXI в., а также стремление европейских и заокеанских акторов контролировать энергоресурсы региона привели к событиям «арабской весны»[12]. Так, в 2011 г. произошли перевороты в Египте, Йемене, Тунисе, получившие на Западе название «арабская весна». Гражданская война привела к смене власти в Ливии. Массовые протесты прошли во многих странах Ближнего Востока: Алжире, Бахрейне, Джибути, Западной Сахаре, Ираке, Иордании, Кувейте, Ливане, Мавритании, Марокко, Омане, Саудовской Аравии и Судане. «Арабская весна» привела также к столкновениям на границе Израиля в мае 2011 г. События «арабской весны» уничтожили Ливию как регионального лидера. Страна до сих пор не может обрести реальный суверенитет, несмотря на свое геополитически важное положение в регионе.

Геополитическая расстановка сил на Ближнем Востоке показывает, что в регионе, где имеется немало сложных проблем, до сегодняшнего дня не создана эффективная система региональной безопасности. Более того, в регионе продолжает иметь место значительный конфликтный потенциал, что дает все основания

[12] Валид Ф. Революция грядет: борьба за свободу на Ближнем Востоке. – Москва: Эксмо, 2020. – С. 105.

утверждать, что Ближний Восток является одним из основных, если не главным конфликтогенным регионом мира.

Стратегическое значение Ближнего Востока объясняет пристальное внимание в отношении региона многих ведущих мировых центров силы, которые в первую очередь стремятся установить контроль над геополитическими опорными точками Ближнего Востока, что позволяет наращивать свое экономическое и военно-политическое влияние в регионе. Данные опорные точки условно можно разделить на две группы: географически привлекательные территории и месторождения углеводородных ресурсов.

К первой группе опорных точек относятся Суэцкий канал, приносящий огромные дивиденды в бюджет Египта, и Ормузский пролив, контролируемый Ираном, что позволяет тому контролировать не только поставки на мировой рынок нефти, добываемой всеми странами Персидского залива, но и контролировать стратегический выход из Персидского залива в мировой океан в целом. Именно данное обстоятельство объясняет то, что, несмотря на принципиальные противоречия геополитического характера между Саудовской Аравией и Ираном, в 2023 г. Эр-Рияд при активном посредничестве Пекина пошел на восстановление отношений с Тегераном, что способствовало значительному изменению баланса сил, как в регионе, так и в глобальной политике в целом.

Также следует указать и на важное военно-стратегическое значение государств Северной Африки, силовое присутствие в которых может предоставить любому ведущему государству мира возможность контроля практически всего Средиземноморья. При этом следует отметить, что военный баланс в Северной Африке несколько отличается от остальной части региона Большого Ближнего Востока[13]. Несмотря на существующее соперничество и напряженность в отношениях между Алжиром, Ливией, Марокко и Тунисом, ни одно государство Магриба в настоящее время не ведет подготовку к войне со своими соседями, и перспективы подобных конфликтов весьма ограничены.

В недалеком прошлом некоторые страны региона имели пограничные столкновения. И Алжир, и Марокко все еще сопер-

[13] De Bruin E., Karabatak Z. Militarized Policing in the Middle East and North Africa // The Journal of the Middle East and Africa. – 2022. – Vol. 13, № 1. – P. 101.

ничают между собой в отношении контроля над бывшей Испанской Сахарой, но ни одно из государств Магриба не приблизилось к серьезному конфликту друг с другом с момента обретения независимости[14]. Главной горячей точкой региона остается Ливия, в которой с 2011 г. продолжается гражданская война при активном участии различных внешних акторов[15].

Таким образом, с геостратегической точки зрения данный регион традиционно является ареной противоборства между ведущими мировыми центрами силы, которые придают большое значение Северной Африке в своих различных геополитических конструктах. Именно это обстоятельство и является важным фактором, определяющим политику России в регионе.

Ко второй группе геополитических опорных точек относятся нефтяные поля Ливии, запасы «черного золота» в Сирии и Ираке, а также углеводородные ресурсы стран Персидского залива, которые привели к бурному экономическому росту и процветанию нефтедобывающих монархий региона, а в Ливии, Ираке и Сирии – к дестабилизации политической и социально-экономической ситуации посредством активной деятельности различных деструктивных сил, в том числе террористического характера, управляемых в основном из Вашингтона[16]. Данные страны являются стратегически важными опорными точками благодаря наличию энергоресурсов и выгодному географическому положению.

Энергоресурсы – не единственное, за что идет борьба на Ближнем Востоке. Не менее актуальна проблема пресной воды. Кто контролирует пресную воду на Ближнем Востоке, тот имеет огромное геостратегическое преимущество. Именно данное обстоятельство дает ключ к пониманию того, что Израиль никогда не уйдет с Голанских высот.

---

[14] Миргород Д.А. Протесты на Ближнем Востоке как тренд регионального политического развития // Университетские чтения – 2020. – № 1. – С. 45.

[15] Коротаев А.В., Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Вторая волна Ливийской гражданской войны: факторы и акторы // Мировая экономика и международные экономические отношения. – 2021. – Т. 65, № 3. – С. 115.

[16] Панин В.Н., Рябцев В.Н. Американские технологии «переформатирования» государств Ближнего и Среднего Востока в современных условиях // Вестник ПГУ. – 2017. – № 3. – С. 175–180.

Вышеизложенные факторы напрямую связаны с необходимостью поддержания постоянного активного присутствия России в ключевых геостратегических точках мира, включая в том числе и Ближний Восток, что должно способствовать не только реализации конкретных политических, экономических, военных интересов Москвы, но также влиять на цели достижения баланса сил и интересов между ведущими центрами мировой политики. Все это, в конечном счете, отвечает одному из основополагающих принципов российской внешней политики, нацеленному на формирование справедливого многополярного мира.

* * *

В последние годы Россия заметно активизировала свое присутствие на Ближнем Востоке, в первую очередь за счет борьбы с террористическими группировками в Сирии. Помимо Дамаска, Россия углубила отношения с другими ключевыми государствами Ближнего и Среднего Востока, включая Иран, который в текущей ситуации на мировой арене стал одним из ключевых партнеров РФ в глобальной проекции[17]. На уровень активного экономического сотрудничества, несмотря на существующие геополитические разногласия, вышли отношения с Турцией. Россия также стремится развивать отношения, как с традиционными партнерами советской эпохи (например, с Алжиром, Египтом, Ливией), так и с бывшими противниками (например, с Саудовской Аравией и другими монархиями полуострова)[18].

В целом ближневосточное направление является стратегически одним из наиболее важных для России с самых разных точек зрения (политической, экономической, военной и пр.). Особенно актуально это в настоящее время, в условиях проведения политики изоляционизма, развязанной в отношении России странами Запада во главе с США. Отношения Москвы со странами Ближнего

[17] Панин В.Н., Косов Г.В. Мировой порядок в XXI веке: теории и практики построения // Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации. – 2016. – № 1. – С. 30.

[18] Миргород Д.А. Столкновение нарративов на Ближнем Востоке: глобальная проекция // Сборник по итогам V Международной научной конференции Потемкинские чтения. – 2021. – С. 130.

Востока основываются на принципах равноправия и взаимной выгоды. В своем выступлении на церемонии подписания соглашений о принятии новых территорий в состав РФ в 2022 г. президент России В.В. Путин сделал особый акцент на недопустимости возвращения мира к колониальной системе, определив угрозу неоколониализма как одну из главных угроз для современного миропорядка[19]. Этот тезис в выступлении Президента России во многом ориентирован и на арабские страны, которые продолжают сталкиваться с проблемой неоколониальных амбиций западных государств. Следовательно, российский подход к ведению международных дел может стать идеологическим подспорьем для развития отношений России со странами арабского мира во всех сферах и областях.

В отличие от стран Запада, Россия не имеет колониального наследия на Ближнем Востоке и только поддерживает стремление государств региона избавиться от пережитков колониальной эпохи. Многополярность играет в интересах России и стран всего арабского мира. Желание России видеть мир, в котором есть не один, а несколько центров силы – это подход, разделяемый подавляющим числом ближневосточных государств. Уровень недавних официальных приемов президента России в ОАЭ и Саудовской Аравии со всей очевидностью доказывает это.

Внешняя политика России в отношении арабских государств продиктована группой факторов, которые составляют основу ее ближневосточного внешнеполитического курса. К ним относятся: глобальная геостратегическая значимость Ближнего Востока; необходимость присутствия России в ключевых геостратегических опорных точках мира; максимальная диверсификация и развитие разносторонних отношений с широким кругом государств, включая страны Ближнего Востока.

РФ использует комплексный подход при реализации своего внешнеполитического курса на Ближнем Востоке: Москва имеет прочные и хорошо налаженные связи с большинством стран региона. Ключевыми партнерами России являются Алжир, Египет и

[19] Антиколониальные тезисы: политологи о выступлении Путина // АК. – 30.09.2022. – URL: https://actualcomment.ru/antikolonialnye-tezisy-politologi-o-vystuplenii-putina-2209301745.html (дата обращения: 20.05.2024).

Сирия в силу наибольшего потенциала сотрудничества и существующих двусторонних соглашений. Помимо этого, Россия в состоянии расширить список ключевых региональных партнеров из-за существующей динамики глобального геополитического развития.

Перспективы развития отношений России со странами Ближнего Востока главным образом концентрируются вокруг возможностей наращивания сотрудничества в сфере энергетики, военно-технического сотрудничества, а также взаимодействие в области безопасности. Помимо этого, существенным потенциалом обладает развитие торговых связей, наращивание сотрудничества в сфере экспорта российских технологий. Достаточно перспективной является область культурного и научного диалога. Наконец, Россия в своей глобальной и региональной политике приступила к выстраиванию стратегии, отрицающей возможность установления неоколониализма и возврата диктаторской политики Западного мира в отношении стран многих регионов мира, что активно приветствуется в силу исторического наследия всеми государствами арабского мира и может стать прочной основой для нашего дальнейшего сотрудничества.

Список источников и литературы

1. Антиколониальные тезисы: политологи о выступлении Путина // АК. – 30.09.2022. – URL: https://actualcomment.ru/antikolonialnye-tezisy-politologi-o-vystuplenii-putina-2209301745.html (дата обращения: 20.05.2024).
2. Валид Ф. Революция грядет: борьба за свободу на Ближнем Востоке. – Москва: Эксмо, 2020. – 480 с.
3. Ганиев Т.А., Карякин В.В. Гражданская война в Ливии: ход боевых действий и интересы сторон // Архонт. – 2020. – № 3 (18). – С. 14–41.
4. Коротаев А.В., Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Вторая волна Ливийской гражданской войны: факторы и акторы // Мировая экономика и международные экономические отношения. – 2021. – Т. 65, № 3. – С. 111–119.
5. Крылов Д.С. Анализ идейно-ценностного потенциала государств Ближнего Востока на современном этапе // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 3 (3). – С. 113–133. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.07.

6. Кузнецов В.А. Роль России и Турции в формировании сирийско-ливийской конфликтной оси восточного средиземноморья // Analytical Bulletin. – 2022. – Т. 14, № 1. – С. 145–158.
7. Манойло А.В. Конфликт в Сирии и внешняя политика России // Актуальные проблемы Европы. – 2020. – № 2. – С. 145–172.
8. Миргород Д.А. Столкновение нарративов на Ближнем Востоке: глобальная проекция // Сборник по итогам V Международной научной конференции Потемкинские чтения. – 2021. – С. 130.
9. Панин В.Н. Политическая интеграция на Ближнем Востоке: специальность 09.00.10: дис. … канд. филос. наук / Панин Виктор Николаевич; науч. рук. Шпак В.Ю.; Ростовский государственный университет. Ростов-на-Дону, 1995. – 111 с.
10. Панин В.Н., Косов Г.В. Мировой порядок в XXI веке: теории и практики построения // Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации. – 2016. – № 1. – С. 28–35.
11. Панин В.Н., Рябцев В.Н. Американские технологии «переформатирования» государств Ближнего и Среднего Востока в современных условиях // Вестник ПГУ. – 2017. – № 3. – С. 175–180.
12. Союз арабского Магриба: официальный сайт. – URL: https://maghrebarabe.org (дата обращения: 16.05.2024).
13. Стоклицкий С.Л., Фридман Л.А., Андрукович П.Ф. Экономические структуры арабских стран. – Москва: Наука, 1988. – 340 с.
14. Abu Zaber K. The Nature of State in the Middle East. – Exter, 1987. – 514 p.
15. De Bruin E., Karabatak Z. Militarized Policing in the Middle East and North Africa // The Journal of the Middle East and Africa. – 2022. – Vol. 13, № 1. – P. 93–110.
16. Global Trends in Migration: Theory and Research on International Population Movements / ed. by Kritz M., Keely C. – New York: Center for Migration Studies, 1983. – 472 p.
17. Mahan A. The Persian Gulf and International Relations. – London: National Review, 1902. – 337 p.
18. Middle East, December 1987. – London: TME Media 21 Ltd, 1987. – 49 p.
19. Middle East, November 1984. – London: TME Media 21 Ltd, 1984. – 69 p.
20. The Economist, February 25, 1989. – New York: The Economist Intelligence Unit N.A., Incorporated, 1989. – 129 p.
21. The Politics of Arab Integration / ed. by Luciani G., Salame G. – London: Helm, 1988. – 360 p.

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.04
УДК 327

О РОЛИ РЕЛИГИИ В АРАБСКИХ АРМИЯХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

АХМЕДОВ Владимир Муртузович
кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник
Центра исследования общих проблем современного Востока
Института востоковедения РАН.
E-mail: shamyarabist@gmail.com
SPIN-код: 2570-6004
ORCID: 0000-0002-4952-2964

Для цитирования: *Ахмедов В.М.* О роли религии в арабских армиях Ближнего Востока // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 4 (8). – С. 49–69. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.04.

Аннотация. Армия сыграла большую роль в современной истории стран Ближнего Востока. В последние десятилетия военные были фокусом арабской политики, находясь в центре механизма принятия решений. В 1980–1990-е годы арабские правители научились обуздывать политические аппетиты военных. С распространением конфессиональных конфликтов, религия сегодня оказывает заметное влияние на развитие основных политических процессов, систему региональной безопасности. В статье исследуются основные отечественные и зарубежные методологические подходы изучения военно-гражданских отношений на Ближнем Востоке. Особое внимание уделено историческим условиям формирования вооруженных сил арабских стран. Их роли и месту в общественно-политической системе. Выявляются причины и мотивы вмешательства армии в политику. Рассматриваются различные инструменты контроля над военными. Изучается характер взаимодействия военных и исламистов. Показаны особенности взаимоотношений армии и власти, армии и общества в странах Арабского Востока. Отмечена значимость национальных и религиозных особенностей в системе военно-гражданских отношений. Выделена роль личности в формировании поведенческого стереотипа военных.

Ключевые слова: армия, офицерство, ислам, военно-гражданские отношения, Ближний Восток, арабские страны.

Sectarianism and Arab Militaries in Middle East

Vladimir M. AKHMEDOV
PhD in History, Assistant Professor, Senior Research Fellow,
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: shamyarabist@gmail.com
SPIN-code: 2570-6004
ORCID: 0000-0002-4952-2964

For citation: Akhmedov V.M. (2024). Sectarianism and Arab Militaries in Middle East. *Middle & Post-Soviet East*, no. 4 (8), pp. 49–69. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.04.

Abstract. The Army has played a significant role in contemporary history of the Middle Eastern states. This fact was determined not only by the frequency of wars and military crises but mainly by the role of the military in domestic politics. In the past few decades, the army and security apparatus presented a focal point of Arabian countries' politics. The military was the center of the power and decision-making mechanism in Middle Eastern countries. In the 1980–1990 s Arab rulers managed to curb the appetites of their military for power and military coups. The author studies universal Russian and Western methodological and theoretical approaches and criteria for examine the civil-military relations. A main attention is paid to historical preconditions for the formatting the armed forces in Arab countries. The author also examines the interaction between politics and military, military and society and tries to show the main reasons behind the army's seizure of power in many Arab countries from the social, political, and economic backgrounds of military rule. The criteria of the civil control under the military and different approaches for preventing army's intervention in politics are in the focus of this article. The author stresses the role of the national and religious factors in the system of civil-military relations. The role of the ruler and ruling élites in determine the behavioral patterns of the military are the subject of the author's investigation as well.

Keywords: army, military, Islam, civil-military relations, Middle East politics, Arab countries.

Методологические подходы исследования

Методологию исследования составили теоретические положения, разработанные в рамках изучения роли военных в общественно-политической жизни государства.

В марксистской концепции о роли армии в политике большое значение имело положение об «относительной самостоятельности вооруженных сил» в политической системе[1]. В большинстве стран Западной Азии на переломных этапах развития относительная самостоятельность армии трансформировалась в гипертрофированную политическую активность. Таким образом, сложилась традиция вмешательства армии в политику, которая ярко проявилась в арабских странах Ближнего Востока[2]. При определенных обстоятельствах армия могла взять на себя «революционную инициативу». Примером этого может служить роль военных в Египте в январе 2011 г.[3]

В западной политологии роль армии в политике изучалась в рамках теории военно-гражданских отношений, которые рассматривались как система взаимозависимых элементов. Ее главными компонентами являлись: формальное положение вооруженных сил во властных структурах, неформальная роль и влияние военных в политике и обществе в целом, характер идеологии военных и гражданских групп. Для их обобщающей характеристики в теории военно-гражданских отношений использовалась категория «гражданский контроль». С этой точки зрения важное значение имела характеристика типологий гражданского контроля, разработанных С. Хантингтоном (объективный и субъективный) и Э. Нордлинджером (традиционный, либеральный, нетрадиционный)[4,5].

Суть «традиционной» модели гражданского контроля состояла в отсутствии заметной разницы между гражданскими и военными элитами. Новые критерии набора на военную службу – образование и профессионализм вместо наследственного титула и

---

[1] Бабуркин С.А. Армия и политика в Андских странах (Венесуэла, Колумбия, Эквадор). – Автореф. дис. … д-ра полит. наук. – Москва, 1994. – С. 14.

[2] Мирский Г.И. «Третий мир». Общество. Власть. Армия. – Москва: Наука, 1976. – С. 4.

[3] Ахмедов В.М. Армия и арабские революции на Ближнем Востоке / Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сб. ст. / под. ред. Наумкина В.В., Попова В.В., Кузнецова В.А. – Москва: ИВ РАН, 2012. – С. 72–91.

[4] Huntington S.P. The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations. – New York: Random House, 1957. – 534 p.

[5] Nordlinger E.A. Soldiers in Politics. Military Coups and Governments. – Englewood Clifs, New Jersey: Prentice-Hall, 1977. – 224 p.

богатства, положили начало процессу дифференциации гражданских и военных элит. Поэтому сегодня применение на практике «традиционной» модели чрезвычайно редко или вовсе отсутствует. «Либеральная» модель исходила из различий между элитами в соответствии с полученными знаниями и данными полномочиями. Фактически, речь шла о максимально возможной деполитизации армии. В теории «либеральная» модель представлялась достаточно эффективной для установления гражданского контроля над армией. Однако на практике гражданские политики нередко нарушали гражданскую этику поведения в отношении военных. Они пытались контролировать процессы назначения и продвижения по службе в армии, а также прибегать к услугам военных для обеспечения собственных политических интересов. Подобное поведение гражданских властей формировало мотивированную основу для возникновения «преторианских» настроений в армии[6].

Третий тип гражданского контроля мог быть реализован в рамках «нетрадиционной» или «пенетрантной» модели. «Пенетрантная» модель могла быть успешно реализована в государствах с особым характером режима личной власти либо жестко централизованного однопартийного руководства. В государствах, где действовал принцип разделения властей, было возможно лишь одновременное установление гражданского контроля над армией и внедрение политической идеологии, что являлось неприемлемым для военных[7]. В большинстве арабских стран с учетом особенностей их развития и традиций взаимоотношения военных и гражданских элит наиболее часто использовался тип гражданского контроля, синтезированный из элементов «пенетрантной» и «традиционной» моделей.

---

[6] Данный термин носит весьма условный характер и касается офицерского корпуса. Одним из первых его применил американский политолог Э. Нордлинджер. Он заимствовал указанное определение из знаменитого исследования истории падения Римской империи «Gibbon E. The Decline and Fall of the Roman Empire. 2 vols., – New York: Modern Library, 1957». У Э. Гиббона речь шла о преторианской гвардии римлян как одном из факторов ослабления могущества Римской империи после того, как преторианцы стали свергать неугодных императоров и контролировать деятельность римского сената.

[7] Nordlinger E.A. Soldiers in Politics. Military Coups and Governments. – Englewood Clifs, New Jersey: Prentice-Hall, 1977. – P. 15–18.

В итоге сформировались три основных подхода к поиску причин вмешательства армии в политику. «Структурно-функциональный», представители которого акцентировали внимание на характеристиках общества. «Институциональный», базирующийся на выделении корпоративных свойств армии и военной элиты, и «социально-психологический», приверженцы которого концентрировали внимание на внутренней мотивации политической активности военных. Соединение элементов этих подходов дает на практике наиболее существенные результаты.

На основе рассмотрения основных теоретических подходов к проблемам «армия и общество», «армия и ислам», «армия и власть» можно сделать следующие выводы. Вооруженные силы должны рассматриваться как сложное явление, неразрывно связанное с обществом и с его политической сферой, в которой они предстают одновременно объектом и субъектом. В качестве субъекта политического процесса армия выступает в разных измерениях: и как институт государства и как заинтересованная социальная группа, имеющая свои корпоративные интересы, а в развивающихся странах нередко и как объект влияния иностранных держав[8].

В арабских странах военные наряду с духовенством оказывали значительное воздействие на многие сферы политики и общественной жизни. Сравнительный анализ взаимозависимостей режима, армии и религии способствует более глубокому пониманию роли ислама в вооруженных силах арабских стран. В странах с республиканским типом правления большое значение имело изучение эволюции роли ислама в армии в процессе формирования религиозной опоры власти. В теократических государствах религия формировала коллективную идентичность армии и была интегрирована в «священные» военные ритуалы. Важной темой в исследовании вопроса о взаимоотношении армии и религии служит выяснение вопросов, касающихся включения в армейскую практику используемых в обществе религиозных и иных ритуалов и обычаев, и внедрения религиозных практик и ритуалов в военную подготовку и моральное воспитание личного состава воору-

[8] Akhmedov V.M. Iran's politics in the Middle East: political and military dimensions // Вестник Института востоковедения РАН. – 2020. – № 4 (14). – P. 247–257.

женных сил. Публичная практика религиозных обычаев может принимать несколько форм. В одном случае религиозные ценности добровольно используются военными и тогда в армии толерантно относятся к религии, либо военные пытаются таким образом внедрить религиозные ценности в общество и демонстрируют свою приверженность религии.

С этой точки зрения ответ на вопрос, в какой степени светские принципы и религиозная догматика соответствуют культивируемому государством типу национализма, имеет особое значение для выяснения проблемы взаимодействия ислама и идеологии в армии. Поэтому рассмотрение вооруженных сил лишь как орудия правящих классов, сущность которого однозначно определяется природой и характером государства, представляется неправомерно ограниченным и недостаточным. Для комплексной оценки роли армии в политике необходимо учитывать весь спектр ее измерений.

Таким образом, использование методов системного, сравнительного и исторического анализа, учет различных факторов (структурных, институциональных, психологических) дает наибольшие возможности для всестороннего анализа роли религии в армии в контексте общественно-политической активности вооруженных сил.

Армия, политика, идеология

На рубеже XX–XXI вв. в государствах Ближнего Востока происходил процесс активного приобщения армии к политике. Взаимодействуя с политикой, армия выступала ее объектом и субъектом. Подобный дуализм накладывал отпечаток на характер активности армии как субъекта политики. Выступления военных кругов почти всегда приурочивались к моменту, когда противоборство в обществе достигало критической точки и правящий режим оказывался под угрозой. Похожую ситуацию можно было наблюдать на разных этапах исторического развития Египта, Сирии, Ирака, Алжира[9].

[9] Rubin B. The Military in Contemporary Middle East Politics // Armed Forces in the Middle East. Politics and Strategy / ed. by Rubin B., Keaney T.A. – London: Frank Class, 2002. – P. 1–22.

Одной из важных задач арабских правительств являлось установление гражданского контроля над армией, с целью ограничения влияния военных на политику. Гражданские лидеры обеспечивали лояльность армии путем внедрения в вооруженные силы соответствующей политической идеологии и института политработников. В армейской среде повышалась роль спецслужб, чьи руководители подчинялись, как правило, гражданским властям. Достаточно убедительным примером действия подобной модели могли служить Ирак (1979–2003) и Сирия (1970–2000).

В условиях, когда в течение последних десятилетий у руководства большинства арабских стран стояли кадровые военные, говорить о гражданском контроле в чистом виде не приходилось. Скорее, речь могла идти о политическом контроле над армией в целях обеспечения стабильности режима[10]. На деле вооруженные силы любого государства, даже того, где верховенство гражданской власти не вызывало никаких сомнений, обладали значительным политическим влиянием. Его источниками являлись само предназначение армии, ее функции, материальные ресурсы и возможности, которыми она была наделена для выполнения возложенных на нее задач.

В последние два столетия основным типом идеологии, который использовался в большинстве государств как для определения коллективной идентичности армии, так и для мобилизации общества, служил национализм. Как правило, сочетание политической идеологии и национализма зачастую определяло тип национализма, используемого государством[11]. В Сирии существовало два типа национализма; панарабизм правящей Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) и сирийский партикуляризм, которые традиционно формировали официальную государственную идеологию. Идея создания Великой Сирии (Биляд аш-Шам), официально рассматривалась как нелегитимная. В то же время она нередко использовалась властями в качестве побуди-

[10] Ахмедов В.М. Армия и политика в современной Сирии // Армия и Власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии. Сб. ст. / отв. ред. Ахмедов В.М. – Москва, 2002. – С. 153–188.

[11] Moskos C. Towards a Postmodern Military // Democratic Societies and Their Armed Forces: Israel in Comparative Context / ed. by Stuart A. Cohen. – London: Franc Cass, 1999. – P. 18.

тельного фактора в межарабской политике Сирии. Так, на страницах печатного органа сирийских вооруженных сил «Джейш аш-Шааб» в 1993 г. было опубликовано письмо, направленное Х. аль-Асаду рядом палестинских исламистов, которых Израиль депортировал в Ливан в ноябре 1992 г. В письме они выражали поддержку идеи восстановления «Великой Сирии» с центром в Дамаске во главе с Х. аль-Асадом[12].

Когда в основу идеологии закладывались идеи национализма, власти должны были обеспечить достаточно высокий уровень развития, чтобы продемонстрировать обществу превосходство светских идей над религиозной идеологией[13]. Чтобы удержать ситуацию под контролем, режиму было необходимо сбалансировать взаимодействие ислама и армии с обществом и государством[14]. В Египте, как и в Сирии, идеи патриотизма и преданности делу арабского единства были выражены достаточно рельефно в процессе морально-воспитательной работы в армии. С другой стороны, в отличие от Сирии, в Египте идеи социализма не получили широкого распространения в армейской среде. Ориентация египетских вооруженных сил на патриотическую идею нашла свое практическое отражение в праздновании Дня Армии, который стал отмечаться в период президентства А. Садата 6 октября – даты начала арабо-израильской войны 1973 г. в ходе которой Египет одержал ряд побед над израильской армией. В выступлениях по случаю этой памятной даты упор делался на патриотизм и национализм, а исламские ценности вообще не упоминались[15].

С другой стороны, как свидетельствует опыт «арабской весны», национальное единство не могло быть достигнуто «сверху» путем навязывания различным группам общества традиций, верований какой-либо одной религиозной группы. Избежать беспоряд-

---

[12] Джейш аш-Шааб. – 03.1993. – № 1702. – Араб. яз.

[13] Halliday F. The Nationalist Debate and the Middle East // Middle Eastern Lectures No. 3. – Tel-Avive: The Moshe Dayan Center, 1999. – P. 27.

[14] Например, в Ливане, в 1970–1980 гг. офицерский корпус был практически весь представлен выходцами из христианских общин. Однако это не помешало мусульманам создать собственные вооруженные формирования. В результате это привело к полной дезинтеграции ливанской армии, когда межобщинные противоречия переросли в гражданскую войну.

[15] Ан-Наср. – 05.1998. – № 707. – С. 12. – Араб. яз.

ков и насилия иногда было куда важнее, чем достигнуть «более высокого» уровня национального единения.

Исламская традиция и культура играли особую роль в системе арабского национального мировоззрения. В зависимости от политической конъюнктуры государство могло в той или иной степени задействовать исламские идеалы и символы в пропаганде идей арабского национализма в интересах мобилизации широких масс. С тем чтобы ограничить проникновение в общество чуждых ему религиозных проявлений, режим в ряде случаев мог допустить некоторую степень участия религии в деятельности государства. Тогда роль религии в армии должна была бы сводиться к противодействию исламистской оппозиции. В этом случае государство могло допустить расширение использования религиозных ритуалов в армии в качестве защитного механизма. Политическая воля военных лидеров выступала в арабских странах в качестве относительно самостоятельной и важной стороны военного фактора геополитики. В зависимости от характера и природы правящей элиты, выдвигавшей того или иного лидера, на одной и той же объективной основе мог утвердиться разный военно-политический курс.

На рубеже XX–XXI столетий, откликаясь на вызовы глобализации и модернизации, ближневосточные руководители периодически пытались вывести религиозные настроения из сферы деятельности широких слоев населения и сделать религию частным делом отдельного гражданина. Они полагали, что так им будет легче управлять страной и модернизировать государство. Однако из этого мало что получилось.

Военные и ислам

Роль религии в армии определялась характером правящего режима и его идеологией. В то же время такая связь не являлась безусловной. В Египте, Сирии, Ираке власти старались придерживаться светских принципов государственного устройства. Ислам не определял корпоративную идентичность армии, хотя религиозные ритуалы могли быть включены в воинские церемонии. В Саудовской Аравии и Исламской республике Иран (ИРИ) религия выполняла функцию воспитания господствующей самоидентификации офицеров. Религиозная лояльность была непосредственно

связана с властью, которая обеспечивала защиту и пропаганду религиозных ценностей.

Различные подходы к идеологии в публичной сфере проявлялись в названиях печатных органов вооруженных сил арабских стран. В Сирии главный орган армейской печати назывался «Джейш аш-Шааб» (Армия народа), что отражало социалистическую составляющую идеологии правящей партии. Печатный орган армии Египта носил название «Ан-Наср» (Победа). Это связано с тем, что «победа» является универсальной целью любого режима. В Иордании газета называлась «Аль-Акса» – в честь знаменитой мечети на Храмовой Горе в Иерусалиме. В данном случае религиозная нагрузка названия отражала связь Иордании с Иерусалимом и Палестиной. На этом основании можно было сделать вывод, что в Хашимитской монархии религия играла куда большую роль, чем в Египте и Сирии.

Однако на практике разница была весьма условна. В той мере, в которой армия оказывалась вовлеченной в политику, военные издания обращались к проблемам религии, наряду с другими вопросами гражданского общества.

В Египте публичное исполнение религиозных ритуалов в армии происходило только во время главных мусульманских празднеств. При А. Садате религия на короткое время стала неотъемлемой частью армейской жизни. Генералитет отмечал мусульманские праздники вместе с религиозными деятелями. В текстах выступлений военных руководителей содержались многочисленные ссылки на Коран и воззвания к Аллаху. При президенте А. Садате религиозные обычаи рассматривались как составная часть военных ценностей, и приверженность им могла способствовать продвижению по службе. На страницах одного из мартовских номеров армейской газеты «ан-Наср» за 1979 г. шейх аль-Азхара подчеркивал, что в сердцах военных должно внедрять принципы и ценности ислама. После убийства А. Садата исламскими фанатиками и прихода к власти Х. Мубарака заигрывание с исламистами прекратилось.

Несмотря на это, публичные проявления религиозных настроений в армии с участием высших офицеров продолжились, став важным элементом армейской жизни. В феврале 1996 г. Х. Мубарак и высшие армейские чины приняли участие в молитве

в мечети «Аль-Мубарак». Государство поощряло публичное участие военных в религиозных праздниках, но воздерживалось от того, чтобы превратить религию в составную часть официальной армейской практики, как это было сделано при А. Садате. Х. Мубарак как мусульманин-суннит не видел необходимости постоянно доказывать в армейской среде свою приверженность исламу в отличие от алавита Х. аль-Асада, который жестоко сражался с суннитской оппозицией. Подобный порядок сохранялся и в вопросах использования ислама в моральной подготовке солдат и офицеров. Публикации в армейской прессе в основном касались моральных аспектов ислама. В них приводились отдельные цитаты из Корана с объяснением ряда положений шариата. В некоторых материалах речь шла о канонических различиях между законами, касавшимися взаимоотношений в обществе между людьми (му'амала) и отношениями между человеком и Аллахом ('ибада)[16].

В Египте расходы на хадж (паломничество в Мекку, Медину) несло министерство обороны, в том числе не только для военных, но и гражданского персонала. В Египте существовал явный разрыв между исламизацией общества и светским характером армии, о чем свидетельствовали публикации армейской печати. Газета «ан-Наср» лишь косвенно связывала террористические акты в Луксоре (Египет, 1997) с исламом, религиозными силами, и рассматривала их с точки зрения обычной морали[17].

В то же время армейская печать уделяла серьезное внимание борьбе с фундаментализмом и ставила вопрос о законности использования подобных методов с точки зрения ислама. Большинство статей обходило молчанием роль военных в борьбе с исламистами. Подобное расхождение объяснялось традиционно светским характером правящей египетской элиты и желанием режима обеспечить лояльность военных в борьбе с радикальными и воинствующими группами исламской оппозиции. В армии Египта ислам был фактически выведен за рамки инструментария, определявшего корпоративную идентичность египетских военных. В этом смысле основные отличия египетской и сирийской армии сводились к разнице в наборе светских националистических компонентов. В Египте,

[16] Ан-Наср. – 11.1999. – № 725. – С. 26. – Араб. яз.

[17] Ан-Наср. – 12.1997. – № 702. – С. 61–63. – Араб. яз.

несмотря на официальную приверженность патриотизму и делу арабского единства, эти идеи не получили широкого распространения в армейской среде. В САР они были выражены достаточно рельефно в процессе морально-воспитательной работы в армии.

В Сирии Х. аль-Асад не ассоциировал себя с исламом в чисто армейском контексте. В то же время он вместе с высшими офицерами участвовал в праздновании религиозных праздников. Позиционирование Х. аль-Асада как образцового мусульманина в армейской печати представляло собой попытку преодолеть разрыв между руководящим алавитским меньшинством и суннитским большинством в армейских структурах[18]. В подразделениях сирийских вооруженных сил разрешалось присутствие представителей духовенства для исполнения необходимых религиозных ритуалов в случае смерти солдат на поле боя. В армейской прессе САР редко печатались статьи, апеллировавшие к религии как одному из факторов идентификации армии. Если подобные статьи и появлялись, то в основном в них встречались такие понятия, как «аль-шахада» (мученическая смерть за веру) в борьбе с предателями и иностранными агентами. При этом нередко встречались ссылки на Коран. В обращении к вооруженным силам по случаю «Ид аль-Адхъа (Праздник разговения)» Х. аль-Асад допустил лишь два упоминания о божественном провидении[19]. В Сирии религия в армии служила инструментом легитимации власти и на деле ее роль была значительно сильнее, чем это можно было наблюдать на поверхности.

В Иордании существовало специальное управление, следившее за соблюдением норм религии в армии. Во главе этого управления находился муфтий в ранге бригадного генерала. Ислам являлся одним из важных факторов определения коллективной идентичности в вооруженных силах. На обложке ежемесячного военного журнала «аль-Акса», посвященного кончине короля Хусейна, были помещены стихи из Корана[20]. В речах и обращениях иорданского монарха к военным более чем у кого-либо из арабских лидеров содержались религиозные элементы. Король Хусейн

[18] Джейш аш-Шааб. – 06.1999. – № 1854. – С. 4. – Араб. яз.
[19] Джейш аш-Шааб. – 04.1999. – № 1848. – Араб. яз.
[20] Аль-Акса. – 03.1999. – № 921. – Араб. яз.

нередко обращался к иорданским вооруженным силам как «альджейш аль-мустафави» (избранной армии), где выражение «мустафави» могло трактоваться как одно из имен Пророка. В то же время в Иордании основным мотивом, определявшим поведение военных, являлось служение не Аллаху, а монарху в традициях абсолютной монархии[21].

Таким образом, ситуация с исламом в государствах Арабского Машрика свидетельствовала о том, что нарастание религиозных настроений в армии скорее носило инструментальный характер, чем отражало тот факт, что военные и армия как институт искренне разделяли приверженность исламу. Военные подчеркивали свою приверженность исламу лишь для того, чтобы успешнее сражаться с проникновением в их ряды радикальных элементов. Когда угроза фундаментализма спадала, военные вновь возвращались к светским и республиканским ценностям.

В то же время вряд ли было возможным отрицать роль ислама в формировании коллективной идентичности армии, где многие офицеры и солдаты искренне верили в ислам. Таким образом, значение религиозных ценностей не акцентировалось, а ставилось в ряд многочисленных базовых нормативов, определявших достойное поведение военных, среди которых основную роль играли светские, националистические факторы. Ислам служил не конечной целью, а средством для реализации националистических интересов, особенно в вопросах определения лояльности военных и их преданности своему народу и стране.

Любые заигрывания с исламом, особенно в условиях кризисных процессов в государстве и обществе, обычно заканчивались не в пользу власти[22]. Политика ограничения религиозных настроений в Сирии и Ираке, не спасла их вооруженные силы от широкого присутствия исламистов, институализировавшихся в

[21] Аль-Акса. – 02.1998. – № 907. – С. 22. – Араб. яз.

[22] В Египте в январе 2011 г. армия отстранила Х. Мубарака от власти и открыла дорогу «Братьям-мусульманам» на властное поприще. Правление М. Морси позволило военным заняться поддержанием и укреплением своих ведомственных интересов, в том числе закрепив их конституционным путем. Начавшиеся в декабре 2012 г. массовые социально-политические протесты сильно подорвали позиции правящего режима. В конечном счете это привело к вмешательству военных в политику и отставке президента М. Морси 3 июля 2013 г.

рамках проиранских милиций. С распространением религиозно окрашенных политических конфликтов опора на светского арабского офицера уже не оправдывала себя и утратила актуальность.

Армия и религиозные конфликты

Несмотря на провозглашенный светский характер правления, в арабо-мусульманских обществах был силен дух традиционализма (фундаментализма). Его последователи выступали за возврат к священным основам ислама, что предопределяло сохранение устойчивой мотивации к определенной форме джихада как войны против искажений истинной веры. Однако использование религии в качестве антидота экстремизма могло быть безопасным и успешным, если религиозные движения и организации были готовы проявлять гибкость и способность регулировать всплески активности сражающегося авангарда. В современной ближневосточной истории подобные примеры обнаружить достаточно сложно. Так, опора сирийского режима на суфиев не смогла предотвратить всплеск салафитского джихадизма в условиях кризиса 2011 г.[23]

В большинстве стран Ближнего Востока религиозные деятели активно влияли на определение идентичности государства, характер власти, законодательную практику. Зачастую это происходило в противовес светскому судопроизводству, межобщинным, клановым отношениям. В свою очередь это меняло алгоритм взаимоотношений в треугольнике – власть, армия, религия – который служил одним из ключевых элементов государственной инфраструктуры многих стран Ближнего Востока.

Во время «арабской весны» власть использовала армию для решения конфликтов, как на религиозной, так и светской основе. Подобная практика порождала расхождение между арабскими правящими режимами и официальным исламом, который их легитимировал и обслуживал властные интересы. В результате официальный ислам стал неоднозначно восприниматься в гражданском

[23] Суфизм – ат-тасаввуф, мистическое учение в исламе. В XIV в. Баха эд-дин Накшбанд дополнил религиозно-философские воззрения суфизма, возведя генеалогию крупнейшего накшбандийского ордена к родству с двумя праведными халифами – Абу Бакром (духовно) и Али (физически).

обществе и в офицерском корпусе, в частности. В этих условиях лояльность многих военных обеспечивалась до тех пор, пока власть оказывалась способной защищать и пропагандировать религиозные ценности. Постепенно религиозные цели стали служить для участников вооруженных конфликтов оправданием применения несанкционированных властью различных форм насилия, в том числе и к мирному гражданскому населению[24].

В кризисных условиях религиозные взгляды, верования, фанатизм играли все более весомую роль в мотивации вооруженных конфликтов. Малообеспеченные социальные страты находили религию привлекательной потому, что она предполагала готовность сражаться за социальную справедливость. Вооруженные религиозные конфликты становились важным элементом современного политического противоборства на Ближнем Востоке, принимая форму конфликтов низкой интенсивности или гибридных войн. В их основе лежали глубокие исторические корни конфессиональных и этнических распрей, в силу чего они могли принимать затяжной и латентный характер[25].

Их мотивационной основой могли служить укоренившиеся в массовом сознании идеи панисламизма, обостренные всплесками национализма, который усиливал религиозную установку к политическому действию. Наступательная, бескомпромиссная деятельность политических движений и партий могла становиться драйвером религиозных конфликтов. Специфика конфликтов низкой интенсивности на Ближнем Востоке определялась группой факторов. В той степени, в какой война рассматривалась как

[24] В канун кризиса большинство руководящего состава армии и органов безопасности Сирии были выходцами из алавитской общины (10% населения). В условиях гражданской войны прежде внешне единый сирийский социум стал стремительно раскалываться по конфессиональным линиям. В результате в мировоззрении многих социальных групп населения, стоявших в авангарде вооруженной борьбы, возобладали представления о правящем режиме как «оккупационном», вступившем в преступный заговор с шиитским Ираном. В практическом плане подобное мировоззрение служило сильным мотивом борьбы за свержение действующего режима.

[25] Сирийские братья. Десятилетия разногласий и отказ от принципов. Аль-ихван сурия: укуд-мин-ат-танакуд-ва-аль-инкиляб-аля-аль-мабади // Аль-Араби24. – 29.08.2022. – Араб. яз. – URL: https://24.ae/article/718855/ (дата обращения: 04.02.2024).

инструмент религии, право объявлять ее становилось привилегией религиозных партий и движений, а не государства и светских властей.

Одной из первых таких организаций стала ливанская Хизбалла, которая впоследствии послужила моделью для шиитских милиций. Сегодня ярким примером подобной ситуации является Сирия, где решения о начале боевых операций, их прекращении, заключении перемирия принимались лидерами военизированных милиционных формирований при посредничестве режима аль-Асада, России и Ирана (Алеппо – 2015, Восточная Гута – 2017)[26]. Религиозные критерии стали определять состав участников, законы и нормы войны, а зачастую правила ведения боя.

Негосударственными акторами таких конфликтов были вооруженные группы, созданные наподобие народных дружин, повстанческих армий, отрядов волонтеров и милиционных сил. Они отличались по своему происхождению, конфессиональной принадлежности, принципам индокринации личного состава, идейно-политическим установкам, преследуемым целям, характеру отношений с государственными структурами, региональными религиозно-политическими силами, внешними акторами. На начальном этапе большинство отрядов не имели четкой организационной структуры, не располагали армиями, тяжелым вооружением, экономическими ресурсами. Они не придерживались установленных правил войны. Неким прообразом современных религиозных милиций были отряды арабских национально-освободительных движений 1940–1960 гг. в сражениях, с которыми Великобритания и Франция потеряли все свои колонии на Ближнем Востоке[27].

Современная регулярная армия становилась практически бесполезной для ведения такой формы войны. Материально-техническое обеспечение требовало большого штата людей в арьергарде, из-за чего ведущим бой частям оставалось слишком мало ресурсов. Несмотря на свое техническое превосходство, регулярные армии не могли выйти победителями в конфликтах низкой

[26] Ахмедов В.М. Восточная Гута – переломная точка в сирийской войне // Вестник Института востоковедения РАН. – 2018. – № 1. – С. 135–140.

[27] Кайли С. Вооруженная революция: ее природа, ход и перспектива. Аль-саура аль-мусульляха: вакиуха-сайриратуха-ва-афакуха. – Бейрут: Atlas Publishing House, 2013. – Араб. яз.

интенсивности. Ярким примером являлась война Армии Обороны Израиля (АОИ) против Хизбаллы на юге Ливана в 2006 г.

Характерной особенностью конфликтов низкой интенсивности являлось то, что территориальная близость противника не гарантировала победы над ним. Сирийские и иракские вооруженные силы не смогли в одиночку справиться с «Исламским Государством» («ИГ» – запрещено в РФ) и вооруженными салафитскими отрядами. Израильская армия вот уже полгода пытается ликвидировать отряды ХАМАС в Газе[28]. Неспособность подавить врага вблизи (внутри) своих границ чревата отрицательными последствиями для власти и национальных вооруженных сил, особенно когда в конфликт вовлечены большие группы недовольных с обеих сторон, а театр военных действий захватывает соседние государства[29].

Распространение религиозно окрашенных конфликтов низкой интенсивности приводило к изменению структуры военных организаций. Попытки государства сделать применение насилия исключительно своей привилегией сталкивались с большими трудностями. Во время кризиса в САР основными участниками военных действий были не армии, а милицейские формирования. Основой мотивации их действий служил не профессионализм, а идеологическая лояльность.

Эти организации опирались на поддержку той или иной группы населения, которую было сложно отделить от тех, кто вел активные боевые действия[30]. Участники сражений низкой интенсивности переставали считать себя профессионалами, выполняющими долг перед абстрактной политической системой. Идущие в

---

[28] Ильин А.А. ХАМАС как военная и политическая организация. Конфронтация с Израилем – ключевые особенности и идеологические принципы // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 1 (5). – С. 25–35. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.01.03.

[29] Бомбардировки ИГИЛ в Ираке и Сирии армейскими дронами. Бомбаран-даиешдар-ерак-ва-сорайя-ба-пепеадхаа-сепах // Табнак Ньюз. – 22.11.2018. – Персид. яз. – URL: https://tinyurl.com/342smfka (дата обращения: 23.08.2021).

[30] Аль-Хадж А. Салафизм и салафиты в Сирии: от реформ к джихаду. Аль-салафйя-ва-салафиюн-фи-сурия: мин-аль-ислах-иля-л-джихад // Аль-Джазира. – 20.05.2013. – Араб. яз. – URL: https://studies.aljazeera.net/ar/reports/2013/05/2013520105748485639.html (дата обращения: 04.02.2024).

регионе процессы трансформации войны и эволюции арабских вооруженных сил формировали благоприятную среду для реализации целей воинствующих исламистов и внешней, религиозной экспансии в регионе.

* * *

В последние десятилетия социально-политические конфликты на Ближнем Востоке стали приобретать все большую интенсивность. Ничем не ограниченный национализм порождал этнический сепаратизм и религиозные конфликты. Под влиянием внешнего фактора религиозные конфликты накладывались на социальные противоречия. Идеологией таких конфликтов нередко становилась религия. Многообразие проблем, возникающих на религиозной почве, предопределяло участие армии в урегулировании такого рода конфликтов. Эта функция усиливалась в свете использования вооруженных сил для борьбы с террором.

Особую опасность для армии представлял этнический национализм и религиозный экстремизм, которые нередко находили свои организационные формы в воинских формированиях, имеющих тяжелую боевую технику, которая при определенных условиях могла оказаться направлена как против собственных властей, так и против соседних народов. Использование военных для подавления такого рода конфликтов было чревато определенными политическими рисками. Существующий военно-политический баланс мог быть нарушен в пользу армии. Противоречия между армией и партийно-бюрократическими структурами государства вызывали распространение кризисных явлений в государстве.

С этой точки зрения исследование роли религии в армии позволяет понять, действительно ли фактор принадлежности к армейской среде ослаблял связи офицерского корпуса с исламом, и определить вероятность вмешательства военных в политику в условиях этноконфессиональных конфликтов. Как свидетельствует опыт арабских армий, светский характер офицерского корпуса был ограничен, когда офицеры были представлены преимущественно выходцами из одной группы населения. Офицерский корпус мог быть достаточно сплоченным, но его единство не являлось результатом развития секулярных и общенациональных ценностей.

Объединение офицеров происходило на основе чувства принадлежности к определенной группе населения и ее исключительности. Когда такие офицеры приходят к власти, более вероятно, что они могут способствовать разжиганию этноконфессиональных конфликтов, проводя политику в интересах определенной конфессии или этнической группы. В странах, где офицерский корпус был представлен двумя и более этноконфессиональными группами, солидарность военных также не отличалась особой прочностью. Жизненные ценности офицеров, сформированные в детском и подростковом возрасте, во многом были связаны с их этническим, религиозным и земляческим происхождением.

В условиях религиозных конфликтов и под воздействием внешней конфессиональной экспансии связи с традиционным обществом были способны перевесить профессиональную сплоченность и чувство национальной общности. В этом случае, как показывает опыт Сирии и Ирака, офицерский корпус мог разделиться по религиозным или этническим принципам. Такие факторы, как приниженное положение некоторых общин, их зависть к привилегированным религиозным группам, подозрительность и фракционность могут привести к расколу офицерского корпуса. В условиях сирийского кризиса массовое дезертирство офицеров-суннитов и отказ применить оружие против своих граждан серьезно ослабили боеспособность сирийской армии в борьбе с повстанцами. Опыт военных в Ливане, Сирии, Ираке показал, что они, как правило, не способны эффективно разрешать религиозные конфликты.

Зачастую военные пытались разрешить конфессиональные конфликты путем силы. Такое отношение могло быть усилено националистическими настроениями, когда национализм начинал олицетворяться с более высоким уровнем национального единства. Сделки и компромиссы не очень хорошо знакомая техника поведения военных лидеров. Они скорее могли попытаться установить искусственный этноконфессиональный баланс. Как это сегодня пытаются сделать в Сирии и Ираке при помощи Ирана. С другой стороны, военные были способны действовать как сравнительно беспристрастные арбитры и посредники. Приверженность светской идеологии служила фактором умиротворения экстремистских взглядов и продвижения компромиссных соглашений.

Однако в нынешних условиях Ближнего Востока сложно найти светски ориентированного офицера. Как свидетельствует опыт Египта времен президентства генерала А.Ф. аль-Сиси офицерский корпус «заточен» на защиту собственных интересов. Опыт взаимодействия сирийских и иракских «силовиков» с суннитской и курдской оппозицией показал, что даже когда военные пытались действовать с нейтральных позиций, им было достаточно сложно убедить лидеров религиозных и этнических общин в своих «добрых» намерениях. Обычно решение подобных конфликтов зависит от действий политических элит.

Война в Газе (2023–2024) показывает, что примиренческий подход не является сильной стороной ближневосточных политических элит, которые не могут договориться о том, что можно считать достойным компромиссом и до какой степени допустимо договариваться с оппозицией. В этих условиях возрастает угроза внешнего вмешательства и подрыва существующего статус-кво на Ближнем Востоке.

Список источников и литературы

1. Ахмедов В.М. Армия и арабские революции на Ближнем Востоке // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сб. ст. / под. ред. Наумкин В.В., Попов В.В., Кузнецов В.А. – Москва: ИВ РАН, 2012. – С. 72–91.
2. Ахмедов В.М. Армия и политика в современной Сирии // Армия и Власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии. Сб. ст. / отв. ред. Ахмедов В.М. – Москва, 2002. – С. 153–188.
3. Ахмедов В.М. Восточная Гута – переломная точка в сирийской войне // Вестник Института востоковедения РАН. – 2018. – № 1. – С. 135–140.
4. Бабуркин С.А. Армия и политика в Андских странах (Венесуэла, Колумбия, Эквадор). – Автореф. дис. … д-ра полит. наук. – Москва, 1994. – 42 с.
5. Ильин А.А. ХАМАС как военная и политическая организация. Конфронтация с Израилем – ключевые особенности и идеологические принципы // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 1 (5). – С. 25–35. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.01.03.
6. Мирский Г.И. «Третий мир». Общество. Власть. Армия. – Москва: Наука, 1976. – 408 с.

7. Akhmedov V.M. Iran's politics in the Middle East: political and military dimensions // Вестник Института востоковедения РАН. – 2020. – № 4 (14). – P. 247–257.
8. Halliday F. The Nationalist Debate and the Middle East // Middle Eastern Lectures No. 3. – Tel-Avive: The Moshe Dayan Center, 1999. – 131 p.
9. Huntington S.P. The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations. – New York: Random House, 1957. – 534 p.
10. Moskos C. Towards a Postmodern Military // Democratic Societies and Their Armed Forces: Israel in Comparative Context / ed. Stuart A. Cohen. – London: Franc Cass, 1999. – P. 3–26.
11. Nordlinger E.A. Soldiers in Politics. Military Coups and Governments. – Englewood Clifs, New Jersey: Prentice-Hall, 1977. – 224 p.
12. Rubin B. The Military in Contemporary Middle East Politics // Armed Forces in the Middle East. Politics and Strategy / Rubin B., Keaney T.A. (eds.) – London: Frank Class, 2002. – P. 1–22.
13. Аль-Хадж А. Салафизм и салафиты в Сирии: от реформ к джихаду. Аль-салафйя-ва-салафиюн-фи-сурия: мин-аль-ислах-иля-л-джихад // Аль-Джазира. – 20.05.2013. – Араб. яз. – URL: https://studies.aljazeera.net/ar/reports/2013/05/2013520105748485639.html (дата обращения: 04.02.2024).
14. Аль-Акса. – 02.1998. – № 907. – С. 22. – Араб. яз.
15. Аль-Акса. – 03.1999. – № 921. – Араб. яз.
16. Ан-Наср. – 12.1997. – № 702. – С. 61–63. – Араб. яз.
17. Ан-Наср. – 05.1998. – № 707. – С. 12. – Араб. яз.
18. Ан-Наср. – 11.1999. – № 725. – С. 26. – Араб. яз.
19. Джейш аш-Шааб. – 03.1993. – № 1702. – Араб. яз.
20. Джейш аш-Шааб. – 04.1999. – № 1848. – Араб. яз.
21. Джейш аш-Шааб. – 06.1999. – № 1854. – С. 4. – Араб. яз.
22. Кайли С. Вооруженная революция: ее природа, ход и перспектива. Аль-саура аль-мусульляха: вакиуха-сайриратуха-ва-афакуха. – Бейрут: Atlas Publishing House, 2013. – Араб. яз.
23. Сирийские братья. Десятилетия разногласий и отказ от принципов. Аль-ихван сурия: укуд-мин-ат-танакуд-ва-аль-инкиляб-аля-аль-мабади // Аль-Араби24. – 29.08.2022. – Араб. яз. – URL: https://24.ae/article/718855/ (дата обращения: 04.02.2024).
24. Бомбардировки ИГИЛ в Ираке и Сирии армейскими дронами. Бомбаран-даиеш-дар-ерак-ва-сорайя-ба-пепеадхаа-сепах // Табнак Ньюз. – 22.11.2018. – Персид. яз. – URL: https://tinyurl.com/342smfka (дата обращения: 23.08.2021).

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.05
УДК 327

БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК: ОТ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИКИ К НОВОЙ КОНФИГУРАЦИИ РЕГИОНА

ЕВСТАФЬЕВ Дмитрий Геннадиевич
кандидат политических наук, профессор Института медиа НИУ ВШЭ, профессор кафедры сравнительного правоведения и практической юриспруденции Юридического института РУДН им. Патриса Лумумбы.
E-mail: devstafiev@hse.ru
SPIN-код: 8135-4366
ORCID: 0000-0002-6276-0342

Для цитирования: *Евстафьев Д.Г.* Ближний и Средний Восток: от новой геополитики к новой конфигурации региона // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 4 (8). – С. 70–86. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.05.

Аннотация. Данная статья является глубокой переработкой с учетом последующих событий и политических процессов выступления автора на общероссийской конференции «Ближний и Средний Восток в эпоху силовой геоэкономики и конкуренции ценностей» на конференции «Арабский Восток в современной мировой политике», ИНИОН РАН, 28 мая 2024 г. Процессы общемировых геополитических и геоэкономических трансформаций серьезно затрагивают пространство Ближнего и Среднего Востока, меняя характерную для предыдущих 30–35 лет логику развития региона, формируя целый ряд противоречивых и, отчасти, взаимоисключающих тенденций развития. Главной из них является кризис, а в ряде случаев, – и невозможность осуществления национальных программ развития и социально-экономической модернизации в ключевых странах региона. Неизбежным становится глубокое изменение архитектуры региона, включающее в себя изменение не только геоэкономических векторов развития, но и политико-пространственных параметров региона. Тенденции в развитии военно-силовых конфликтов в регионе создают реальные условия для фрагментации региона на субрегионы, связь между которыми будет постепенно снижаться.

Ключевые слова: Ближний Восток, Средний Восток, политический ислам, геоэкономическая регионализация, логистические коридоры, военно-силовые конфликты, гибридное воздействие.

Middle and Near East: Transit from New Geopolitics to New Architecture of Region

Dmitry G. EVSTAFIEV
PhD in Political Science, Professor of the Institute of Media
of the Faculty of Creative Industries of the Higher School of Economics,
Professor of the Department of Legal Studies and Practical Law,
Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN).
E-mail: devstafiev@hse.ru
SPIN-code: 8135-4366
ORCID: 0000-0002-6276-0342

For citation: Evstafiev D.G. (2024). Middle and Near East: Transit from New Geopolitics to New Architecture of Region. *Middle & Post-Soviet East*, no. 4 (8), pp. 70–86. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.05.

Abstract. The article is a result of the deep reshaping taking into consideration the recent events and political developments the author's presentation "Middle East in the era of force geo-economics and competition of values" made at the All-Russian conference "Arab East in the contemporary world politics" (INION Russian Academy of Sciences May 28, 2024). The ongoing global geo-political and geo-economic transformations seriously affect the Middle and Near East in all of its parts by changing the logics of development that was relevant in the region over the recent 30 to 35 years. It creates a number of contradictory and sometimes mutually exclusive tendencies and projects for development. The major trend is in fact the crisis and in some cases the nullification of possibility for implementation of national development and socio-economic modernization project in the key countries of the region. Not only the drastic changes in the geo-economic architecture of the region including the major vectors for the development but also its political and spatial structure. The trends in development of military-political conflicts in the region create real conditions for the fragmentatationof the big region into sub-regions with degrading integration connection between them.

Keywords: Near East, Middle East, political Islam, geo-economic regionalization, logistics' corridors, military-political conflicts, hybrid impact.

Вместо введения

Развитие процессов на Ближнем и Среднем Востоке в последние полтора года является примером возможности относительно быстрого слома ранее сложившейся и считавшейся относительно устоявшейся военно-политической конфигурации региона, не соответствовавшей развивающимся в последнее десятилетие геоэкономическим тенденциям[1]. Получившее скандальную известность заявление помощника президента США по национальной безопасности Джейка Салливана о том, что уровень стабильности и безопасности на Ближнем Востоке в 2023 г. был наиболее высоким за всю историю конфликта в регионе, сделанное накануне террористического рейда ХАМАС в сопредельные с Газой территории, имело своей основой именно непонимание расхождения стратегических геоэкономических и политических тенденций, что создавало колоссальные возможности для внешних манипуляций.

Быстрая дестабилизация региона стала результатом сочетания ситуативных факторов, включавших, безусловно, и «эксцессы исполнителей» (в полной мере проявившиеся в ходе террористических рейдов ХАМАС на территорию Израиля 7 октября 2023 г.), что нуждается в дальнейшем учете в политическом и военно-политическом планировании. А в особенности – необходим учет того факта, что данное относительно ограниченное по своему масштабу военно-силовое действие террористического характера повлекло за собой коренное изменение политической архитектуры региона, фактически запустив процессы его переформатирования.

На сегодняшний момент ключевой проблемой в осмыслении процессов, происходящих на Ближнем и Среднем Востоке, является разрыв между политической и экономической аналитикой, деконструкцией текущих политических процессов, сохраняющей относительно высокий качественный уровень, и анализом и вскрытием долгосрочных политических процессов. Эти процессы, как показывает практика, связаны с актуализацией целого

[1] Beckerman G. The Middle East Region Is Quieter Today Than It Has Been in Two Decades // The Atlantic. – 07.10.2023. – URL: https://www.theatlantic.com/international/archive/2023/10/israel-war-middle-east-jake-sullivan/675580/ (дата обращения: 06.08.2024).

ряда исторически сложившихся, но считающихся устаревшими, архаическими и, очевидно, – недоисследованными в своем актуальном «изводе». Но одновременно появляются и новые факторы неэкономического характера, способные изменить характер моделей развития региона.

Главным фактором, обусловившим размораживание, причем по нескольким направлениям, является отсутствие, а, как минимум, существенное ослабление геоэкономических факторов (экономической и социально-экономической взаимозависимости), способных сдерживать новые социальные тенденции. Особенно это проявилось на примере политики руководства Турции, испытывающего все больше затруднений в проведении прежде успешной политики «вербальной державности» и ограничении конфронтации с Израилем сферой риторики.

Главной устойчивой тенденцией как минимум на среднесрочную перспективу следует считать формирование внутри региона Ближнего и Среднего Востока нескольких ядер.

В качестве отправной точки для анализа автор хотел бы предложить следующее понимание ситуации.

Регион Ближнего и Среднего Востока, который корректнее было бы называть регионом Юго-Западной Евразии, вступил в период крайне сложной диалектики. С одной стороны, регион вновь активно интегрируется в единую ближнесредневосточную цепь, с захватом части «индийского мира» и постсоветского пространства («*евразийскую дугу нестабильности*»[2]). С другой стороны, внутри евразийской дуги нестабильности возникают ядра, характеризующиеся специфическими геополитическими и геоэкономическими процессами, а в перспективе, – и целеполаганием. Это формирует ситуацию принципиальной разнонаправленности военно-силового развития субрегионов, а значит, и их геоэкономической направленности.

Сосуществование центробежных и центростремительных тенденций в рамках исторически сложившегося и объединенного социокультурными связями региона в условиях институциональ-

[2] Евстафьев Д.Г. Евразийская «дуга нестабильности», или Управление глобальным экономическим ростом // Экономические стратегии. – 2019. – Т. 21, № 7 (165). – С. 46–56. – DOI: 10.33917/es-7.165.2019.46-56.

ной деградации порождает три принципиальных момента, которые и будут определять особенности развития на среднесрочную перспективу.

- Большее, чем обычно, значение ситуативных факторов и событий. Классический пример – воронка конфликта, возникшая в результате террористического акта в Газе.
- Возможность разрыва казавшихся незыблемыми связей экономической и социальной взаимозависимости. Подобная ситуация формируется в логистическом узле «Красное море» – «Баб-эль-Мандебский пролив». Пока сложно предсказать масштабы геоэкономических трансформаций в связи с новой военной силовой ситуацией в регионе.
- Запрос на новые силы регионального и национального уровня, способные заполнить вакуум, вызванный деградацией и частичной политико-институциональной деконструкцией.

Авторская гипотеза сводится к тому, что в настоящее время мы наблюдаем распад относительно единого пространства Ближнего и Среднего Востока, становящийся, конечно, не локальным, но трансрегиональным проявлением кризиса глобализации и формирования макрорегионов на основе не геоэкономических факторов и экономической целесообразности, а военно-политических и социокультурных (цивилизационных) факторов. Но это делает тенденции развития как в регионе в целом, так и в формирующихся отдельных его сегментах зависимыми от процессов на глобальном и трансрегиональном уровне.

Геополитический и геоэкономический контекст трансформаций Ближнего и Среднего Востока

Можно выделить несколько принципиальных тенденций, оказывающих существенное влияние на процессы на Ближнем и Среднем Востоке. Ключевой вопрос в действительности – насколько тенденции развития на Ближнем и Среднем Востоке, с одной стороны, соответствуют глобальным и трансрегиональным тенденциям, а с другой – насколько эти тенденции обеспечивают целостность региона.

В числе глобальных тенденций, оказывающих влияние на развитие региона, выделим следующие.

• Санкционная система США как источник нового псевдоправа, заменяющего «мир правил», оказавшийся относительно неэффективным как средство управления «объединенным Западом» в условиях кризиса институциональности. Ближний и Средний Восток в действительности меньше, чем целый ряд других регионов и крупнейших стран (Китай, Индия, постсоветская Евразия) подвержен влиянию американской системы «нового права» и это отражает особенности не только геоэкономического положения региона (трудность оказания на ключевые страны региона лобового политического давления, что и доказало развитие отношений между США и Саудовской Аравией), так и традиционные, цивилизационные особенности поведения экономически и политически активных групп в регионе. В действительности регион Ближнего и Среднего Востока в складывающихся геоэкономических условиях получил беспрецедентные возможности для реализации своего традиционного, ценностно-обусловленного геоэкономического потенциала[3]. Но это же формирует и другую важную дилемму **на среднесрочную перспективу: если в период холодной войны и годы американского глобального доминирования, ключевым геоэкономическим активом региона были ресурсы, то в перспективе на первое место будет выходить значимость пространства.**

• **Торможение геоэкономической регионализации.** Во многом это происходит за счет агрессивного использования США системы «вторичных санкций». В особенности это проявляется в случае с процессами регионализации в Восточной и Юго-Восточной Азии. В отношении Южной Азии, традиционно считавшейся относительно геоэкономически целостным регионом, возникают сомнения в том, что эту целостность удастся сохранить[4]. Однако это имеет относительно тяжелые среднесрочные последствия: происходит ползучее секторальное разрушение американоцентричных финансов. Ближний и Средний Восток в данном случае напоминают Южную Азию: исторически регион воспринимается как це-

[3] Гузаеров Р.И., Сбитнева А.И. Идейно-ценностный компонент в политике Турции и тюркских государств // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 4 (4). – С. 115–137. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.07.

[4] Happymon J. The End of South Asia. A Region in Name Only // Foreign Affairs. – 22.06.2024. – URL: https://www.foreignaffairs.com/south-asia/end-south-asia (дата обращения: 05.08.2024).

лостный, но в новых условиях его интегрированность оказывается сравнительно низка, и выступает в качестве «флагманских регионов», хотя сами по себе процессы регионализации развивались там относительно медленными темпами в силу наличия конкурирующих «ядер» консолидации (Турция, Иран, Египет, Саудовская Аравия), формируя системы клиринго-бартерных расчетов по ключевым биржевым товарам[5]. Эти тенденции пока не преодолели «точку невозврата», однако в условиях прямой втянутости США в конфликт вокруг Газы и потенциально – Ливана, может произойти резкое ускорение подобных процессов.

• **Замена социально-экономической универсализации свойственной поздней глобализации «конкуренцией ценностей»**, что на политико-операционном уровне проявилось уже сейчас в переходе от пространства «конкуренции постправд» к регионализированной «конкуренции постреальностей»[6]. Ближний и Средний Восток пока находятся вне этих тенденций, что во многом связано с вовлеченностью региона в текущие военно-силовые конфликты, но во многом отражает переходное состояние местных элит. В случае оформления нового элитного мейнстрима технология постреальности будет, безусловно, использована для формирования мегамифов, легализующих перспективную политическую конфигурацию региона. Вопрос о локальных версиях посткапитализма сто́ит на сегодняшний день «вынести за скобки», хотя этот фактор в перспективе может стать одним из наиболее значимых цивилизационных идентификаторов.

• **Легализация силовой геоэкономики.** Регион Ближнего и Среднего Востока был флагманским для апробации и политической легализации подобных методов, превращающихся в дальнейшем в универсальный инструмент для перекройки геоэкономического пространства на фазе перехода к неоглобальному миру. Причем, строго говоря, этот период можно отнести к 2012–2013 гг., – началу активного переноса «арабской весны» на территорию Сирии, где гражданский конфликт в отличие от собы-

[5] Саудовская Аравия и ОАЭ переходят на электронные деньги // Большая Азия. Электронный портал. – 14.12.2018. – URL: https://bigasia.ru/saudovskaya-araviya-i-oae-perehodyat-na-elektronnye-dengi/ (дата обращения: 13.08.2024).

[6] Дмитриев О.А., Евстафьев Д.Г. Глобальная конкуренция ценностей: от «постправды» к «постреальности» // Международная жизнь. – 2024. – № 7. – С. 12–23.

тий в других странах региона имел совершенно отчетливое геоэкономическое содержание. В дальнейшем именно вокруг модели силовой геоэкономики была выстроена внешняя политика Турции, в особенности в отношении севера Сирии и Восточного Средиземноморья, превратившегося в один из наиболее ресурсно перспективных регионов Ближнего Востока, особенно в контексте возможного распада единого геоэкономического пространства на субрегионы.

• Наконец, как следствие американской санкционной политики и кризиса мировой торговли, в целом контролировавшейся американскими и британскими финансовыми и логистическими структурами, на общемировом уровне **происходит увеличение сегмента «серой» экономики**, что является важным свидетельством распада классического экономического американо-центричного универсализма. Данная тенденция обозначилась на Ближнем и Среднем Востоке раньше, чем в других регионах, в частности в контексте конфликта в Сирии и Ираке возник эффект появления на рынке значительных объемов легально торговавшейся нефти неясного происхождения с месторождений региона, де-факто находящихся под фактическим эксплуатационным контролем американских нефтедобывающих корпораций.

Ключевые региональные тенденции

Как уже говорилось выше, регион Ближнего и Среднего Востока находится в некоем промежуточном состоянии, когда большая часть ключевых региональных и национальных тенденций не приобрела характера необратимости.

Важнейшим вопросом развития региона Ближнего и Среднего Востока является перспектива сохранения геополитической и геоэкономической целостности региона. Вероятно, следует исходить из того, что целостность Ближнего и Среднего Востока будет снижаться под воздействием целого ряда объективных факторов. Вопрос состоит в том, что на сегодняшний день крайне затруднительно в полной мере оценить масштабы утраты регионом, который можно было бы назвать «Южной Большой Евразией» своей связности. В обобщенном виде соотношение центробежных и центростремительных факторов развития приведено в Табл. 1.

Таблица 1(а)

Центробежные и центростремительные тенденции развития региона

Тенденция	Содержание тенденции Центробежная / Центростремительная	Характер тенденции	Точки проявления	Акторы	Примечания
Кризис светских и религиозных условно «национальных» государств	Кризис преемственности элит. Появление полноценных контрэлит, в том числе и на религиозной основе	В зависимости от региона. Скорее – центробежная	Египет, Саудовская Аравия, Йемен, Ливия	Новые религиозные течения (неотеократия). Племенные союзы. ЧВК, обеспечивающие безопасность	Затруднительность формирования устойчивых межгосударственных альянсов и коалиций
Кризис страновых проектов развития	Замедление и / или содержательный пересмотр инвестиционной политики	Скорее центробежная	Ирак, Ливия, Йемен, Судан	Национальные (государственные) корпоративные структуры. Суверенные инвестиционные фонды. Транснациональные корпорации	Возникновение внутренних кризисных условий для распада государств и формирования новой системы территориального деления. Риск получения ТНК избыточного влияния
Кризис общерегиональных проектов развития	Заметное замедление новых международных проектов даже в сфере энергетики. Кризис интеграционной логистики на среднем Востоке	Центробежная	Зона арабо-израильского конфликта, Северная Африка	Кризис архитектуры акторов в подобных проектах, отсутствие полноценных интеграторов. Выдвижение внешними участниками, прежде всего, западными ТНК, но и китайскими корпорациями де-факто политических условий	На сегодняшний день нет ни одного полноценного проекта развития на Ближнем Востоке. На Среднем Востоке идет стагнация интегрирующих проектов в силу военно-политических и политических рисков
Кризис региональных институтов	Полная смена «повестки дня» по большинству вопросов. Отсутствие решений по ключевым вопросам развития	Центробежная	ОАГ, Союз арабских государств Персидского залива, Всемирная исламская лига	Национальные государства	Оформившаяся потребность в вовлечении в деятельность подобных организаций субгосударственных участников

Источник: авторский анализ и обобщение

Таблица 1(б)

Центробежные и центростремительные тенденции развития региона

Тенденция	Содержание тенденции Центробежная / Центростремительная	Характер тенденции	Точки проявления	Акторы	Примечания
Кризис трансрегиональной логистики	Центробежная. Формирование системы безопасных логистических маршрутов и суверенизированных логистических центров	Центробежная. Формирует условия для геоэкономической фрагментации региона на субрегионы	Персидский залив, Северо-Западная Африка, Восточное Средиземноморье, Побережье Аравийского моря	Пакистан, Государства Персидского Залива, Саудовская Аравия, Алжир, Марокко	Наличие активно развивающегося коридора «Север – Юг» принципиально меняет не только характер логистики в регионе, но и формирует новые фокусы экономического роста
Обострение борьбы за лидерство в исламском мире	В настоящее время – центробежная. В перспективе – центростремительная. Возникновение надсубкофессиональных социально-политических структур	По форме – центростремительная. По возможным последствиям – центробежная	Ливан, Йемен	Структуры с военно-силовым потенциалом (ХАМАС, Хизбалла, Ансар-Аллах, Талибан и т.п.)	«Шиитский мир» оказывается шире шиизма как чисто религиозного течения. Высокий риск раскола «поля» Мира Ислама
Дедолларизация внутрирегионального взаимодействия	Попытки выхода проектов из «инкубационного» статуса в связи с нарастающим политическим давлением США	Центростремительная. Усилится в случае возникновения полноценных расчетных центров	ОАЭ, Турция, Алжир	Суверенные инвестиционные компании. Структуры исламского банкинга. Неформальные расчетные сети	Тенденция пока слабо выражена. Происходит разрушение монополии государства на финансовый оборот
Разрастание конфликта в Газе	Классическая «воронка конфликта» с нарастающими гуманитарными последствиями	Переходный от центростремительной к центробежной	Зона арабо-израильского конфликта, Иордания, Ливан, Иран и Египет в случае эскалации	Израиль, Иран, Военно-силовые структуры различного типа	Видимый раскол исламского мира на «арабский» и «шиитский», в действительности, – «исламский». Сохраняется возможность реконсолидации части арабских стран с общей позицией по мирному урегулированию

Источник: авторский анализ и обобщение

Ключевой тенденцией, вероятно, следует считать кризис региональных проектов крупнейших государств, являющийся, очевидно, результатом кризиса развития на национальном уровне. За последние годы мы наблюдали существенное торможение как минимум трех проектов регионального доминирования: «Турецкое Средиземноморье», «Египетское Средиземноморье», по задумке – очень амбициозный проект, выводивший Египет на совершенно иной уровень регионального влияния, грандиозная и вполне продуманная программа «Видение: Саудовская Аравия 2030». Существенно менее динамично и также в связи с внутренними проблемами развития развивается проект «Шиитского клина». В качестве гипотезы, вероятно, можно говорить, **если не об исчерпании, то приближении к пределу возможностей развития в рамках классических национальных государств.** Что само по себе подразумевает практическую неизбежность территориально-политического переформатирования региона. Причем это касается, как относительно светской парадигмы национального государства (Турция, Египет, Пакистан), так и относительно более религиозно окрашенных государственных систем (Саудовская Аравия, Иран).

Выводы по ситуации могут быть сведены к нескольким позициям:

Первый. Центростремительные и центробежные тенденции в регионе по состоянию на середину 2024 г. находились в состоянии относительного равновесия. Но общий контекст ситуации говорил о том, что сдвиг в одну или в другую сторону мог произойти от относительно незначительного в общих масштабах события. Причем такие события не обязательно могут носить характер военно-силовых кризисов. Это могут быть и кризисы природного и техногенного характера, но, думается, у них должна быть одна важная общая черта: такого рода кризисы должны менять логику пространственного развития.

Подобные **тенденции будут так или иначе влиять на политические процессы и на национальном уровне. В наибольшей степени это проявляется в отношении Турции**[7]**, но харак-**

[7] Аватков В.А., Сбитнева А.И. Между Западом и Незападом: Турция перед лицом геостратегического выбора // Вестник Российского университета дружбы

терно это и для ряда других стран, в особенности «к востоку от Суэца». Ситуация, однако, в целом склоняется в сторону формирования геоэкономически разобщенных друг от друга Ближнего и Среднего Востока с зоной Персидского залива в качестве своеобразного буфера. Это будет иметь целый ряд последствий помимо того, что будут созданы реальные условия для начала реализации давней американской концепции «Нового большого Ближнего Востока», предусматривающей глубинное переформатирование политического пространства региона на этноконфессиональной основе. Хотя и относительно нерадикальном варианте из-за рисков неуправляемой хаотизации пространства.

Второй. Остро стоит вопрос о потенциале «ядер» консолидации геоэкономических субрегионов. На сегодняшний день очевидно, что ни одно из потенциальных «ядер» геоэкономической консолидации не смогло условно «предъявить» потенциал, адекватный тем задачам, которые неизбежно встанут перед государством, ставящим задачу превращения в «центр силы» даже в первом приближении. Все подобные государства – Турция, Египет, Иран и Саудовская Аравия – ощутимо испытывают проблемы внутренней социально-экономической и социально-политической устойчивости, ограничивающие потенциал внешней экспансии, даже при наличии соответствующего инструментария. Что вполне проявилось в эволюции региональной политики Ирана в 2016–2024 гг., фактически завершившейся попыткой деэскалации в отношениях с США и дистанцирования от своих «прокси».

Еще более очевидна недостаточность внутреннего экономического потенциала применительно к политике Турции, демонстрирующей разрыв между политической риторикой и сохранением экономических отношений с Тель-Авивом, критичных для экономической устойчивости. На Среднем Востоке политическая судьба Пакистана становится одним из важнейших геоэкономических факторов общерегиональной стабильности. И это также пример того, как геополитические амбиции, стремление – причем, очевидно, небеспочвенное – стать ядром геоэкономического макрорегиона, отличного от «Индийского мира», не были поддержаны

народов. Серия: Политология. – 2024. – Т. 26, № 1. – С. 131–142. – DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-131-142.

адекватным внутренним развитием и социально-экономической модернизацией и сыграли системно отрицательную роль[8]. Если начнется процесс даже вялотекущей хаотизации этой страны (даже в формате «Бангладеш+»), это коренным образом изменит ситуацию во всем регионе, не исключая и значительные и критические в военно-политическом отношении элементы «Индийского мира», например, Кашмир, способный стать при определенных условиях плацдармом для деятельности радикальных неоисламистских сил, конечно, менее географически «выгодное», нежели Афганистан или даже северная Сирия, но также имеющий не только военно-силовой, но и геоэкономический потенциал.

Третий. Ключевым фактором управления тенденциями развития объективно стало воздействие внешних сил или сокращение такого воздействия. Относительный успех американской политики в регионе как раз и связан с тем обстоятельством, что США, играя на противоречиях между различными потенциальными «центрами силы» в регионе, смогли продемонстрировать им зависимость регионального статуса этих стран от отношений с США. Наиболее очевидным является пример Турции, геополитические и геоэкономические амбиции[9] которой оказались не вполне адекватными возможностям внутренней экономики и устойчивости социально-политической системы. Но в перспективе это создаст систему, где устойчивость ключевого внутреннего элемента – национальных государств различного типа – будет постоянно сокращаться. Подобная система будет неизбежно подвержена манипуляциям извне, а внешние акторы могут приобрести в реализуемых геоэкономических приоритетах избыточное, непропорциональное влияние.

Четвертый. Фактором неопределенности становится состояние региональных и трансрегиональных геоэкономических проектов. В особенности важным становится судьба проектов «усеченных» вариантов Великого шелкового пути, в частности

[8] Haqqani H. Pakistan Reaps What It Sowed. How the Country's Support for the Taliban Backfired // Foreign Affairs. – 23.05.2022. – URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/afghanistan/2022-05-23/pakistan-reaps-what-it-sowed (дата обращения: 16.08.2024).

[9] Аватков В.А., Гузаеров Р.И. «Мир больше пяти», или справедливость потурецки // Современная Европа. – 2023. – № 1 (115). – С. 194–201. – DOI: 10.31857/S0201708323010163.

южного «левантийского» коридора в направлении Адриатики и Ваханского индустриального логистического коридора с формированием крупного логистического узла «большого Карачи» (порт Гвадар).

Проект, осуществляемый при китайском участии, может способствовать окончательному геоэкономическому отрыву Среднего Востока даже от зоны Персидского залива, не говоря уже о Ближнем Востоке как таковом. И это дает возможность сформулировать принципиальный вывод: неизбежной тенденцией развития на среднесрочную перспективу становится **консолидация защищенных пространств и пространств устойчивого экономического роста вокруг логистических коридоров.** Важно, однако, отметить, что большая часть геоэкономических тенденций действуют в пользу не просто отрыва Среднего Востока от Ближнего, что само по себе будет иметь серьезные последствия, но и дальнейшей фрагментации Ближнего Востока. Сложившейся тенденцией становится **сдвиг фокуса экономического роста из Восточного Средиземноморья на Восток, в зону Персидского залива**, превращающуюся в ключевую зону межрегиональной торговли, ситуативно трансформируясь в главный центр экономического роста и инвестиционной активности.

* * *

Подводя итоги данной статьи, отражающей только часть научно-практических результатов исследований глобальных геополитических и геоэкономических трансформаций применительно к ключевым регионам мира, в частности к Ближнему Востоку, отметим всего несколько факторов, способных существенным образом изменить характер политических и экономических процессов в регионе и сделать неактуальными значительную часть прогнозов.

- **Высокий уровень готовности к эскалации**, сдерживаемой политическими, но неэкономическими факторами, что показывает ситуация во взаимоотношениях в треугольнике «Израиль – Иран – США». Геоэкономическая взаимозависимость как системный фактор уже не работает. Продолжают работать личные факторы зависимости элит и всеобщей неготовности к неконтролируемой эскалации.

• **Высокий уровень готовности к «элитным революциям»** и появлению у власти альтернативных (Саудовская Аравия), а в ряде случаев, – антиэлит («большой Йемен»). Это происходит на фоне относительной слабости контрэлит. Резкий рост значения экономических и политико-экономических связей, построенных на неформальных основаниях. Это обуславливает резкий рост значения личности в политических процессах, что отражает процессы деинституционализации как на межгосударственном, так и на внутристрановом уровнях.

• **Моральное банкротство арабских стран в контексте событий в Газе.** Это – долгосрочный политический фактор: общественная жизнь («улица») начинает жить мимо традиционных (наследственных) элит, формируя базу для контрэлит, не играющих, как говорилось выше, сейчас значительной роли. И это создает значительную перспективу хаотизации политического и геоэкономического пространства в силу естественности для контрэлит модели «трофейной экономики», что и доказала деятельность радикальных исламистов в Сирии и Ираке. Важно, что фактор дискредитации арабских стран будет актуальным даже в случае стабилизации военно-силовой ситуации[10].

• **«Арабский национализм» и варианты построения светской власти на Среднем Востоке** (Пакистан, Турция, Бангладеш, хотя чисто географически эта страна находится вне рамок рассматриваемого региона), **в обобщенном виде понимаемый как светская модель политической власти с учетом национально-религиозной специфики находится в фазе «выгорания»**, что естественно, учитывая, что у власти находится третье или четвертое поколение относительно светских арабских лидеров. А попытки формирования относительно мягкого варианта ислама, способного стать некоей идейной опорой политической власти, имели относительный успех только в Сирии. На сегодняшний день единственная отработанная альтернатива: «теократическая демократия» в Иране слишком привязана к шиитской иранской идентичности. Налицо явный вакуум политического целеполагания, который

[10] Stroul D. The Dangers of an Ungovernable Gaza. Without Basic Postwar Stability, “the Day After” Might Never Arrive // Foreign Affairs. – 20.05.2024. – URL: https://www.foreignaffairs.com/israel/dangers-ungovernable-gaza (дата обращения: 16.08.2024).

обострится в случае дальнейшего кризиса идентичности общеарабской. В перспективе этот вакуум заполнится радикалистскими движениями сетевого типа, подстраивающимися под особенности конкретного пространства, вполне способными стать идеологической основой для деятельности контрэлит.

• **Ключевым фактором будет способность отдельных стран и их коалиций выстроить схему устойчивого, пусть и локального экономического роста вокруг защищенного актива.** Но это в конечном счете будет усиливать тенденции к укреплению локальных идентичностей, создавая для них некую экономическую базу, давая возможность реализовывать традиционные для конкретного пространства методы хозяйствования. Но это же создает возможность для экономического и геоэкономического манипулирования странами и социально-экономическими системами, действующими в таких пространствах в силу их зависимости от внешних инвестиций и допуска на рынки. Также в таких системах резко возрастает значение нейтрализованных экономических анклавов, «факторий», что также является вполне естественным для региона.

В итоге мы неизбежно сталкиваемся с тем, что **ключевым вопросом становится не столько вопрос о геополитической конфигурации региона и его институциональной архитектуре, сколько проблема кардинального изменения «архитектуры акторов» политики и экономики в регионе.** Эти изменения могут сделать неактуальными все прежние модели анализа процессов в регионе и формирования прогноза. Именно эту проблему: выявление новых акторов в регионе, выявление их средне- и долгосрочной мотивации и прогноз тактических действий (безусловно, с учетом нарастающего влияния неэкономических факторов поведения, о чем говорилось выше), вероятно, стоит считать приоритетной задачей анализа и прогноза по данному направлению международных политических и экономических исследований.

Список источников и литературы

1. Аватков В.А., Гузаеров Р.И. «Мир больше пяти», или справедливость потурецки // Современная Европа. – 2023. – № 1 (115). – С. 194–201. – DOI: 10.31857/S0201708323010163.

2. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Между Западом и Незападом: Турция перед лицом геостратегического выбора // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2024. – Т. 26, № 1. – С. 131–142. – DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-131-142.
3. Гузаеров Р.И., Сбитнева А.И. Идейно-ценностный компонент в политике Турции и тюркских государств // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 4 (4). – С. 115–137. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.07.
4. Дмитриев О.А., Евстафьев Д.Г. Глобальная конкуренция ценностей: от «постправды» к «постреальности» // Международная жизнь. – 2024. – № 7. – С. 12–23.
5. Евстафьев Д.Г. Евразийская «дуга нестабильности», или управление глобальным экономическим ростом // Экономические стратегии. – 2019. – Т. 21, № 7 (165). – С. 46–56. – DOI: 10.33917/es-7.165.2019.46-56.
6. Саудовская Аравия и ОАЭ переходят на электронные деньги // Большая Азия. Электронный портал. – 14.12.2018. – URL: https://bigasia.ru/saudovskaya-araviya-i-oae-perehodyat-na-elektronnye-dengi/ (дата обращения: 13.08.2024).
7. Beckerman G. The Middle East Region Is Quieter Today Than It Has Been in Two Decades // The Atlantic. – 07.10.2023. – URL: https://www.theatlantic.com/international/archive/2023/10/israel-war-middle-east-jake-sullivan/675580/ (дата обращения: 06.08.2024).
8. Happymon J. The End of South Asia. A Region in Name Only // Foreign Affairs. – 22.06.2024. – URL: https://www.foreignaffairs.com/south-asia/end-south-asia (дата обращения: 05.08.2024).
9. Haqqani H. Pakistan Reaps What It Sowed. How the Country's Support for the Taliban Backfired // Foreign Affairs. – 23.05.2022. – URL: https://www.foreignaf-fairs.com/articles/afghanistan/2022-05-23/pakistan-reaps-what-it-sowed (дата обращения: 16.08.2024).
10. Stroul D. The Dangers of an Ungovernable Gaza. Without Basic Postwar Stability, "the Day After" Might Never Arrive // Foreign Affairs. – 20.05.2024. – URL: https://www.foreignaffairs.com/israel/dangers-ungovernable-gaza (дата обращения: 16.08.2024).

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.06
УДК 327

УЧАСТИЕ ИРАНА В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНО-ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ В ЕВРАЗИИ

МИХЕЕВА Наталия Михайловна
кандидат политических наук, доцент кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ, доцент кафедры международных отношений Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства.
E-mail: n.miheeva@spbu.ru
SPIN-код: 8400-1810
ORCID: 0000-0003-4266-1926

Для цитирования: *Михеева Н.М.* Участие Ирана в развитии международно-транспортных коридоров в Евразии // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 4 (8). – С. 87–108. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.06.

Аннотация. В статье анализируется участие Ирана в развитии международно-транспортных коридоров в Евразии. Рассматривается опыт участия Ирана в международных транспортных коридорах в 1990–2000-х годах. Из довольно большого количества проектов развития транспортной логистики в Евразии для Ирана удачной оказалась инициатива Европейского Союза – транспортного коридора ТРАСЕКА. В американской инициативе США «Нового Шелкового пути» Иран не имел возможности участвовать. К факторам, которые ограничивали эти возможности государства в развитии сотрудничества, автор относит жесткое санкционное давление и международную изоляцию. Инициативы по развитию транспортно-логистических маршрутов с участием России, Индии, государств Центральной Азии были декларированы, но практически не развивались. В современных условиях турбулентных политических и геоэкономических процессов у Ирана появилась уникальная возможность встроиться в формирующиеся системы новых торгово-экономических, финансово-кредитных, межгосударственных политических отношений, используя особенности своего геополитического положения. Основное внимание автора уделено участию Ирана в международно-транспортном коридоре «Север – Юг», особенностям развития особой экономической

зоны «Энзели» на берегу Каспийского моря, ориентированной на сотрудничество с Россией и крупного транспортно-логистического проекта на базе порта Чабехар, в развитии которого активно принимают участие Индия и Китай.

Ключевые слова: Иран, Индия, Россия, Международный транспортный коридор «Север – Юг», Транскаспийский транспортный маршрут, порт Чабехар, свободная экономическая зона Энзели.

Iran's Participation in Development of International Transport Corridors in Eurasia

Natalia M. MIHEEVA
PhD in Political Science, Associate Professor of Regional Policy and Political Geography Department of St. Petersburg State University, Associate Professor of International Relations Department at the Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of People's Economics and the State Service.
E-mail: n.miheeva@spbu.ru
SPIN-code: 8400-1810
ORCID: 0000-0003-4266-1926

For citation: Miheeva N.M. (2024). Iran's Participation in Development of International Transport Corridors in Eurasia. *Middle & Post-Soviet East*, no. 4 (8), pp. 87–108. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.06.

Abstract. The article analyzes Iran's participation in the development of international transport corridors in Eurasia. The experience of Iran's participation in international transport corridors of the 1990–2000 s is considered. Of the rather large number of projects for the development of transport logistics in Eurasia, the EU initiative – the TRACECA transport corridor – turned out to be successful for Iran. Iran did not have the opportunity to participate in the American initiative of the United States "New Silk Road". The author refers to the factors that limited these opportunities for the state to develop cooperation under severe sanctions pressure and international isolation. Initiatives to develop transport and logistics routes with the participation of Russia, India, and the Central Asian states were declared, but practically did not develop. In the current conditions of turbulent political and geo-economic processes, Iran has a unique opportunity to integrate into the emerging systems of new trade, economic, financial, credit, and interstate political relations, using the peculiarities of its geopolitical position. The main attention of the author is paid to Iran's participation in the international transport corridor "North-South", the peculiarities of the development of the Anzali Special

Economic Zone on the Caspian Sea, focused on cooperation with Russia, and a large transport and logistics project based on the Chabahar port, in the development of which India and China are actively involved.

Keywords: Iran, India, Russia, North-South International Transport Corridor, Trans-Caspian Transport Route, Chabahar port, Enzeli Free Economic Zone.

Первые два десятилетия XXI в. стали периодом активного развития различного рода идей и инициатив по развитию транспортных коридоров, формирования и развития транспортно-логистических и энергетических хабов в Евразии с вовлечением большого количества участников. Из наиболее значимых проектов стоит назвать международные транспортные маршруты и коридоры «Европа – Западный Китай», «Европа – Кавказ – Азия», «Лазуритовый транспортный коридор», «Транскаспийский», международные транспортные коридоры Панъевропейской системы, «Север – Юг», «ТРАСЕКА», «Запад – Восток» и др. Принципиальные изменения, произошедшие после 2022 г. в географии международных перевозок, в том числе и в Евразии, повысили интерес как к уже состоявшимся проектам, так и к инициативам, не получившим развития в свое время. В данном исследовании основной акцент делается на участии Ирана в евразийских транспортно-логистических проектах, формирующих в современных геоэкономических условиях новую систему перевозок. Очевидно, что приоритетное значение играет активно развивающийся международно-транспортный коридор «Север – Юг», который значительно обгоняет по увеличивающему товарообороту панъевропейский коридор «ТРАСЕКА» и МКТ «Запад – Восток», где Иран потенциально участвует.

Транзитный потенциал Ирана в контексте развития транспортной логистики в Евразии

В начале XXI в. ряд крупных проектов, предложенных странами ЕС и США стали толчком для формирования и развития транспортно-логистических систем в Евразии от Лиссабона до Пекина (изначальная идея ТРАСЕКА) и инициатива от Лиссабона до Владивостока (четыре пространства сотрудничества РФ – ЕС). Многие проекты, появившиеся в этот период, предполагали со-

трудничество без России, были направлены на создание альтернативных транспортных систем в обход российской территории. В качестве наглядного примера можно привести инициативу Турции начала 1990-х по созданию системы сотрудничества вокруг Черного моря, формирующей альтернативные российским пути поставок энергоносителей на рынки ЕС. Благодаря активным действиям российской политической и энергетической дипломатии удалось изменить приоритеты сотрудничества молодых государств Центральной Азии. Политический реализм проявила и Турция. Появившаяся в 1992 г. Организация черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) была создана уже с участием России[1]. Правда, довольно быстро многие проекты, требующие значительного финансирования, стали реализовываться с участием европейских структурных фондов и Еврокомиссии. ЕС получил статус наблюдателя в ОЧЭС, а в дальнейшем это стало основой одной из региональных политик Европейского союза (Черноморская синергия).

Если в начале века формирование транспортной связанности территорий Евразии было обусловлено большой заинтересованностью западных стран – США и государств ЕС – в развитии торгово-экономических отношений как с Россией, так и с молодыми независимыми государствами постсоветского пространства и быстро развивающимся Китаем, то уже во втором десятилетии инициативы в сфере транспортной логистики явно переходят к незападным государствам региона: Китаю, России, Турции, Индии. В современных условиях турбулентных политических и геоэкономических процессов как в мире, так и в Евразии возросло влияние Ирана на формирование новых систем отношений с развивающимися государствами региона, с представителями Глобального Юга. У Ирана появилась уникальная возможность встроиться в формирующиеся системы новых торгово-экономических, финансово-кредитных, межгосударственных политических отношений, используя свое геополитическое положение на стыке Запада и Востока, Севера и Юга Евразии и значительный транзитный по-

[1] Miheeva N.M., Voronkova O. Yu., Magsumov T.A., Bulanakova M.A., Kulchytskiy A.V., Polyakova A.G. Public diplomacy development stages through the black sea economic cooperation organization // International Journal of Mechanical Engineering & Technology (IJMET). – 2018. – Vol. 9, № 11. – P. 1382–1391.

тенциал территорий[2]. В условиях жесткой санкционной политики стран коллективного Запада РФ переориентировалась на торгово-экономическое и финансово-кредитное сотрудничество со странами Глобального Юга, которые в Евразии представлены сильными экономиками – Китай, Индия, Турция. Это создало для Ирана новые возможности. Дополнительное влияние на роль Ирана оказали события, произошедшие после февраля 2022 г. Помимо этого можно выделить следующие факторы: обострение ситуации вокруг палестинско-израильского конфликта с 7 октября 2023 г.; возросшие угрозы перевозкам грузов в Красном море и через Суэцкий канал из-за активных военных действий хуситов. В сложившейся ситуации Иран со своим транзитным потенциалом представляется крайне привлекательным партнером, в сотрудничестве с которым заинтересованы две конкурирующие экономики Глобального Юга – Китай и Индия. Россия рассматривает Исламскую Республику Иран как надежного партнера в сложившихся условиях. Для Ирана сложилась уникальная ситуация, которую можно использовать в своих интересах. Мы наблюдаем возобновление участия Ирана в большом количестве транспортно-логистических инициатив, которые поддерживаются активной внешнеполитической деятельностью на уровне двухсторонних и многосторонних отношений. В 2023 г. Иран присоединился к ШОС, в 2024 – к БРИКС, в 2024 подписал договор о зоне свободной торговли с ЕАЭС. Участие Ирана в одном из наиболее крупных евразийских транспортно-логистических проектов МТК «Север – Юг» является наглядным тому подтверждением.

Иран традиционно имеет выгодное геополитическое и геоэкономическое положение. Исторически по территории страны проходили торговые пути из центральной Азии, Китая, Индии на Ближний Восток и в Европу. В различные исторические периоды транзитные возможности страны являлись значимым фактором ее развития. В XXI в. транзитный потенциал Ирана не утратил своего значения, но ряд факторов довольно долго препятствовал его использованию.

[2] Столетов О.В. Иранский фактор в геоэкономических процессах Глобального Юга на современном этапе // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 2 (6). – С. 67–87. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.04.

Во-первых, это жесткая система санкций, под которые страна попала, начиная с периода ирано-иракской войны, и которые привели к отставанию в социально-экономическом развитии, определенной изоляции в торгово-экономических отношениях. Являясь одним из богатейших государств Персидского залива по запасам углеводородов, Иран был значительно ограничен в их продаже, что отразилось на доходности экономики и возможностях ее модернизации[3].

Во-вторых, это особый путь развития страны, претендующей на лидерство в регионе, что, безусловно, отразилось как на положении Ирана в системе региональных отношений на Ближнем Востоке, так и на отсутствии традиционно дружественных связей с мировыми лидерами: США, СССР / РФ, государствами Европы, а в современной ситуации с Индией и Китаем. Администрация Дж. Буша-младшего включила Иран в список стран «оси зла». Довольно сдержанно развивались российско-иранские отношения в 1990-е – начале 2000-х годов, что было связано с иранской ядерной программой. Китай в стратегических документах по инициативе «Пояса и пути» даже не упомянул Иран как значимого участника[4]. Это во многом объясняет то, что современная внешняя политика Ирана носит ситуационный характер и преследует четкий экономический прагматизм – сближаться с теми государствами, которые лояльны к правящему режиму и способны предложить интересные варианты сотрудничества, в том числе и в торгово-экономической сфере, что позволяет укрепить экономику страны и ее статус.

В-третьих, важным фактором является ядерная программа, которую Иран использует для укрепления национальной безопасности в обход системы международного права, довольно быстро разрушающегося на наших глазах. На сегодняшний день Иран находится в уникальной геополитической и геоэкономической ситуации, когда его потенциал как транзитной территории и эконо-

[3] Самаков Н.В. Политика санкций и солидаризации общества: кейсы России и Ирана // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 2 (6). – С. 143–157. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.08.

[4] Значение Ирана в китайском проекте «Шелкового пути» и транзитных коридорах в регионе // Pars Today. – 2019. – URL: https://parstoday.ir/ru/radio/programs-i99610 (дата обращения: 07.06.2024).

мики, сумевшей сохранить устойчивость и возможность развиваться в условиях жесткого санкционного давления, являясь незападной политической структурой, традиционно находящейся в антагонизме к западным странам, крайне востребован. Мы наблюдаем большой интерес со стороны многих государств Евразии: Турции, Китая, Индии, Саудовской Аравии, России и ряда других к развитию отношений с Иранской Исламской Республикой в различных сферах. При этом сотрудничество в области транспортной логистики занимает ведущие позиции[5].

Опыт участия Ирана в международных транспортных коридорах 1990–2000-х годов

Стратегия ТРАСЕКА была инициирована в 1993 г. ЕС для развития транспортного коридора из Европы через Черное море, Кавказ, Каспийское море с выходом на страны Центральной Азии. Изначально в программе участвовали восемь стран: Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Позже к ним присоединились Украина, Молдавия, а также Монголия и Туркмения. Исламская Республика Иран в 2009 г. стала участником «Основного многостороннего соглашения о международном транспорте по развитию коридора “Европа – Кавказ – Азия”» (ОМС)[6]. Целью проекта было «разнообразить традиционные централизованные потоки торговли и транспорта и открыть новые (альтернативные) торговые маршруты в западные страны»[7].

ТРАСЕКА получила развитие в качестве привлекательного маршрута для мультимодального транспорта, ориентированного на интеграцию с Критскими коридорами, которые связывают регион Черного моря с трансъевропейскими сетями и транспортно-логистическими маршрутами, развивающимися в рамках Органи-

[5] Сафранчук И.А., Махмудов Р.Б. Транспортная связанность и международные процессы в Евразии: проблемы и противоречия // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 10. – С. 24–32. – DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-10-24-32.

[6] Инициатива ТРАСЕКА // Официальный сайт МТК. – URL: https://traceca-org.org/ru/o-traseka/istorija-traseka/ (дата обращения: 05.05.2024).

[7] Там же.

зации Черноморского Экономического Сотрудничества (ОЧЭС). Борьба с международным терроризмом в Афганистане после событий 2001 г., смена политических режимов заставили задуматься над созданием благоприятных условий для транспортировки гуманитарных и строительных грузов в страну, а в дальнейшем – над вовлечением ее в международные системы перевозок. В рамках участия в этой инициативе государствами-участниками был приобретен опыт по формированию общих процедур при осуществлении международного таможенного транзита по коридору, по вопросам сближения национальных законодательств стран-участниц в области транспорта, развитию экспедиторской деятельности в регионе ТРАСЕКА. Появились практики разработки модельных законов, как, например, в 2007 г. проект Модельного национального закона о транспортно-экспедиционной деятельности. На сегодняшний день МТК ТРАСЕКА включает транспортные системы 14 стран – участниц ОМС ТРАСЕКА: Азербайджан, Армения, Болгария, Грузия, Иран, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Румыния, Таджикистан, Туркменистан, Турция, Украина, Узбекистан. Это заложило основу для формирования Трансъевропейской транспортной сети на территории ЕС, которая сейчас функционирует параллельно с десятью панъевропейскими коридорами в Центральной и Восточной Европе и четырьмя панъевропейскими транспортными зонами и евразийским маршрутом ТРАСЕКА[8].

Стоит отметить, что Иран был ограничен в возможностях развития торгово-экономических связей в рамках этой инициативы, как и всех остальных, так как практически постоянно находился под санкциями со стороны США, Великобритании и ряда других стран после исламской революции, а в дальнейшем по итогам ирано-иракской войны[9]. К упомянутым санкциям добавились международные под эгидой ООН начиная с 2009 г. Наиболее жесткая

[8] Якубович Е.С., Тебеньков Р.П., Погуца В.А. Международный транспортный коридор – «ТРАСЕКА» в структуре Шанхайской Организации Сотрудничества // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2023. – № 6. – С. 150–152.

[9] Aslan M., Aslan K., Rashid Y. Economic and socioeconomic consequences of US sanctions on Iran // Center for Iranian Studies in Ankara – 20.03.2020. – URL: https://iramcenter.org/en/economic-and-socioeconomic-consequences-of-ussanctions-on-iran_en-6 (дата обращения: 28.07.2024).

система санкций была введена резолюцией СБ ООН № 1929 от 12 июня 2010 г. При голосовании лишь Бразилия и Турция высказались против, Ливия воздержалась, в то время как РФ и КНР поддержали санкции. Это был жесткий ответ международного сообщества на развитие иранской ядерной программы.

В 2000-е годы в рамках американской политики в Центральной Азии (ЦА) и на Кавказе, ориентированной на сохранение независимости вновь образованных государств, появилось довольно много инициатив по развитию экономического сотрудничества в регионе и вытеснению России как основного торгового партнера. США активно поддерживали союзников (Турцию, Республику Корея, Японию, ОАЭ, Пакистан) в стремлении развивать экономические связи со странами Центральной Азии и Кавказа, формировать транспортную инфраструктуру, ориентированную на транзит через эти регионы. Особое внимание уделялось энергетическому сотрудничеству. Получив контроль над территорией Афганистана, США стремились использовать его транзитные возможности.

В этот период появилось много инициатив по строительству альтернативных газопроводов, ориентированных на ресурсы Казахстана и Туркмении с участием американского бизнеса. К таким идеям, например, относится попытка американской энергетической компании Unicol пролоббировать строительство газовой магистрали ТАРІ («Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия») для экспорта туркменского газа через территорию Афганистана в Пакистан и Индию (один из ранних вариантов). Наиболее известна в сфере транспортной логистики стратегия США «Нового шелкового пути». Стратегия базировалась на идее формирования Большой Центральной Азии (Greater Central Asia), подразумевающей интеграцию государств Центральной и Южной Азии в единый экономический макрорегион, в котором ключевую роль играл бы Афганистан.

Кроме уже упоминавшихся транспортных магистралей от бывших советских республик Центральной Азии через Афганистан в Индию и Пакистан, стратегия включала торговую интеграцию стран ЦА, Афганистана и Южной Азии. На данный момент большая часть проектов, реализованных в рамках данной инициативы носит локальный характер: реконструкция автомобильной сети между северными и центральными областями Афганистана (тон-

нель Саланг, участки «Мазари-Шариф – Дара-и-Суф», «Якавланг – Бамиан»), прокладка волоконно-оптических кабелей между крупными городами Афганистана и соседних стран; расширение портовых сооружений на пограничной Амударье, железнодорожная ветка Хайратон – Мазари-Шариф (использовалась для снабжения войск НАТО). Из масштабных проектов были реализованы идеи прокладки ЛЭП между центральноазиатскими республиками и Афганистаном: 2009 г. открытие линии «Хайратон – Пули-Хумри – Кабул» (Узбекистан – Афганистан), 2011 г. ветка «Сангтуда – Пули-Хумри» (Таджикистан – приграничные афганские провинции).

Крупные проекты, такие как строительство высоковольтной линии «CASA-1000» (Central Asia – South Asia) и уже упоминавшийся проект газовой магистрали TAPI, пока так и остаются нереализованными[10]. Россия, Китай и Иран во всех проектах стратегии «Нового шелкового пути» традиционно игнорировались. Стоит отметить, что Иран имел возможность участвовать только во второстепенных проектах. Например, участие в газопроводе «Мир» (Иран – Пакистан, начало строительства с 2016 г.) позиционировалось как дополнение к «Новому Шелковому пути». На данный момент проект реализован Ираном до пакистанской границы, пакистанская же сторона начала строительство лишь в мае 2024 г., потому что до этого были опасения введения санкций США.

Из инициатив ЕС по развитию транспортных коридоров в Евразии стоит отметить сопряжение транспортных коридоров в Европе с транспортной системой РФ (шестой и десятый транспортные коридоры). Эти проекты активно развивались в рамках инициативы по созданию единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока, предложенного Р. Проди в 2002 г. В рамках этой инициативы было создано четыре партнерства: в области окружающей среды, здравоохранения и социального благополучия, транспорта и логистики, культуры. В дальнейшем эти партнерства реализовывались в рамках политики ЕС «Северное измерение». Хотя институализация партнерства в сфере транспорта и логистики не была успешной, таможенные, визовые службы, службы ветконтроля, институты, занимающиеся ВЭД, приобрели

[10] Американская стратегия «Новый Шелковый путь» // Pars Today. – 11.03.2019. – URL: https://parstoday.ir/ru/radio/programs-i99610 (дата обращения: 10.06.2024).

опыт взаимодействия и выработки общих подходов к решению сложных ситуаций. Развитие получила приграничная инфраструктура северо-западных регионов РФ (Санкт-Петербург, Ленинградская область, Республика Карелия, Архангельская область, Псковская область) и приграничных территорий стран ЕС, ориентированная на развитие торгово-экономических связей и сотрудничества в сфере туризма.

Транспортно-логистические мощности Санкт-Петербурга и портов Ленинградской области (Выборг, после модернизации – Усть-Луга, Высоцк), возможности выхода к Транссибирской магистрали привлекали государства ЕС. За последние двадцать лет была создана система поставок углеводородов по дну Балтийского моря в обход транзитных стран, что значительно снижало транспортные и финансовые риски для европейских стран. Большое значение для развития транспортной связанности запада и востока Евразии в нашем столетии стал играть Северный морской путь, который был открыт в начале 2000-х годов для международных перевозок и потенциально позволяет значительно сократить время грузов в пути.

Активно развивались транспортные системы, ориентированные на Турцию и страны Ближнего Востока как в рамках двустороннего сотрудничества, так и в многосторонних форматах. Все это создавало неплохие предпосылки по развитию МТК, связывающих государства ЕС с РФ, странами Ближнего Востока, Восточной и Юго-Восточной Азии. Изначально создание МТК «Север – Юг» опиралось на эти формы сотрудничества, и Иран в системе транспортно-логистических маршрутов (из стран Северной Европы, через Россию (Санкт-Петербург, Астрахань) до портов западного побережья Индии) играл ключевую транзитную роль.

На сегодняшний день эти геоэкономические возможности уже ушли в историю, так как буквально за несколько недель после февраля 2022 г. транспортно-логистическая система в Евразии принципиально начала меняться. Связано это в первую очередь с введением жестких санкций по отношению к РФ (на данный момент введен четырнадцатый пакет санкций со стороны ЕС). Вся система поставок углеводородов в Европу по дну Балтийского моря была практически выведена из строя. С введением санкций против РФ резко сократились поставки по трубопро-

водам, а перевозки грузов из АТР в страны Европы по СМП практически прекратились.

Значительные изменения в развитии транспортной логистики в Евразии внесли китайские инициативы 2013 г. «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) и Морского Шелкового пути XXI века (МШП), к которым позже добавилась инициатива «Ледяного Шелкового пути» (2018). Идея воссоздания Великого Шелкового пути не нова. Она легла в основу стратегий ТРАСЕКА (ЕС) и «Новый Шелковый путь» (США). Турция также была инициатором воссоздания трансъевразийской транспортно-торговой системы (2008), но в дальнейшем решила принять участие в уже существующих системах договоренностей, в 2016 г. став участником Международной ассоциации Транскаспийского международного транспортного маршрута (ТМТМ), реализуемой в рамках инициативы «Нового Шелкового пути».

Иран и китайская инициатива «Пояса и Пути»

На сегодняшний день китайская инициатива «Пояса и Пути» («Один пояс – один путь», ОПОП) формирует новую логику развития транспортных коридоров в Евразии, более привлекательную не только для государств Евразии, но и Латинской Америки и Африки. ТРАСЕКА и Паневропейские коридоры, сотрудничество по развитию транспортных коридоров в рамках ОЧЭС, политика Северного измерения ЕС, американская инициатива «Нового Шелкового пути» – эти проекты, предложенные западными странами, предполагали сотрудничество в рамках норм и правил, установленных либо в Европейском союзе, либо в рамках Азиатского банка развития, где ведущую роль играют США. Китай предложил другую логику сотрудничества, основанную на инклюзивной глобализации, не требующей унифицированных форм сотрудничества и позволяющей учитывать комплексы интересов всех сторон сотрудничества. В 2013 г. Си Цзиньпином была предложена система «сопряжения стратегий», которая предполагает, что каждая из стран, которая хотела бы присоединиться к инициативе, должна принести свое видение и выработать собственный план.

Инициатива ОПОП в том числе представляет проект создания и развития масштабных «экономических коридоров». В кон-

тексте ЭПШП развиваются следующие коридоры: «Китай – Центральная Азия – Ближний Восток», «Китай – Юго-Восточная Азия» и «Китай – Казахстан – Россия – Европа». Применительно к МШП основное направление развития коридоров следующее: «Китай – Индийский океан – Европа», «Китай – Индийский океан – Африка» и «Китай – Юго-Восточная Азия – южная часть Тихого океана»[11]. Формируются так же финансово-кредитные механизмы: инвестиционный фонд ОПОП, Фонд Шелкового пути, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, которые создают хорошую основу для сотрудничества государств – участников инициативы.

Несмотря на активное развитие и институализацию инициативы ОПОП, Китай довольно настороженно относился к возможности участия Ирана в инициативе. Выгодное геоэкономическое и геополитическое положение Ирана дает очевидные возможности в развитии транспортно-логистических маршрутов из Китая в Центральную Азию, на Ближний Восток и в Европу. Несмотря на это, довольно долго в документах по проекту шелкового пути Китаем была не определена позиция Ирана. Ядерное досье Ирана, санкции ООН жестко ограничивали возможности развития сотрудничества с Исламской Республикой. Так, в 2015 г. в документе под названием «Взгляды и действия, связанные с созданием объединенного пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века»[12] Национальная комиссия по развитию и реформам при Министерстве иностранных дел КНР даже не упомянула Иран в этом проекте. Лишь в начале 2020-х годов наметилось сближение стран, которое можно объяснить улучшением ситуации вокруг Ирана: достижением Соглашения по иранской ядерной программе, снятием ряда санкций, участием Ирана в переговорных процессах на Ближнем Востоке, улучшением российско-иранских отношений. В 2021 г. КНР и ИРИ подписали всеобъемлющее соглашение о сотрудничестве, что стало новым этапом в развитии взимаодействия между

[11] О Китайской инициативе «Один пояс – один путь» // Сайт МИД РФ. – URL: https://www.mid.ru/ru/activity/coordinating_and_advisory_body/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767163/ (дата обращения: 01.06.2024).

[12] Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21 st-Century Maritime Silk Road // Портал «Пояс и путь». – URL: https://rus.yidaiyilu.gov.cn/data (дата обращения: 09.06.2024).

странами. При этом у руководства Ирана есть четкое представление о недопустимости экономической интервенции Китая в страну. Проекты без участия Китая в развитии МТК также стратегически важны для Ирана.

Участие Ирана в МТК «Север – Юг»

В 1999 г. было заключено Генеральное соглашение об экспортно-импортной транспортировке контейнеров по международному транспортному коридору «Россия – Каспий – Иран – Индия – Шри-Ланка». Годом позже государства подписали межправительственное Соглашение о международном транспортном коридоре «Север – Юг». Республика Индия ратифицировала соглашение в апреле 2001 г., Исламская Республика Иран – в октябре 2001 г., Российская Федерация – в марте 2002 г. Чуть позже к соглашению присоединились Казахстан (2003), Белоруссия (2004), Султанат Оман (2004), Таджикистан (2005), Азербайджан (2006), Армения (2006), Сирийская Арабская Республика (2006). Болгария имеет статус наблюдателя, в проекте также участвовали Киргизия и Украина.

Протяженность коридора составляет чуть более 7,2 тыс. км. Изначально он начинался в Санкт-Петербурге и заканчивался в индийском порту Мумбаи (Бомбей) и предусматривал использование железнодорожного, морского и речного транспорта. Санкт-Петербург был выбран как самый северный крупный транспортно-логистический центр России, в 2000-е годы активно развивающий транспортные связи с соседними странами ЕС. Основными конкурентными преимуществами коридора должны были стать сокращение времени и стоимости доставки грузов. По расчетам специалистов, сроки доставки по коридору между конечными точками должны были составить от 14 до 20 дней, в отличие от 35–40 дней по традиционным маршрутам через Суэцкий канал. Перспективный грузопоток оценивался от 25 до 35–40 млн т в год, контейнерный грузопоток – около 1–1,5 млн TEU в год[13].

[13] Международный транспортный коридор «Север – Юг» // Дирекция международных транспортных коридоров. – URL: https://diritc.ru/север-юг/ (дата обращения: 10.06.2024).

Довольно быстро определилось, что МТК «Север – Юг» должен включать несколько маршрутов для перевозки грузов. Приоритет отдавался развитию транспортных сетей на территории России и Ирана, включая порты на Каспийском море с выходом на морские порты Индии. Транскаспийский маршрут включал российские центральные и северо-западные регионы, Поволжье, Северный Кавказ и Южный Урал, с использованием российских морских портов Астрахань, Оля, Махачкала и иранских портов: Бендер-Энзели, Ноушехр и Бендер-Амирабад, далее – морские перевозки в Мумбаи. Расширенный вариант этого направления предполагал использование портов Туркменистана и Казахстана на Каспийском море (Туркменбаши, Актау / Курык). Коридор планировался мультимодальным с использованием речного, морского, железнодорожного и автомобильного транспорта. Второй маршрут «Восточный» предполагал прямое железнодорожное сообщение из России через Казахстан, Узбекистан и Туркмению с выходом на железнодорожную сеть Ирана через пограничные переходы «Серахс (Туркмения) – Серахс (Иран)» и «Акяйла (Туркмения) – Инче Бурун (Иран)». Третий маршрут «Западный» – прямое железнодорожное сообщение через пограничные переходы «Самур (Россия) – Ялама (Азербайджан)», с дальнейшим выходом на железнодорожную сеть Ирана через пограничный переход «Астара (Азербайджан) – Астара (Иран)».

Конкурирующими проектами, во многом повторяющими транспортную логистику МТК «Север – Юг», со временем стали китайская инициатива «Пояс – Путь», американская инициатива «Нового Шелкового пути», проект мультимодального транспортно-транзитного коридора «Лазурит» (Афганистан – Туркменистан – Азербайджан – Грузия – Турция).

Участие Ирана в развитии МТК очевидно приведет к экономическому росту районов, прилегающих к портам в Персидском заливе и выходящих к Индийскому океану – Бендер-Энзели, Бендер-Амирабад, Чабехар, которые довольно долго находились не в лучшей экономической ситуации, а на данный момент переживают настоящий экономический бум. Развитие портовой инфраструктуры, развитие железнодорожного сообщения между Ираном, Казахстаном, Туркменией, Азербайджаном постепенно приводит к росту грузооборота через территорию Ирана, оживлению морской

торговли в стране и, как результат, к формированию важнейшего грузового транзитного центра на пути из России в Азию. В 2022 г. вице-президент Ирана Мохаммад Мохбер отметил, что прибыль от транзита товаров через Иран может принести стране больше средств, чем продажа нефти и нефтепродуктов, даже при условии снятых санкций. По официальной информации сейчас Иран зарабатывает около 1 млрд долл. на транзите ежегодно, но правительство Э. Раиси рассчитывало увеличить эти значения в 20 раз к 2030 г.

У каждого из трех маршрутов МТК «Север – Юг» есть свои слабые места, связанные с развитием транспортной инфраструктуры. На данный момент наиболее активно развиваются Восточный и Транскаспийский маршруты. По восточной ветке летом 2022 г. из подмосковного Чехова отправился первый контейнерный поезд в Индию. Через территорию Казахстана поезд добрался до станции Серахс в Туркмении, где контейнеры были перегружены на другой подвижной состав (из-за разницы в ширине железнодорожной колеи 1520 мм – 1435 мм). По территории Ирана поезд проследовал до порта Бендер-Аббас, а оттуда по морю в Мумбаи (Нава-Шева) в Индии[14]. В дальнейшем такие составы стали курсировать по маршруту не реже одного раза в месяц, а количество контейнерных перевозок транзитом через территорию Туркмении в Иран увеличилось до 17 составов в месяц.

На восточно-каспийском направлении в конце 2015 г. начала действовать дорога «Иран – Туркменистан – Казахстан» протяженностью 677 км, что на 600 км короче железной дороги, проходящей через Серахс. В наши дни это направление активно используется для экспорта пшеницы из Казахстана в Иран.

На западном маршруте МТК есть сложности, связанные с проблемами железнодорожного сообщения на территории Ирана. Железная дорога «Решт – Астара» является последним недостроенным участком западного маршрута, протяженность его составляет 162 км. В мае 2023 г. Россия и Иран на полях XIV Между-

[14] «РЖД Логистика» запустила новый контейнерный железнодорожный сервис по восточной ветке МТК «Север – Юг» // Таможенно-логистический портал. – URL: http://vch.ru/event/view.html?alias=rghd_logistika_zapustila_novyi_konteinernyi_gheleznodoroghnyi_servis_po_vostochnoi_vetke_mtk_sever_-_yug (дата обращения: 11.06.2024).

народного экономического форума «Россия – Исламский мир: KazanForum» подписали соглашение о строительстве этой части железной дороги[15]. Общая стоимость проекта была оценена в 1,6 млрд евро, при этом Москва выделила межгосударственный кредит на сумму 1,3 млрд евро[16]. 20 июня 2024 г. первый участок дороги «Решт – порт Каспиан» был введен в эксплуатацию. Планируемый ввод в эксплуатацию дороги в целом планируется в 2027–2028 гг. Завершение строительства этого участка позволит организовать прямое железнодорожное сообщение от Санкт-Петербурга до иранских портов Персидского залива: Бендер-Энзели и Бендер-Амирабад, через которые грузы будут отправляться в страны Персидского залива и Южной Азии. По предварительным подсчетам, запуск данного маршрута позволит увеличить объем транзита по западному коридору МТК «Север – Юг» до 30 млн т, а весь грузопоток возрастет с 15 млн т (2023) до 41–45 млн т к 2030 г., а в более отдаленной перспективе может достичь 100 млн т[17]. В дальнейшем возможно строительство ветки железной дороги до единственного глубоководного порта Ирана на побережье Индийского океана Чабехара.

К наиболее значимым проектам в рамках участия Ирана в развитии МКТ «Север – Юг» стоит отнести развитие крупнейшего иранского порта на побережье Каспийского моря – Энзели и формирование крупного транспортно-логистического хаба в порту Чабехар. Оба проекта наглядно демонстрируют принятие взвешенных решений правительства Ирана по повышению уровня соци-

[15] Церемония подписания межправительственного соглашения с Ираном о сотрудничестве по созданию железной дороги «Решт – Астара» // Сайт Президента России. – 17.05.2023. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/71144 (дата обращения: 10.06.2024).

[16] Иран закончил первый участок железной дороги «Решт – Астара», которая так нужна коридору «Север – Юг» // Логистика России. – 19.06.2024. – URL: https://logirus.ru/news/infrastructure/iran_zakonchil_pervyy_uchastok_zheleznoy_dorogi_-resht_-_astara-_kotoraya_tak_nuzhna_koridoru_-sever.html?sphrase_id=5497609 (дата обращения: 10.06.2024).

[17] Евразийский транспортный каркас // Евразийский банк развития. – URL: https://eabr.org/analytics/special-reports/evrazijskij-transportnyj-karkas (дата обращения: 10.06.2024).

ально-экономического развития ключевых для МТК территорий и привлечению инвестиций зарубежных государств.

Иранский порт Энзели (провинция Гилян) находится на побережье Каспийского моря и занимает третье место среди остальных морских портов Ирана по объемам грузооборота. Ежемесячно в порту обслуживается около 100 судов, насчитывается 10 причалов пропускной способностью более 6 млн т грузов в год. Одновременно в порту могут находиться 12 судов, водоизмещение которых не превышает 6 тыс. т, 70% из них обслуживаются в течение суток. Энзели занимает важное стратегическое транспортное транзитное положение, являясь частью МТК «Север – Юг». Через него проходит железнодорожная ветка «Казвин – Решт – Энзели – Астара» (375 км), которая развивается в рамках трехстороннего соглашения между Ираном, Азербайджаном и Россией. Сам порт и примыкающие территории входят в свободную экономическую зону (СЭЗ) «Энзели», общая площадь которой около 8609 гектаров, включая 40-километровую береговую линию. Очевидными преимуществами этой СЭЗ являются: относительная близость к столице Ирана (до Тегерана около 360 км); близость к пяти энергетическим узлам; развитая инфраструктура; огромные месторождения газа и нефти на шельфе Каспийского моря, наличие рабочей силы (как в сфере портового хозяйства, так и нефтегазодобычи и переработки); близость к транспортным магистралям (международный аэропорт Решт; международная автомагистраль «Энзели – Решт – Казвин»). Из особенностей геоэкономического положения надо отметить легкий доступ к северным и южным портам Европы через Волгу и Волго-Донской канал и связь с портами России, Туркменистана, Казахстана и Азербайджана по Каспию. В регионе есть возможность доставки грузов четырьмя видами транспорта – по морю, по железной дороге, наземным и воздушным транспортом. Россия входит в число приоритетных партнеров данной СЭЗ[18].

На территории свободной экономической зоны Энзели действуют довольно значимые преференции для представителей

[18] Евразийский транспортный каркас // Евразийский банк развития. – URL: https://eabr.org/analytics/special-reports/evrazijskij-transportnyj-karkas (дата обращения: 10.06.2024).

зарубежного бизнеса: нет никаких ограничений по валютным операциям; предприятия, зарегистрированные там, на 15 лет освобождаются от уплаты всех налогов; возможна регистрация компаний с полностью иностранным капиталом, обладающих правом самостоятельного юридического лица и возможностью создания филиалов на основной территории Ирана; полная защита и гарантия иностранных инвестиций. В рамках СЭЗ на данный момент реализуется порядка 850 инвестиционных проектов. На данный момент на территории Ирана создано всего семь СЭЗ: «Кешм», «Киш», «Чабехар», «Энзели», «Арас», «Арванд» и «Маку» с льготными режимами для иностранного капитала.

Следующим примером активно реализуемого проекта на территории Ирана в рамках МТК является развитие региона Мекран. В 2016 г. был утвержден «Специальный план развития региона Мекран», представляющий собой комплекс экономических и социальных программ и программ в области безопасности. План имеет три долгосрочных горизонта: 2020, 2030 и 2040 гг. В его рамках Иран вложил значительные средства в развитие пляжей Мекрана и порта Чабехар. Единственный иранский порт с прямым выходом в Индийский океан – Чабехар играет важную роль в развитии не только морских перевозок между Ираном и Индией, но и включен в систему железнодорожных перевозок. Активное развитие порта началось после 2016 г., когда Индия, Иран и Афганистан подписали соглашение о развитии порта Чабехар в качестве ключевого узла транзитно-транспортного коридора через Афганистан. Позже к этому соглашению присоединился Узбекистан. Порт имеет важное геостратегическое значение, и еще с начала военной компании США в Афганистане был задействован в системах поставок в Афганистан. Это единственный торговый порт Ирана, с которого сняты все санкционные ограничения со стороны США. Афганистан активно использует транзитные возможности порта.

Даже после прихода талибов к власти в 2021 г. объем поставок в Афганистан принципиальным образом не изменился. Индия же рассматривает транзитный проект Чабехар как часть собственной «Стратегии бриллиантового ожерелья», нацеленной на экономическое сдерживание китайской экспансии и как ответ на китайскую «Стратегию жемчужной нити». Индийские компании довольно активно инвестируют в развитие портовой инфраструк-

туры Чабехара, видя в этом возможность формирования крупного транспортно-логистического хаба в противовес пакистанскому порту Гвадар, находящемуся в 72 км, куда вкладываются огромные инвестиции Китая в рамках формирования Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК).

По данным Financial Tribune, иранской экономической газеты, выходящей на английском языке, «порт Чабехар обработал 1,55 млн т товаров за первые четыре месяца 2022–2023 гг. иранского финансового года, с 21 марта по 22 июля, на 33,8% больше, чем за аналогичный период предыдущего года. За тот же период порт импортировал более 580 тыс. т сахара, риса, пшеницы и кормов для животных, что на 7,7% больше, чем в предыдущем году»[19]. Традиционно Чабехар привлекает скидками: на склады и разгрузку (30%). Порт активно используют индийские компании. В 2019 г. была запущена линия по перевозкам контейнеров-рефрижераторов из Чабехара в индийский порт Мумбаи (Ново-Шива) и китайские порты – Духань, Тайкун и Циндао.

На сегодняшний день Иран успешно реализует проекты, ориентированные на развитие МТК «Север – Юг», развивая двустороннее и многостороннее сотрудничество со странами – участниками проекта (Россия, Индия, Афганистан, Туркмения, Казахстан, Азербайджан). При этом формируется новая система взаимных расчетов (соглашение о свопе в национальных валютах между Ираном и Россией, взаимные расчеты в национальных валютах с КНР и Индией), которая помогает снизить риски в условиях санкционного давления. Формируются новые форматы торгово-экономических отношений (подписание соглашения о ЗСТ с ЕАЭС). В то же время Иран присутствует и в традиционных западных инициативах по развитию транспортных коридоров в Евразии (ТРАСЕКА), что, очевидно, в будущем создаст потенциал вариативности развития на территории Ирана евразийских транспортно-логистических хабов.

[19] PMO to launch 8 new port projects by late March 2025 // Financial Tribune. – 22.07.2024. – URL: https://www.tehrantimes.com/archive?tp=698 (дата обращения: 30.07.2024).

Список источников и литературы

1. Американская стратегия «Новый Шелковый путь» // Pars Today. – 11.03.2019. – URL: https://parstoday.ir/ru/radio/programs-i99610 (дата обращения: 10.06.2024).
2. Евразийский транспортный каркас // Евразийский банк развития. – URL: https://eabr.org/analytics/special-reports/evrazijskij-transportnyj-karkas (дата обращения: 10.06.2024).
3. Значение Ирана в китайском проекте «Шелкового пути» и транзитных коридорах в регионе // Pars Today. – 2019. – URL: https://parstoday.ir/ru/radio/programs-i99610 (дата обращения: 07.06.2024).
4. Инициатива ТРАСЕКА // Официальный сайт МТК. – URL: https://traceca-org.org/ru/o-traseka/istorija-traseka/ (дата обращения: 05.05.2024).
5. Иран закончил первый участок железной дороги «Решт – Астара», которая так нужна коридору «Север – Юг» // Логистика России. – 19.06.2024. – URL: https://logirus.ru/news/infrastructure/iran_zakonchil_pervyy_uchastok_zheleznoy_dorogi_-resht_-_astara-_kotoraya_tak_nuzhna_koridoru_-sever.html?sphrase_id=5497609 (дата обращения: 10.06.2024).
6. Международный транспортный коридор «Север – Юг» // Дирекция международных транспортных коридоров. – URL: https://diritc.ru/север-юг/ (дата обращения: 10.06.2024).
7. О Китайской инициативе «Один пояс – один путь» // Сайт МИД РФ. – URL: https://www.mid.ru/ru/activity/coordinating_and_advisory_body/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767163/ (дата обращения: 01.06.2024).
8. «РЖД Логистика» запустила новый контейнерный железнодорожный сервис по восточной ветке МТК «Север – Юг» // Таможенно-логистический портал. – URL: http://vch.ru/event/view.html?alias=rghd_logistika_zapustila_novyi_konteinernyi_gheleznodoroghnyi_servis_po_vostochnoi_vetke_mtk_sever_-_yug (дата обращения: 11.06.2024).
9. Самаков Н.В. Политика санкций и солидаризации общества: кейсы России и Ирана // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 2 (6). – С. 143–157. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.08.
10. Сафранчук И.А., Махмудов Р.Б. Транспортная связанность и международные процессы в Евразии: проблемы и противоречия // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 10. – С. 24–32. – DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-10-24-32.

11. Столетов О.В. Иранский фактор в геоэкономических процессах Глобального Юга на современном этапе // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 2 (6). – С. 67–87. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.04.
12. Церемония подписания межправительственного соглашения с Ираном о сотрудничестве по созданию железной дороги «Решт – Астара» // Сайт Президента России. – 17.05.2023. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/71144 (дата обращения: 10.06.2024).
13. Якубович Е.С., Тебеньков Р.П., Погуца В.А. Международный транспортный коридор – «ТРАСЕКА» в структуре Шанхайской Организации Сотрудничества // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2023. – № 6. – С. 150–152.
14. Aslan M., Aslan K., Rashid Y. Economic and socioeconomic consequences of US sanctions on Iran // Center for Iranian Studies in Ankara – 20.03.2020. – URL: https://iramcenter.org/en/economic-and-socioeconomic-consequences-of-ussanctions-on-iran_en-6 (дата обращения: 28.07.2024).
15. Miheeva N.M., Voronkova O. Yu., Magsumov T.A., Bulanakova M.A., Kulchytskiy A.V., Polyakova A.G. Public diplomacy development stages through the black sea economic cooperation organization // International Journal of Mechanical Engineering & Technology. – 2018. – Vol. 9, № 11. – P. 1382–1391.
16. PMO to launch 8 new port projects by late March 2025 // Financial Tribune. – 22.07.2024. – URL: https://www.tehrantimes.com/archive?tp=698 (дата обращения: 30.07.2024).
17. Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21 st-Century Maritime Silk Road // Портал «Пояс и путь». – URL: https://rus.yidaiyilu.gov.cn/data (дата обращения: 09.06.2024).

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.07
УДК 327

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ ИРАНА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

САЖИН Владимир Игоревич
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока
Института востоковедения РАН.
E-mail: vsaj1@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1429-476X

Для цитирования: *Сажин В.И.* Основные направления политики Ирана на Ближнем Востоке // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 4 (8). – С. 109–117. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.07.

Аннотация. В статье освещается ближневосточная стратегия Исламской Республики Иран в условиях эскалации региональной напряженности по нескольким конфликтным узлам. Ближневосточная политика Ирана рассматривается в рамках коррекции принципа «Ни Восток, ни Запад» в иранском целеполагании и ускоренного развития отношений с центрами силы незападного мира. Рассматривается потенциал «Оси сопротивления» как инструмента внешней политики Ирана в ближневосточном регионе, характеризуется тип связи каждого из элементов «Оси сопротивления» с Тегераном. Анализируется недовольство части населения Ирана в связи с активной региональной политикой. Делаются выводы о характере и перспективах иранской внешней политики на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Иран, Ближний Восток, «Ось сопротивления», война в Газе, региональная политика, Хизбалла, Сирия.

Main Directions of Iran's Policy in Middle East

Vladimir I. SAZHIN
PhD in History, Senior Researcher at the Center
for the Study of the Countries of the Near and Middle East,
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: vsaj1@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1429-476X

For citation: Sazhin V.I. (2024). Main Directions of Iran's Policy in Middle East. *Middle & Post-Soviet East*, no. 4 (8), pp. 109–117. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.07.

Abstract. The article covers the Middle East strategy of the Islamic Republic of Iran in the context of escalation of regional tensions over several conflict spots. Iran's Middle East policy is examined within the framework of adjustment of the "Neither East nor West" principle in Iranian target-setting and rapid development of relations with the centers of power of the non-Western world. The potential of the "Axis of Resistance" as an instrument of Iran's foreign policy in the Middle East region is examined, and the type of connection between each of the elements of the "Axis of Resistance" and Tehran is characterized. The dissatisfaction of a part of Iran's population with Iran's active regional policy is analyzed. Conclusions are drawn about the nature and prospects of Iranian foreign policy in the Middle East.

Keywords: Iran, Middle East, "Axis of Resistance", Gaza war, regional politics, Hezbollah, Syria.

11 февраля 2024 г. в Иране отмечалась 45-я годовщина исламской революции. А 1 апреля 2024 г. была отпразднована годовщина создания Исламской Республики Иран (ИРИ).

С самого начала внешняя политика Ирана основывалась на принципе «Ни Восток, ни Запад, только исламская революция!». При этом за десятилетия существования ИРИ внешняя политика страны обретала различные формы в зависимости от глобального и регионального политического фона. Но суть внешней политики Ирана неизменна, ее ключевые цели – это сохранность исламского режима и превращение Ирана в супердержаву Ближнего и Среднего Востока.

Новые тенденции внешней политики Ирана

К 2020 г. ситуация в Иране и вокруг него складывалась сложно для руководящих лиц государства: выход США из СВПД в 2018 г., за которым последовало введение мощных западных санкций при одновременном усилении серьезных кризисных тенденций в экономике и внутренней политике страны. В результате поиска выхода из сложившейся ситуации руководство Ирана прибегло к определенной коррекции основополагающего девиза «Ни Восток, ни Запад» – акцент во внешней политике страны был сделан на восточной стратегии. В этой связи Духовный лидер

Ирана Али Хаменеи заявил: «Одним из наших приоритетов сегодня во внешней политике является предпочтение Востока Западу, соседей – отдаленным странам и народам, а стран, которые разделяют наши характеристики, – другим»[1].

Таким образом были выделены главные направления внешней политики Ирана:

1) развитие отношений с Китаем, Индией, Россией;

2) укрепление партнерства с соседями;

3) концентрация внимания на страны региона, которые разделяют или могут разделять тенденции, свойственные ИРИ.

Стратегия взаимодействия с вышеперечисленными странами основывается на различных базисах, а также характеризуется преобладанием в разных пропорциях политических, экономических, военно-технических, культурных и иных элементов. Так, отношения ИРИ и КНР базируются на торгово-экономическом фундаменте[2], китайской инициативе «Один пояс – один путь» и иранокитайском 25-летнем договоре о сотрудничестве от 27 марта 2021 г. Что касается Индии, торговля также в центре двустороннего взаимодействия. Одновременно Тегераном учитывается тот факт, что Индия имеет стратегические отношения с США и тесные деловые связи с Израилем. Отношения Ирана с Россией следует определить как ситуационное партнерство, противостоящее Западу. Однако сложно спрогнозировать развитие отношений Ирана с Россией в случае реанимации ядерной сделки и снятия санкций с ИРИ. Всем отраслям экономики Ирана чрезвычайно нужны значимые по объему инвестиции и передовые технологии. Источником таких инвестиций и технологий может стать Запад в широком понимании (включая такие страны Азиатско-Тихоокеанского региона, как Австралия и Япония).

---

[1] Sanaei M., Karami J. Iran's Eastern Policy: Potential and Challenges // Russia in global affairs. – 15.09.2021. – URL: https://eng.globalaffairs.ru/articles/irans-eastern-policy/# (дата обращения: 28.05.2024).

[2] Мамедова Н.М. Внешнеэкономические связи Ирана: динамика и проблемы // Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран. – 2021. – № 4. – С. 39–51. – DOI: 10.31696/978-5-907384-70-5-039-051.

Ближневосточный вектор внешней политики Ирана

Ключевое значение имеет иранская политика на Ближнем Востоке. Ближний Восток – перманентно горячая точка, где ныне обострились сразу несколько конфликтных узлов – ситуация вокруг Йемена, ситуация вокруг американских баз в Сирии, Ираке и Иордании, ситуация вокруг палестинской проблемы, включая акции Хизбаллы против Израиля, а также вооруженный конфликт вокруг сектора Газа. Являясь составной частью широкого евразийского пространства, ближневосточные процессы оказывают значительное влияние на конфигурацию всей Евразии[3].

Анализ ближневосточной ситуации позволяет выявить связь всех антиамериканских игроков региона с Тегераном, что подтверждается как Ираном, так и его союзниками. Война в Газе стала спусковым крючком эскалации напряженности на Ближнем Востоке. В этой связи в центре внимания оказался вопрос потенциального вступления Ирана в широкую антиамериканскую конфронтацию.

Однако несмотря на воинственную риторику на фоне войны в Газе, Иран действует крайне осмотрительно в отношении палестинского конфликта. Председатель комиссии по национальной безопасности и внешней политике Меджлиса ИРИ Вахид Джаляль-заде заявил: «ИРИ считает, что нет необходимости вовлекаться в эту войну. Нет необходимости отправлять вооруженные силы Ирана в регион. Наших друзей в регионе достаточно, и они в любой момент имеют возможность нанести непоправимый ущерб интересам американцев и сионистов»[4]. В сложившихся условиях Иран стремится получить максимальную политическую выгоду от ситуации, не вступая в прямую военную конфронтацию с Израилем. Для этого Иран опирается на созданный им проиранский боевой интернационал.

---

[3] Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия в глобальной геоэкономической регионализации: первые контуры // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 7–19. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.01.

[4] Иран: Израиль – это просто американская база в регионе, а не государство // EurAsia Daily. – 01.11.2023. – URL: https://eadaily.com/ru/news/2023/11/01/iran-izrail-eto-prosto-amerikanskaya-baza-v-regione-a-ne-gosudarstvo (дата обращения: 28.05.2024).

По заявлению бывшего главнокомандующего Корпуса стражей исламской революции (КСИР) генерала Джафари, сделанному в 2016 г., Тегеран готовит 200 тысяч бойцов для боевых действий в регионе[5]. Шиитская молодежь проходит подготовку для ведения джихада в Сирии, Ираке, Афганистане, Пакистане, Йемене. Джафари назвал их «вооруженным революционным поколением»[6]. Это и есть основа «Оси сопротивления». «Ось сопротивления» была создана во многом усилиями бывшего командующего сил специального назначения Кодс в составе КСИР генерала К. Сулеймани, убитого в январе 2020 г. в результате целенаправленного удара США.

Особенности альянса «Ось сопротивления»

«Ось сопротивления» – альянс Ирана и военно-политических группировок ближневосточного региона. Она включает ИРИ как непосредственно основу альянса, ливанскую Хизбаллу, группировки шиитов в Сирии, Ираке, Афганистане, Пакистане, йеменское движение хуситов, а также аффилированные с ИРИ, но напрямую не подчиняющиеся ему суннитские группировки Исламский джихад[7] и ХАМАС. Элементы «Оси сопротивления» выступают инструментом Ирана в борьбе с двумя доктринальными врагами ИРИ – США и Израилем[8].

В период боевой активности в Сирии Тегеран практически прекратил поддержку ХАМАС, так как эта организация выступала против режима Б. Асада в Сирии. Однако в последние годы отношения были восстановлены, и финансовая поддержка возобновилась.

Связи элементов системы «Оси сопротивления» с Тегераном разнородны, имеют разную идеологическую, политическую и фи-

---

[5] Сажин В. КСИР – становой хребет государственности Ирана // Международная жизнь. – 26.05.2022. – URL: https://interaffairs.ru/news/show/35377?ysclid=lvwfymnho5682265812 (дата обращения: 28.05.2024).

[6] Там же.

[7] *Запрещенная в России террористическая организация*.

[8] Сажин В.И. Теория, политика и практика иранского антисионизма // Восточная аналитика. – 2023. – Т. 14, № 3. – С. 147–158. – DOI: 10.31696/2227-5568-2023-03-147-158.

нансовую привязку к Тегерану, разную степень автономности. Так, наиболее близка Ирану ливанская Хизбалла. Практически полностью подконтрольны Тегерану шиитские группировки в Ираке и Сирии. Сирийский институт Джусур указывает, что к середине 2023 г. общее число иранских военных объектов в Сирии составляло 570 единиц, из них 55 военных баз.

Из шиитских группировок наиболее автономно йеменское движение хуситов Ансар Аллах. Получая финансирование и вооружение из Ирана, хуситы в целом осуществляют акции без санкционирования Тегерана. При этом их связь с ИРИ несомненна. Что касается суннитских организаций – ХАМАС и Исламский джихад, они менее подвержены влиянию Тегерана, хоть и получают от него финансовую поддержку и вооружения.

Командующий аэрокосмическими силами КСИР бригадный генерал Амир Али Хаджизаде так охарактеризовал данный альянс: «“Ось сопротивления” – это не только Иран, она простирается от Красного до Средиземного моря и от “Ансар Аллы” в Йемене до Хезболлы в Ливане»[9]. Генерал отметил, что все члены «Оси сопротивления» едины. «Мы должны объединить усилия для уничтожения сионистского режима, изгнания США и их союзников и в целом всех нерегиональных сил из региона», – отметил генерал[10].

По подсчету IISS на Ближнем Востоке действуют около 250 тысяч проиранских боевиков, входящих в «Ось сопротивления». Касаясь причин поддержки Ираном такого широкого фронта, следует отметить, что в Иране сохраняется доктринальный принцип экспорта исламской революции по иранскому образцу в другие страны, установленный еще после революции Имамом Хомейни[11]. Экспорт революции имеет три варианта – военный (пример – ирано-иракская война), подрывной (через «пятую колонну» в разных странах) и мирный (пропагандистский, идеологи-

[9] Иран мобилизует «ось сопротивления» на выдавливание США с Ближнего Востока // EurAsia Daily. – 16.02.2020. – URL: https://eadaily.com/ru/news/2020/02/16/iran-mobilizuet-os-soprotivleniya-na-vydavlivanie-ssha-s-blizhnego-vostoka (дата обращения: 28.05.2024).

[10] Там же.

[11] Сажин В.И. Исламская Республика Иран: вчера, сегодня. А завтра? // Постколониализм и современность. – 2023. – № 2 (2). – С. 63–92. – DOI: 10.31249/postcolonialism/2023.02.04.

ческий). Проиранская «Ось сопротивления» успешно функционирует на двух последних – подрывном и пропагандистском.

В Иране ныне отмечается рост пространства чисто персидского национализма, что не допускалось Имамом Хомейни. Сейчас же внутри страны все чаще говорят о великом Иране, что было мечтой последнего шаха Ирана Мохаммада Резы Пахлеви.

Смещение внешней политики на Восток и активная деятельность на Ближнем Востоке, ставшие лейтмотивами внешнеполитического курса Ирана при президенте Э. Раиси[12], порождают недовольство среди части населения страны. Данная часть населения выступает против перекоса в восточную сторону во внешней политике. Здесь стоит отметить письмо группы бывших послов, а ныне политологов и дипломатов[13]. «Политика одностороннего ориентализма и крайнего антизападничества, а также отрицание сбалансированных отношений со странами и мировыми державами, независимо от геополитических запросов Ирана, наносит непоправимый ущерб интересам страны и влечет за собой непомерные издержки».

Практически постоянные протестные выступления в Иране с 2009 г.[14] также отмечаются призывами прекратить тратить финансы на поддержку военизированных группировок на Ближнем Востоке, когда в Иране, как сказал Реза Амири Салехи, бывший министр культуры при администрации президента Хасана Роухани «60% населения ложатся спать голодными»[15].

---

[12] Дунаева Е.В. Итоги президентских выборов 2021 в Иране // Восточная аналитика. – 2021. – № 2. – С. 53–63. – DOI: 10.31696/2227-5568-2021-02-053-063.

[13] Коллективное заявление бывших высокопоставленных дипломатов Ирана = Байание-йе хашдарамиз-е джамэи аз дипломатха-йе аршад-е сабег-е Иран // Entekhab. – 15.07.2023. – Персид. яз. – URL: https://www.entekhab.ir/fa/news/733647 (дата обращения: 28.05.2024).

[14] Дунаева Е.В., Мамедова Н.М., Сажин В.И. Иран: проблемы и протесты // Восточная аналитика. – 2022. – Т. 13, № 4. – С. 9–30. – DOI: 10.31696/2227-5568-2022-04-009-030.

[15] Бывший министр культуры Реза Салехи Амири: мы имеем дело с проблемой армии голодающих = Реза Салехи Амири, вазир-е асбаг-е фарханг: ба падидэ-е лашкар-е гороснеган мовваджех хастим // Entekhab. – 06.03.2024. – Персид. яз. – URL: https://www.entekhab.ir/fa/news/768824 (дата обращения: 28.05.2024).

* * *

Внешнеполитическая деятельность Ирана имеет глубокие исторические корни. А представители дипломатического корпуса Ирана, как основные проводники этой деятельности, обладают богатым опытом балансировать на грани, не ввергаясь в войну и добиваться выгодных результатов мирным путем, что обретает особую актуальность в свете текущих политических событий на Ближнем Востоке.

Список источников и литературы

1. Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия в глобальной геоэкономической регионализации: первые контуры // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 7–19. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.01.
2. Дунаева Е.В. Итоги президентских выборов 2021 в Иране // Восточная аналитика. – 2021. – № 2. – С. 53–63. – DOI: 10.31696/2227-5568-2021-02-053-063.
3. Дунаева Е.В., Мамедова Н.М., Сажин В.И. Иран: проблемы и протесты // Восточная аналитика. – 2022. – Т. 13, № 4. – С. 9–30. – DOI: 10.31696/2227-5568-2022-04-009-030.
4. Иран: Израиль – это просто американская база в регионе, а не государство // EurAsia Daily. – 01.11.2023. – URL: https://eadaily.com/ru/news/2023/11/01/iran-izrail-eto-prosto-amerikanskaya-baza-v-regione-a-ne-gosudarstvo (дата обращения: 28.05.2024).
5. Иран мобилизует «ось сопротивления» на выдавливание США с Ближнего Востока // EurAsia Daily. – 16.02.2020. – URL: https://eadaily.com/ru/news/2020/02/16/iran-mobilizuet-os-soprotivleniya-na-vydavlivanie-ssha-s-blizhnego-vostoka (дата обращения: 28.05.2024).
6. Мамедова Н.М. Внешнеэкономические связи Ирана: динамика и проблемы // Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран. – 2021. – № 4. – С. 39–51. – DOI: 10.31696/978-5-907384-70-5-039-051.
7. Сажин В. КСИР – становой хребет государственности Ирана // Международная жизнь. – 26.05.2022. – URL: https://interaffairs.ru/news/show/35377?ysclid=lvwfymnho5682265812 (дата обращения: 28.05.2024).

8. Сажин В.И. Исламская Республика Иран: вчера, сегодня. А завтра? // Постколониализм и современность. – 2023. – № 2 (2). – С. 63–92. – DOI: 10.31249/postcolonialism/2023.02.04.
9. Сажин В.И. Теория, политика и практика иранского антисионизма // Восточная аналитика. – 2023. – Т. 14, № 3. – С. 147–158. – DOI: 10.31696/2227-5568-2023-03-147-158.
10. Sanaei M., Karami J. Iran's Eastern Policy: Potential and Challenges // Russia in global affaires. – 15.09.2021. – URL: https://eng.globalaffairs.ru/articles/irans-eastern-policy/# (дата обращения: 28.05.2024).
11. Бывший министр культуры Реза Салехи Амири: мы имеем дело с проблемой армии голодающих. = Реза Салехи Амири, вазир-е асбаг-е фарханг: ба падидэ-е лашкар-е гороснеган мовваджех хастим // Entekhab. – 06.03.2024. – Персид. яз. – URL: https://www.entekhab.ir/fa/news/768824 (дата обращения: 28.05.2024).
12. Коллективное заявление бывших высокопоставленных дипломатов Ирана. = Байание-йе хашдарамиз-е джамэи аз дипломатха-йе аршад-е сабег-е Иран // Entekhab. – 15.07.2023. – Персид. яз. – URL: https://www.entekhab.ir/fa/news/733647 (дата обращения: 28.05.2024).

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.08
УДК 94+327

ГРАНИЦЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ: ЧТО БЫЛО, ЧТО ЕСТЬ, ЧТО БУДЕТ

СИТНЯНСКИЙ Георгий Юрьевич
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Отдела Зарубежной Азии Института этнологии и антропологии РАН.
E-mail: sitnyan@mail.ru

Для цитирования: *Ситнянский Г.Ю.* Границы в Средней Азии: что было, что есть, что будет // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 4 (8). – С. 118–137. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.08.

Аннотация. До завоевания Россией Средней Азии государства региона формировались по региональному (Хорезм, Мавераннахр, Фергана), а не по национальному принципу. В усеченном виде эта ситуация сохранилась и при Российской империи. В советское время было проведено национально-государственное размежевание; оно было отнюдь не идеально, тем не менее советские границы сохранились и после распада СССР. Сейчас ситуация кажется стабильной, а перспектива изменения границ маловероятной, однако некоторые демографические (переток с юга на север), религиозные (наступление радикального ислама), внутренние (противостояние внутри новых государств различных властных кланов), геополитические процессы позволяют считать возможным при некоторых обстоятельствах изменение межгосударственных границ. При этом общая направленность указанных процессов позволяет предположить два варианта таких изменений: образование «Великого Узбекистана» или (в случае наступления в Узбекистане внутренней нестабильности) воссоздание традиционных государственных образований по территориальному принципу, возможно, с добавлением и некоторых новых. Эти процессы едва ли затронут Казахстан (кроме двух присырдарьинских областей) и Северный Киргизстан, однако, несомненно, окажут влияние на ситуацию и в этих государствах, включая перспективы их отношений с Россией.

Ключевые слова: государства Средней Азии, изменение границ, история, современность, перспективы.

Borders in Central Asia: What was, What is, What will be

Georgy Yu. SITNYANSKY
PhD in History, Senior Researcher, Department of Foreign Asia
Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: sitnyan@mail.ru

For cıtatıon: Sitnyansky G. Yu. (2024). Borders in Central Asia: What was, What is, What will be. *Middle & Post-Soviet East*, no. 4 (8), pp. 118–137. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.08.

Abstract. Before Russia conquered Central Asia, the states of the region were formed according to the regional (Khorezm, Transoxiana, Ferghana), and not according to the national principle. In a truncated form, this situation persisted under the Russian Empire. In Soviet times, national-state demarcation was carried out; it was by no means ideal, nevertheless, the Soviet borders remained after the collapse of the USSR. Now the situation seems stable, and the prospect of changing borders is unlikely, however, some demographic (flow from south to north), religious (the offensive of radical Islam), internal (confrontation within new states of various power clans), geo-political processes allow us to consider it possible under certain circumstances to change interstate borders. At the same time, the general orientation of these processes suggests two options for such changes: the formation of a "Great Uzbekistan" or (in the event of internal instability in Uzbekistan) the reconstruction of traditional state formations based on the territorial principle, possibly with the addition of some new ones. These processes are unlikely to affect Kazakhstan (except for the two Syrdarya regions) and Northern Kyrgyzstan, however, they will undoubtedly have an impact on the situation in these states, including the prospects for their relations with Russia.

Keywords: Central Asian states, changing borders, history, modernity, prospects.

С древних времен (IX–VIII вв. до н.э.) государства Среднеазиатского региона формировались по региональному (Хорезм, Мавераннахр, Фергана), а не по национальному принципу. Ко времени прихода в Среднюю Азию России границы государств в этом регионе выглядели следующим образом.

Кокандское ханство, которое Россия поставила в 1868 г. в вассальную зависимость от себя, в 1876 г. было ликвидировано и вошло в состав Российской империи как Ферганская область, включало в себя узбекскую Ферганскую долину, Южную Кир-

гизию, нынешнюю Согдийскую область Таджикистана, а также Ташкентскую область и территории нынешних Южно-Казахстанской и Кзыл-Ординской областей по правому берегу Сырдарьи. На некоторых картах в составе ханства обозначены также Восточный Таджикистан с Памиром; временами в его составе была и вся Киргизия и даже часть Казахского Семиречья.

Бухарский эмират объединял Узбекистан (кроме Хорезма и Ферганы) и Таджикистан (кроме Ходжента, а на некоторых картах и Восточный Таджикистан, как уже сказано, обозначен как кокандское владение), левобережье Сырдарьи почти до устья плюс туркменский Чарджуй (Чарджоу, ныне Туркменабад), а на некоторых – и вся Восточная Туркмения с Мервом. Нынешняя Джизакская область Узбекистана обозначается иногда как спорная между Бухарой и Кокандом.

Наконец, Хивинское ханство включало Хорезм (Хорезмскую область и Каракалпакию) и прилегающую Дашогузскую область Туркмении. На некоторых картах принадлежащей Хиве обозначена вся Туркмения, что явно не соответствует действительности, и левобережье Сырдарьи почти от Ташкентского оазиса до устья; последнее, возможно, было спорным между Хивой и Бухарой.

Мне неоднократно приходилось обосновывать ту точку зрения, что южная естественная граница России проходит примерно по линии Аральское море – Чаткальский хребет (на границе Ташкентской области Узбекистана и Таласской области Киргизстана) – перевал Торугарт (точнее, стык границ Нарынской и Ошской областей Киргизии и Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР)[1,2,3]. Но близкие к этой точке зрения мнения высказывались и тогда, полтора с лишним века назад, при русском завоевании Средней Азии. Представляется целесообразным их привести.

---

[1] Ситнянский Г.Ю. Естественные границы: какой быть новой России? // Общественные науки и современность. – 1994. – № 6. – С. 112–119.

[2] Ситнянский Г.Ю. Интеграционные тенденции на постсоветском пространстве и противодействие им (на примере Киргизии) // Расы и народы. – 2001. – № 27. – С. 240–253.

[3] Ситнянский Г.Ю. Проблемы реинтеграции бывшего СССР в свете исторических судеб Евразийской цивилизации // Вестник Евразии. – 1996. – № 2. – С. 161–170.

Так, И.И. Завалишин писал, что «без расширения границ наших ***до Хивы и Коканда*** (выделено мною. – *Г. С.*) … немыслимо было бы спокойствие даже губерний Тобольской и Томской»[4]. Здесь, на взгляд автора, заслуживает внимания именно ограничительный предел, только надо бы уточнить: «***до границ*** Хивы и Коканда»! Вообще, в середине XIX в. часто раздавались в среде российской политической, научной, военной элиты голоса: «не присоединять весь регион! Ограничиться казахскими степями и казахско-киргизским Семиречьем! Не идти дальше Ташкента[5]!». Автору неоднократно приходилось приводить аргументы в пользу такой границы (добровольность вхождения казахов и киргизов в состав России в противоположность завоеванию остальных территорий, возможность массового проживания европейцев в сельской местности и т.д.)[6,7,8].

При начале присоединения Средней Азии Россией была предпринята попытка создания Ташкентского ханства. Дело в том, что и среди сторонников точки зрения «не идти дальше Ташкента» были разногласия. Так, генерал-губернатор Западной Сибири Дюгамель призывал ограничить продвижение в Среднюю Азию долиной р. Чу, с Пишпеком, Токмаком, Мерке, считая дальнейшие шаги «опасными по своим последствиям»[9], тогда как А.П. Безак (оренбургский генерал-губернатор) настаивал на захвате также и Ташкента и проведении границы по Сырдарье[10]. Так или иначе, создание Ташкентского ханства не удалось – по разным при-

[4] Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. – Москва: Издание Общества распространения полезных книг, 1867. – 414 с.

[5] Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. – Санкт-Петербург: Типография Безобразова и К°, 1873. – 144 с.

[6] Ситнянский Г.Ю. Интеграционные тенденции на постсоветском пространстве и противодействие им (на примере Киргизии) // Расы и народы. – 2001. – № 27. – С. 240–253.

[7] Ситнянский Г.Ю. Проблемы реинтеграции бывшего СССР в свете исторических судеб Евразийской цивилизации // Вестник Евразии. – 1996. – № 2. – С. 161–170.

[8] Россия и Центральная Азия: вместе или врозь? – Москва: ИЭА РАН, 2011. – С. 30–31.

[9] Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России. – Москва: Наука, 1965. – С. 119–120, 203–204.

[10] Там же. С. 124–125.

чинам, включая, помимо того, что в правящих кругах России восторжествовала идея завоевания всего региона, и идиосинкразию самих ташкентцев, после кокандского правления, на само слово «ханство»[11].

Как бы то ни было, Россия завоевала всю Среднюю Азию[12], оставив, однако, в качестве своих вассалов Бухару, Хиву, а до 1876 г., как уже говорилось, и Коканд, хотя и значительно урезала их территории. От Кокандского ханства осталась лишь Ферганская долина, Бухарский эмират лишился Самарканда и Восточной Туркмении (кроме Чарджоу), Хивинское ханство – всех земель между Сырдарьёй и Амударьёй, кроме непосредственно прилегавших к последней. Остальная Средняя Азия вошла в Туркестанское генерал-губернаторство, разделенное на пять областей (Закаспийскую, Самаркандскую, Семиреченскую, Сырдарьинскую, с 1876 г. – и Ферганскую).

После 1917 г. вся Средняя Азия и Казахстан, кроме Хивы и Бухары, где ханства были сменены «народными республиками», вошли в состав РСФСР, однако в 1924 г. началось национально-государственное размежевание: были созданы Туркменская и Узбекская ССР с Таджикской АССР в составе последней, а Казахстан, Киргизия и Каракалпакия превратились в автономии в составе РСФСР. В 1929 г. Таджикистан был преобразован в самостоятельную союзную республику, в 1936 г. то же произошло с Казахстаном и Киргизией, а Каракалпакская АССР перешла от РСФСР к Узбекистану. Эти границы с небольшими изменениями (передача Узбекистану некоторых пограничных районов Казахстана) сохранились до сих пор. Однако возможно ли теперь их изменение? Некоторые аспекты межэтнических противоречий в регионе позволяют сказать, что при определенных обстоятельствах – да.

Начнем с узбекско-казахских противоречий. В их возникновение внесло свой вклад советское государство, отдав казахам ряд городов: Чимкент, Аулие-Ату (в советское время – Джамбул, с 1997 г. – Тараз), Туркестан, до российского завоевания принадле-

[11] Глущенко Е.А. Герои Империи. – Москва: XXI век – Согласие, 2001. – 404 с.

[12] Койчуманова Ч.У. Общность исторических судеб как фактор единения народов Центральной Азии // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 2 (2). – С. 7–25. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.01.

жавших Кокандскому ханству, а после него включенных в состав Сырдарьинской области, границы которой почти совпадали с предполагавшимися границами так и не созданного Ташкентского ханства. Сделано это было с той целью, «чтобы у южных казахов были свои индустриальные центры».

Но в этом случае, вполне возможно, была и другая цель. Вполне возможно, что большевики хотели ослабить Узбекистан и узбеков как единственный народ, имевший до 1917 г. свою государственность. Они старались добиться этого, оторвав от Узбекистана как можно больше земель. Кроме того, в первые советские годы возобладала точка зрения о «зверской эксплуатации кочевого населения русским и узбекским капиталом», за что, по мнению авторов коммунистической национальной политики, кочевникам полагалась компенсация как за счет русских, так и за счет узбекских земель[13].

Однако историческая граница между Востоком и Евразией всегда проходила «через Отрар», т.е. бóльшая часть Чимкентской и Кзыл-Ординской областей Казахстана входила в состав трех названных государств Средней Азии. Отмечу также, что казахи других регионов часто считают местных казахов этнокультурно близкими к узбекам.

И если ташкентцы при попытке создания Ташкентского ханства вспоминали ненавистных им кокандских ханов, то они не могли не знать о куда более демократичных ханах казахских и киргизских. При этом для ослабления восточного элемента и усиления евразийского целесообразно было бы включить в состав Ташкентского государства, в случае его создания, также казахские земли по Нижней Сырдарье.

По переписи 1926 г. 26% населения уезда составляли казахи, 45% – узбеки, а 9% – племя курама, которое как те, так и другие считали своим. Кроме того, у казахов (и у киргизов) имелись претензии на Ташкент, обоснованные «историческими» правами: так, почти вся третья книга киргизского эпоса «Манас» посвящена похоронам ***ташкентского*** хана Кокетея.

[13] Громов А. Границы Центрально-Азиатского региона. Исторический контекст // Профи. – 1999. – № 11. – С. 10–15.

Добавлю, что весной-летом 1866 г. военное министерство и МИД России пересмотрели вопрос о Ташкентском ханстве ввиду претензий бухарского эмира на господство над Кокандом (эти претензии высказывались уже достаточно давно, и эмир бухарский не оставил этих претензий даже тогда, когда и его эмират, и Кокандское ханство воевали с Россией), что негативно воздействовало на население уже подконтрольных России территорий потенциального Ташкентского ханства. Решено было поэтому присоединить Ташкент к России, что и состоялось 27 августа 1866 г.[14], хотя ничто не мешало вернуться к вопросу о Ташкентском ханстве после окончательной победы над Бухарой и Кокандом, одержанной, как известно, в 1868 г. При некоторых обстоятельствах (например, внутренняя нестабильность и рост сепаратистских тенденций) создание чего-то подобного не исключено и сейчас.

Имеются у Узбекистана территориальные проблемы и на юге. Перефразируя известные слова Молотова о Польше в границах 1939 г., Афганистан в нынешних границах можно охарактеризовать как «уродливое детище российской и британской экспансии». В самом деле, до последней трети XIX в. государственные границы Афганистана и границы этнической территории пуштунов примерно совпадали. Захват Британией в 1870-х годах ряда земель, населенных пуштунами, и проведение в 1893 г. новой афганско-индийской границы («линия Дюранда») привели к тому, что пуштунский народ оказался разделенным: на 2006 г. 12 млн пуштунов жило в Афганистане, 20 млн – в Пакистане[15]. Отказ же в 1885 г. Бухарского эмирата по указанию из Петербурга от территорий между Амударьёй и Гиндукушем (в обмен на отказ Афганистана в пользу России от Мерва и Кушки) привел к тому, что узбеки и таджики, а также туркмены составляют до 40% населения страны (в том числе узбеки – 5–10%). Именно узбеки и таджики в 1996–2001 гг. составляли ядро сопротивления «Талибану»*, и воз-

[14] Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России. – Москва: Наука, 1965. – 468 с.

[15] Пластун В.Н. Изменения в политике США и НАТО в Афганистане (2001–2006 гг.) // Афганистан и безопасность Центральной Азии. – Бишкек: Общест. фонд А. Князева; Душанбе: Центр конфликтологии и региональных исследований, 2006. – С. 30–31.

вращение последнего к власти вполне может снова спровоцировать «северный сепаратизм».

Всё это порождает проблему изменения границ. При определенных обстоятельствах не исключено, что будет создан так называемый «Великий Узбекистан», включающий в себя территории, ранее входившие в состав трех среднеазиатских государств. Об этом мне тоже приходилось писать[16,17].

Со своей стороны, например, лидер противостоявшего в 1996–2001 гг. талибам Северного альянса Ахмад-шах Масуд, по некоторым непроверенным сведениям, мечтал о создании «Великого Таджикистана», в который должны были войти не только нынешний Таджикистан и северо-восток Афганистана, но и узбекский Мавераннахр с Бухарой и Самаркандом. Это будет означать создание государства, примерно сравнимого по размерам с Бухарским эмиратом, равно как и при создании «Великого Узбекистана» в усеченных границах – без Хорезма и Ферганы.

Добавлю, что талибы уже в конце 2000-х годов угрожали распространить «возмездие» на население государств, поддерживающих действия антитеррористической коалиции[18]. Например, имело место нападение в июле 2008 г. на кишлак в Хатлонской области Таджикистана. Как раз тогда талибы перенесли боевые действия из южных и восточных районов страны практически на всю ее территорию[19].

Поэтому сейчас речь шла о создании в Северном Афганистане буфера стабильности для региона[20]. В Ташкенте тоже много

---

[16] Ситнянский Г.Ю. Великий Узбекистан и национальные интересы России // Обозреватель-Observer. – 2003. – № 4 (159). – С. 53–59.

[17] Ситнянский Г.Ю. Идея «Великого Узбекистана» постоянно витает в воздухе // Regnum. – 06.05.2011. – URL: http://regnum.ru/news/polit/1402208.html (дата обращения: 15.05.2024).

[18] Бондарец Л.М. Национальная безопасность Киргизии в свете присутствия в стране американского военного контингента // Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений. – 2009. – С. 171.

[19] Бондарец В.И. Афганистан: трансформация угроз безопасности для государств – участников и наблюдателей ШОС // Афганистан, ШОС, безопасность и геополитика Центральной Евразии. – 2008. – С. 113.

[20] Князев А.А. Проекты интеграции и безопасности Центральной Азии в контексте афганской военно-политической ситуации и современных геополити-

говорят на эту тему. Это стало бы гарантией против распространения на Север Афганистана пуштунского господства (о чем мечтает руководство «Талибана»*). Но для этого необходимы усилия всех стран региона и России[21]. Кстати, Афганистан готов был принять на своей территории российских инженеров и техников для реконструкции построенных в 1980-х годах объектов (преимущественно расположенных как раз на Севере)[22].

Но все это де-факто будет означать возвращение Северного Афганистана в Среднюю Азию, от которой он был отрезан в 1885 г. И что тогда возникнет на остальной территории Афганистана? Пуштунистан?

Здесь нельзя не упомянуть и таджикско-узбекские противоречия, которые также имеют глубокие исторические корни. Тюркские группы проникали в Мавераннахр постепенно, смешивались с предками таджиков, часто передавая им свой язык, но перенимая их культуру. В XV–XVI вв., как уже говорилось, на территорию Мавераннахра пришли из Дешт-и-Кипчака кочевники-узбеки; они быстро осели, смешались с местным населением, передали ему свой этноним, но переняли его культуру. Именно последнее обстоятельство сыграло решающую роль: таджики считают себя исконными обитателями Южного Узбекистана, носителями древней культуры, которая затем была присвоена «тюркскими захватчиками», ассимилировавшими или вытеснившими древнее население. Отношение таджиков к узбекам в этом смысле напоминает отношение последних к другим народам Средней Азии – «диким кочевникам» киргизам, казахам, туркменам и т.д.

Надо, однако, оговориться, что по отношению к внешнему миру два народа, как правило, ощущают себя единым целым (вот и

ческих реалий // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы / под ред. Князев А.А. – Бишкек, 2007. – С. 237–244. – С. 240.

[21] Столповский О.А. Афганистан и вопросы регионального сотрудничества в сфере безопасности // Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений. – Бишкек: ОФАК, 2009. – С. 192–194.

[22] Пластун В.Н. ШОС и перспективы восстановления безопасности в Центральноазиатском регионе // ШОС как фактор интеграции Центральной Евразии – Бишкек, 2009. – С. 85.

события в Афганистане, о которых говорилось выше, это показали), а до XX в. противостояние двух народов вообще не очень чувствовалось: Мавераннахр входил в состав Бухарского Эмирата, между различными группами оседлого населения которого не ощущалось большого различия. Но и здесь советская власть тоже заложила мину замедленного действия, разделив исторически сложившуюся область – Мавераннахр – на две «национальных республики». Отторжение от цивилизационно значимых территорий (Самарканд, Бухара) с их историческими памятниками и населением, являющимся носителем персоязычной культуры, воспринималось таджиками как несправедливость и даже затрудняло процесс формирования национальной идентичности. И до сих пор некоторые таджики на вопрос, откуда они, отвечают: «Мы самаркандские»[23]. Между тем территория от Бухары до Куляба отличается исключительной пестротой населения: нельзя сказать, где кончается узбекская этническая территория и начинается таджикская.

Экономические предпосылки к воссоединению есть, при этом – к воссоединению под верховенством Ташкента. Так, например, Согдийская область с ее урановыми заводами уже в середине 1990-х годов находилась под контролем Узбекистана[24]. Душанбе был должен Ташкенту 100 млн долл. За долги Алмалыкский горно-металлургический комбинат получил право на добычу руды на Алтын-Топканском месторождении и золото в долине Зеравшана. Ташкент стремился также контролировать второе в мире месторождение серебра Большой Канимансур[25].

Иран в последние годы также активизировался в отношении Средней Азии, в первую очередь – в отношении Туркмении, которая лежит первой на пути иранской геополитической экспансии. Иран уже много столетий пытается прибрать к рукам южнотуркменские оазисы. В случае весьма вероятной дестабилизации внутриполитической обстановки в Туркмении (и отпадения пограничных с Узбекистаном регионов в пользу «Великого Узбекистана»

[23] Звягельская И.Д. Становление государств Центральной Азии. Политические процессы. – Москва: Аспект Пресс, 2009. – С. 31.

[24] Ситнянский Г.Ю. «Великий Узбекистан» и национальные интересы России // Россия и мусульманский мир. – 2003. – № 8. – С. 63–70.

[25] Там же.

или, например, Дашогузской области в пользу какого-нибудь Хорезмского государства – такое тоже не исключено) у Ирана появятся реальные шансы это осуществить.

Корни узбекско-туркменских трений, как и противоречий между узбеками и каракалпаками, уходят в период существования Хивинского ханства, в котором узбеки и туркмены постоянно соперничали как из-за политической власти, так и из-за земли и воды. В частности, объектом конфликтов из-за земли и воды были земли низовьев Амударьи с их развитой системой арыков; в советские годы к ним прибавилась Чарджоуская область, где (в 180 км выше областного центра по Амударье) начинается Каракумский канал, а в постсоветские – наличие месторождений нефти на спорных территориях. Кроме того, Чарджоу (ныне Туркменабад) сам по себе – крупный промышленный центр, второй в Туркмении после Ашхабада. Этот город, как уже сказано, до 1924 г. входил в состав Бухарского государства, а Дашогуз (Ташауз) – в состав Хивы, оба города были отданы Туркмении на том же основании, что и Ош и Джалал-Абад Киргизии – «иначе в этом районе у туркмен вообще не будет городов»[26].

Интересен такой факт: в 1994 г. сотрудники КНБ ликвидировали «гнездо» сепаратистов в г. Чарджоу, арестовав 30 самых богатых людей города. Примечательно, что местные органы власти ничего не могли или не хотели против них сделать, понадобилось вмешательство Ашхабада. Учитывая все сказанное, отнюдь не исключено, что проблема чарджоуского сепаратизма также связана с узбекско-туркменскими трениями. А, например, в период с 1998 по 2003 г. на узбекско-туркменской границе имело место около двух десятков инцидентов со смертельным исходом[27].

Войти в состав «Великого Узбекистана» могут и неузбекские части Ферганской долины, хотя не исключено и образование Ферганского государства – геополитического наследника Кокандского ханства. Чтобы проанализировать эту перспективу, рассмотрим ситуацию в Ферганской долине.

---

[26] Кадыров Ш.Х. «Нация» племен. – Москва: Институт Африки, 2003. – С. 99.

[27] Бондарец Л.М. Военно-политический аспект интеграции в Центральной Азии // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. – 2007. – С. 85–99.

Начнем с такого явления, как южнокиргизский сепаратизм. Южная Киргизия была настроена более консервативно еще по отношению к первому президенту независимого Киргизстана А. Акаеву (1990–2005) и его реформам и осталась таковой по отношению к европеизации вообще. Южные киргизы, испытавшие этнокультурное влияние узбеков, более исламизированы и менее европеизированы. Поэтому в 1992–1993 гг. были немалые основания считать, что могут появиться две Киргизии – традиционная Южная и современная Северная. Южане, в частности, выступили против двухпалатного парламента (1994), поскольку резонно опасались, что тогда у них останется еще меньше власти за счет уменьшения числа мест в верхней палате (Северная Киргизия включает в себя четыре области, Южная же тогда составляла всего две; в 2000 г. к этим областям – Ошской и Джалал-Абадской – добавилась третья – Баткенская).

Большинство специалистов, правда, считает, что едва ли стремление Южного Киргизстана к отделению было искренним (даже с учетом того, что в то время Узбекистан еще не готов был поглотить южнокиргизские области, чего многие в Киргизии опасаются теперь) – скорее всего, подобные разговоры были средством давления на Север. Так или иначе, для реализации сепаратистских планов южных киргизов не хватало только лидера; он и появился уже в 1990 г. в лице Бекмамата Осмонова.

Осмонов родился в 1946 г. Сделал партийную карьеру, в 1990 г. избран депутатом Верховного Совета Киргизии, впервые заявил о себе осенью того же года, когда парламент выбирал президента, предложив свою кандидатуру. Естественно, он не прошел, поскольку его поддерживала только небольшая группа депутатов-земляков, но начало своему участию в большой политике положил. Осмонов сошелся с радикальными «национал-демократами», не жалующими Акаева за его недостаточно национальную, по их мнению, политику, и последние после гибели 29 ноября 1991 г. премьер-министра Н. Исанова предложили на его место Осмонова. Стать премьером не удалось, зато Осмонов возглавил администрацию только что созданной Джалал-Абадской области.

Выделяя эту область из Ошской, Акаев хотел расколоть Юг; фактически, однако, область стала прибежищем оппозиционеров. За год пребывания на посту акима (губернатора) области Осмонов

устроил десятки своих родственников на руководящие посты в ней, а главное – составил себе огромное состояние, в том числе, по некоторым сведениям, и на наркобизнесе.

Акаеву удалось нейтрализовать влияние Осмонова, а кончина последнего 28 октября 1997 г., по видимости временно положила конец южнокиргизскому сепаратизму, однако опасность раскола Киргизии, учитывая ослабление связей между Севером и Югом, сохранилась. Есть сведения, что в конце 1990-х годов в руководящих кругах Киргизии муссировалась идея о переносе столицы в Ош для укрепления контроля над Югом Киргизии[28].

Весной 2002 г. конфликт Север – Юг возобновился. Поводом для столкновений в Джалал-Абадской области 17–18 марта 2002 г. послужил арест 5 января того же года депутата Джогорку Кенеша Азимбека Бекназарова, уроженца Аксыйского района Джалал-Абадской области, который выражал свое возмущение передачей спорной между Киргизстаном и Китаем территории (9000 км^2 много для маленькой Киргизии, почти 5% ее территории) Китаю и потребовал объяснить причину этой передачи.

Следующий виток конфликта Север – Юг произошел в марте 2005 г. «Тюльпановая революция» 2005 г. изменила соотношение сил во власти в пользу Юга, сыгравшего в ней решающую роль. Северяне обвиняли южан также в мародерстве в дни революции, в захватах земли в пригородах Бишкека и т.д. Примечательно, что в акциях протеста против политики новой власти (конец апреля 2006 г.) приняли участие в основном северяне[29]. Определенные предпосылки для «перехода в контрнаступление» северян были хотя бы в силу того, что, если у северян наблюдалось сплочение против «южной угрозы», у южан такого не было. Более того, один из самых популярных политиков Юга – Омурбек Текебаев – стал одним из самых жестких критиков К. Бакиева и нейтрально относился к свергнутому А. Акаеву. Вероятно, он понимал, что безудержный «натиск Юга на Север» до добра не доведет, равно как и то, что «северяне» не смирятся с усилением «южан» и будут

[28] Лунёв С.И. Вызовы безопасности южных границ России. – Москва: ИВ РАН, 1999. – С. 81.

[29] Годы, которые изменили Центральную Азию (коллективная монография) / отв. ред. Звягельская И.Д. – Москва: ИВ РАН; ЦСПИ, 2009. – С. 140–141.

стараться вернуть позиции. Автор писал об этом еще в 2007 г.[30] События апреля 2010 г. подтвердили эти опасения.

Во внутрикиргизском конфликте играет свою роль и религиозный фактор: в Южной Киргизии, как уже говорилось, позиции ислама намного сильнее, чем в Северной. В середине 2000-х годов сами кыргызстанские эксперты признавали опасность создания Исламского халифата, в том числе и в Ферганской долине, включая ее киргизскую часть[31]. Во всяком случае, среди южных киргизов имеются сторонники создания общеферганского исламского государства[32].

Н.М. Омаров полагал еще 20 лет назад, что завершением внутрикиргизского конфликта вполне может стать распад Киргизстана на Север и Юг с последующей интеграцией первого с Казахстаном, а второго с Узбекистаном[33]. Надо подчеркнуть, что, по прогнозам некоторых западных экспертов (также в середине 2000-х годов), киргизское государство почти неизбежно рухнет, если не получит поддержки извне[34]. Пока этого не произошло, но в дальнейшем подобное не исключено.

Но если южные киргизы и не решатся на отделение, то нельзя сбрасывать со счетов узбекский фактор. Возможно, что узбеки не идут на альянс с южными киргизами (например, они не поддержали их во время «революции тюльпанов» 2005 г., сохранив нейтралитет), поскольку надеются и так вытеснить их с Юга. Не мог не усугубить конфликт новый Закон о языке, принятый 12 февраля 2003 г. Руководство Киргизстана не только не удовлетворило требований узбекской общины (озвученных 30 июня 2002 г. на Пятой ежегодной конференции этнических узбеков

---

[30] Ситнянский Г.Ю. Отношения Севера и Юга Киргизии: история и современность // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – 2007. – № 198. – С. 14–15.

[31] Омаров Н.М. Киргизстан-2025: образы политического будущего. – Бишкек: Илим, 2005. – С. 53.

[32] Абдуллаев Э. Эта странная война в Баткене// Профи. – 1999. – № 11. – С. 24–31.

[33] Омаров Н.М. Киргизстан-2025: образы политического будущего. – Бишкек: Илим, 2005. – С. 53.

[34] Вильемини Ф. Роль России в определении европейско-центральноазиатских отношений // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. – 2007. – С. 81.

Южного Киргизстана) о придании узбекскому языку статуса государственного и увеличении доли узбеков в законодательных, судебных и правоохранительных органах южных регионов, но и ужесточил требования к знанию киргизского языка. Лидеры узбекской общины прямо заявили, что новый Закон направлен на вытеснение некиргизов из руководящего аппарата. Принятие нового Закона, помимо всего прочего, вызвало рост симпатий южнокиргизских узбеков к исламским радикалам[35]. Правда, на некоторое время после «революции тюльпанов» губернатором Ошской области впервые стал узбек (Анвар Артыков), но уже в начале декабря 2005 г. он был уволен, после чего ушел в оппозиционную партию «За реформы» (лидер – Омурбек Текебаев)[36].

Но главное здесь – то, что конфликт также включает в себя и приток больших масс узбекского населения в Южный Киргизстан, в частности, на сельскохозяйственные заработки. Но в Киргизстане опасаются того, что узбеки рано или поздно составят на Юге большинство и тогда отторгнут его, как албанцы поступили с Косово[37]. Правда, свержение в 2010 г. на некоторое время остановило этот процесс, развернув вспять в отдельно взятом Киргизстане такой общеевразийского масштаба процесс, как «переток с юга на север», о котором мне писать тоже приходилось[38,39], но ненадолго. Сейчас снова поступают сведения о наплыве в Южную Киргизию узбеков, а также и таджиков.

Но возникает еще один вопрос: в случае расширения территорий, контролируемых узбеками, возникнет ли одно большое государство – «Великий Узбекистан» или три государства на территориях существовавших ранее государств (а может быть, и четыре – за счет «Ташкентского ханства»)? Сейчас Узбекистан

---

[35] Годы, которые изменили Центральную Азию (коллективная монография) / отв. ред. Звягельская И.Д. – Москва: ИВ РАН; ЦСПИ, 2009. – С. 133–134.

[36] Там же. С. 139–142.

[37] Ситнянский Г.Ю. Косовский вариант для юга Киргизстана? // Kyrgyznews. – 17 марта 2008. – URL: http://www.kyrgyznews.kg/news/real/16058 (дата обращения: 15.05.2024).

[38] Ситнянский Г.Ю., Бушков В.И. Миграции населения в Центральной Азии: прошлое, настоящее и будущее. – Москва: ИЭА РАН, 2016. – С. 228–240.

[39] Ситнянский Г.Ю. Россия и Центральная Азия: вместе или врозь? – Москва: ИЭА РАН, 2011. – 290 с.

кажется стабильным и его распад маловероятным, но в принципе такое не исключено. Для понимания этого нужно проанализировать внутриузбекские противоречия.

Узбекистан, как уже говорилось, исторически был разделен на три образования: Мавераннахр (с XVI в. – Бухарское ханство, с 1820 г. – эмират), Хорезм (с того же времени – Хивинское ханство) и Фергану (с XVIII в. – Кокандское ханство), которые при советской власти трансформировались – с изменениями, конечно, – в борющиеся за власть кланы: Ферганский (ФАН – по первым буквам областных центров Ферганы, Андижана и Намангана), Ташкентский и Самаркандский. При этом первые два клана тесно связаны между собой и до недавнего времени достаточно регулярно сменяли друг друга у власти; самаркандцев же они сообща от нее оттесняли.

Так, партийную организацию республики в разное время возглавляли ташкентец А. Икрамов (1925–1937), ферганцы У. Юсупов (1937–1950) и А.И. Ниязов (1950–1955), их снова сменили ташкентцы Н.А. Мухитдинов (1955–1958) и С. Камалов (1958–1959).

Затем наступила долгая пора господства ферганцев: партийную организацию республики возглавил Ш. Рашидов (1959–1983), который, хотя и родился в Джизаке, но, по непроверенным данным, принадлежал к племени, выселившемуся туда из Ферганы еще в XVIII в., возможно, к племени юз, которое занимало в узбекской племенной иерархии третье место после мангытов (из которого вышла правящая династия Бухары) и мингов (создавших династию кокандских ханов), но есть основания думать, что в более ранние времена юзы были первыми в иерархии кочевников-узбеков.

Далее Рашидова сменил ферганец И.Б. Усманходжаев (1983–1988). Эти же люди в разное время возглавляли правительство (1953–1955 – У. Юсупов, 1955–1957 – С. Камалов), Верховный Совет (1947–1950 – А.И. Ниязов, 1950–1959 – Ш. Рашидов, 1978–1983 – И.Б. Усманходжаев). Кроме них, на этих постах было много других ташкентцев и ферганцев: 1925–1943 – Председатель Президиума Верховного Совета (до 1937 г. – ЦИК) – Ю. Ахунбабаев (Фергана), 1983–1986 – А.У. Салимов (Ташкент), 1987–1989 – П.К. Хабибуллаев, 1989–1990 – М. Ибрагимов (оба – Фергана), 1989–1990 – премьер – Ш.Р. Мирсаидов (Фергана).

Подорвать господство ферганцев удалось только благодаря тому, что в 1983 г. Центр начал борьбу с «узбекской мафией»; однако результат получился неожиданный. Сначала республиканскую парторганизацию возглавил ташкентец Р. Нишанов (1988–1989), который не только разгромил «хлопковую мафию», где доминировали ферганцы, но и упразднил ряд областей. То и другое нарушило существовавшее соотношение власти между представителями различных кланов. В результате к руководству республикой впервые за многие годы пришел самаркандец И.А. Каримов. Возможно, сыграло свою роль то, что Нишанов (или тогда еще существовавший союзный Центр?) излишне доверял Каримову именно потому, что не видел большой опасности в восхождении представителя слабого Самаркандского клана.

Представляя слабый Самаркандский клан, Каримов, подобно киргизским руководителям, в первые годы был вынужден держаться у власти путем балансирования между различными кланами: так, пост премьера занимал ташкентец А. Муталов, вице-премьера – ташкентец же У.Т. Султанов, председателя Верховного Совета – ферганец Ш. Юлдашев, госсекретаря – бухарец Раджабов (данные на конец 1992 г.) и др.

Однако после того, как Каримов укрепился у власти, ситуация изменилась: клан ФАН был существенно ослаблен, ферганец Мирсаидов, занимавший с 1990 г. посты сначала премьера, а потом вице-президента, уже в начале 1992 г. уволен в отставку. Дочь Рашидова, которая, поддавшись на уговоры Каримова, приехала в начале 1993 г. из Москвы в Ташкент, не получила обещанного поста министра внешнеэкономических связей; ей лишь позволили «легально заниматься бизнесом»[40]. Долго сидел в тюрьме и небезызвестный «советский хан» А. Адылов, который после распада СССР был освобожден из-под стражи в Москве и вернулся в Узбекистан; он был посажен Каримовым уже в 1993 г.

Более того, в последние годы усиление самаркандского клана привело к тому, что одно время серьезно обсуждался вопрос о переносе в Самарканд столицы Узбекистана. Мотивируется это близостью Ташкента к границе с Казахстаном (а возможно, и к Ферганской долине, которой Каримов по-прежнему побаивается);

[40] Трофимов Д.А. Центральная Азия. – Москва, 1994. – С. 33.

уже говорилось о том, что в 1920-х годах Ташкент с окрестностями был предметом спора между Казахстаном и Узбекистаном.

В том, что ферганцев пришлось потеснить, сыграл свою роль и религиозно-политический фактор: как уже говорилось, именно ферганские узбеки тогда были наиболее исламизированными из всех; поэтому отнюдь не случайно значительная часть клана ФАН блокируется с исламскими радикалами, тогда как самаркандцы (и ташкентцы) придерживаются ориентации на светское государство турецкого образца.

В последние годы, однако, наиболее исламизированным регионом Узбекистана становится наряду с Ферганской долиной и юг Мавераннахра – Кашкадарьинская и отчасти Сурхандарьинская области («Суркаш»).

При неблагоприятном развитии событий внутриузбекский конфликт в сочетании с конфликтом между сторонниками светского государства и исламскими радикалами вполне может привести к расколу Узбекистана. Здесь внутриузбекский конфликт может сомкнуться с внутрикиргизским: если расколются и Узбекистан, и Киргизия, то вполне вероятно то, о чем уже говорилось – образование из Южной Киргизии и Узбекской Ферганы единого государства – наследника Кокандского ханства, с борьбой за власть между киргизской и узбекской верхушкой (при нынешних реалиях, однако, с подавляющим перевесом последней).

* * *

Таким образом, при определенных обстоятельствах (та или иная нестабильность в одной или нескольких странах Средней Азии) вполне возможна перекройка границ региона с учетом исторически сложившихся реалий. Нет сомнений, что эти изменения повлияют и на ситуацию в не затронутых ими непосредственно государствах – остальном (кроме двух присырдарьинских областей) Казахстане и Северном Киргизстане, в том числе и на интеграционные межгосударственные процессы в этих странах, входящих в ЕАЭС и в ОДКБ с Россией.

* *Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.*

Список источников и литературы

1. Абдулаев Э. Эта странная война в Баткене // Профи. – 1999. – № 11. – С. 24–31.
2. Бондарец В.И. Афганистан: трансформация угроз безопасности для государств – участников и наблюдателей ШОС // Афганистан, ШОС, безопасность и геополитика Центральной Евразии. – 2008. – С. 110–117.
3. Бондарец Л.М. Военно-политический аспект интеграции в Центральной Азии // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. – 2007. – С. 85–99.
4. Бондарец Л.М. Национальная безопасность Киргизии в свете присутствия в стране американского военного контингента // Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений. – 2009. – С. 171–178.
5. Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. – Санкт-Петербург: Типография Безобразова и К°, 1873. – 640 с.
6. Вильемини Ф. Роль России в определении европейско-центральноазиатских отношений // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. – 2007. – С. 75–84.
7. Глущенко Е.А. Герои Империи. – Москва: XXI век – Согласие, 2001. – 404 с.
8. Годы, которые изменили Центральную Азию (коллективная монография) / отв. ред. Звягельская И.Д. – Москва: ИВ РАН; ЦСПИ, 2009. – 332 с.
9. Громов А. Границы Центрально-Азиатского региона. Исторический контекст // Профи. – 1999. – № 11. – С. 10–15.
10. Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. – Москва: Издание Общества распространения полезных книг, 1867. – 414 с.
11. Звягельская И.Д. Становление государств Центральной Азии. Политические процессы. – Москва: Аспект Пресс, 2009. – 206 с.
12. Кадыров Ш.Х. «Нация» племен. – Москва: Институт Африки, 2003. – 362 с.
13. Князев А.А. Проекты интеграции и безопасности Центральной Азии в контексте афганской военно-политической ситуации и современных геополитических реалий // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы / под ред. Князев А.А. – Бишкек, 2007. – С. 237–244.
14. Койчуманова Ч.У. Общность исторических судеб как фактор единения народов Центральной Азии // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 2 (2). – С. 7–25. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.01.
15. Лунёв С.И. Вызовы безопасности южных границ России. – Москва: ИВ РАН, 1999. – 245 с.

16. Омаров Н.М. Киргизстан-2025: образы политического будущего // Киргизстан-2025. Стратегии и сценарии развития. – Бишкек: Илим, 2005. – С. 37–69.
17. Пластун В.Н. Изменения в политике США и НАТО в Афганистане (2001–2006 гг.) // Афганистан и безопасность Центральной Азии. – Бишкек: Общест. фонд А. Князева; Душанбе: Центр конфликтологии и региональных исследований, 2006. – С. 27–44.
18. Пластун В.Н. ШОС и перспективы восстановления безопасности в Центральноазиатском регионе // ШОС как фактор интеграции Центральной Евразии – Бишкек, 2009. – С. 80–86.
19. Ситнянский Г.Ю. Великий Узбекистан и национальные интересы России // Обозреватель-Observer. – 2003. – № 4 (159). – С. 53–59.
20. Ситнянский Г.Ю. Естественные границы: какой быть новой России? // Общественные науки и современность. – 1994. – № 6. – С. 112–119.
21. Ситнянский Г.Ю. Идея «Великого Узбекистана» постоянно витает в воздухе // Regnum. – 06.05.2011. – URL: http://regnum.ru/news/polit/1402208.html (дата обращения: 15.05.2024).
22. Ситнянский Г.Ю. Косовский вариант для юга Киргизстана? // Kyrgyznews. – 17.03.2008. – URL: http://www.kyrgyznews.kg/news/real/16058 (дата обращения: 15.05.2024).
23. Ситнянский Г.Ю. Отношения Севера и Юга Киргизии: история и современность // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – 2007. – № 198. – 21 с.
24. Ситнянский Г.Ю. Проблемы реинтеграции бывшего СССР в свете исторических судеб Евразийской цивилизации // Вестник Евразии. – 1996. – № 2. – С. 161–170.
25. Ситнянский Г.Ю. Россия и Центральная Азия: вместе или врозь? – Москва: ИЭА РАН, 2011. – 290 с.
26. Ситнянский Г.Ю., Бушков В.И. Миграции населения в Центральной Азии: прошлое, настоящее и будущее. – Москва: ИЭА РАН, 2016. – 340 с.
27. Столповский О.А. Афганистан и вопросы регионального сотрудничества в сфере безопасности // Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений. – Бишкек: ОФАК, 2009. – С. 192–194.
28. Трофимов Д.А. Центральная Азия. – Москва: Б. и., 1994. – 55 с.
29. Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России. – Москва: Наука, 1965. – 468 с.

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.09
УДК 94+323+327

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ СТРАН СРЕДНЕЙ АЗИИ В ИРКУТСКУЮ ОБЛАСТЬ В 1990–2000-е ГОДЫ

УРОЖАЕВА Татьяна Петровна
кандидат исторических наук, научный сотрудник
лаборатории исторической и политической демографии
Иркутского государственного университета.
E-mail: olgoy@ya.ru

Для цитирования: *Урожаева Т.П.* Трудовая миграция из стран Средней Азии в Иркутскую область в 1990–2000-е годы // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 4 (8). – С. 138–150. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.09.

Аннотация. В статье был проведен анализ трудовой миграции выходцев из стран Средней Азии в регион Приангарья. По оценкам экспертов, потоки трудовой миграции из бывших союзных республик охватывали более 10 млн человек. РФ стала главным центром притяжения трудовых мигрантов из стран Ближнего Зарубежья, также увеличилась внутренняя трудовая миграция, размер которой сопоставим с трудовой миграцией из стран СНГ в Россию. Массовые вынужденные людские перемещения, устремленные из Средней Азии в Иркутскую область, порождали множество проблем. Трудности были связаны не только с жильем, трудоустройством и акклиматизацией, но и с этнокультурной адаптацией мигрантов в новой и во многом непривычной для них социокультурной среде. Происходила их интеграция с населением в регионе Приангарья. Деятельность узбекской и таджикской общины, активность их лидеров, созданные структуры, контролирующие потоки трудовых мигрантов из Узбекистана и Таджикистана, вербующие потенциальных мигрантов в регионах исхода, оказывающие помощь переселенцам в поиске жилья, работы, оформлении регистрации и разрешения на работу, денежные трансферты на родину – это показатели, демонстрирующие экономическую ликвидность этнических сетей.

Ключевые слова: трудовые мигранты, гастарбайтеры, вынужденные переселенцы, выходцы из Средней Азии.

Labor Migration from Central Asian Countries to the Irkutsk Region in 1990–2000 s

Tatyana P. UROZHAEVA
PhD in History, Researcher at the Laboratory
of Historical and Political Demography
Irkutsk State University.
E-mail: olgoy@ya.ru

For citation: Urozhaeva T.P. (2024). Labor Migration from Central Asian Countries to the Irkutsk Region in 1990–2000 s. *Middle & Post-Soviet East*, no. 4 (8), pp. 138–150. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.09.

Abstract. The article analyzes the labor migration of immigrants from Central Asian countries to the Angara region. According to experts, labor migration flows from the former Soviet republics covered more than 10 million people. The Russian Federation has become the main center of attraction for migrant workers from neighboring countries, and internal labor migration has also increased, the size of which is comparable to labor migration from CIS countries to Russia. The massive forced human displacement from Central Asia to the Irkutsk region caused many problems. Difficulties were associated not only with housing, employment and acclimatization, but also with the ethnocultural adaptation of migrants in a new and largely unusual socio-cultural environment. Their integration with the population in the Angara region took place. The activities of the Uzbek and Tajik communities, the activity of their leaders, established structures that control the flow of migrant workers from Uzbekistan and Tajikistan, recruiting potential migrants in the regions of exodus, assisting migrants in finding housing, work, registration and work permits, monetary transfers to their homeland – these are indicators demonstrating the economic liquidity of ethnic networks.

Keywords: labor migrants, migrant workers, internally displaced persons, immigrants from Central Asia.

В 1990-х годах постсоветские миграции носили вынужденный характер перемещений населения на постоянное место жительства, спровоцированный осложнением социальных ситуаций и межэтнических отношений в ряде стран СНГ и регионах РФ. Значительную долю в миграционном потоке составляла репатриация российских соотечественников. В начале 2000-х годов на смену пришла временная пространственная мобильность населения, основную долю в которой составила трудовая миграция. По оценкам

экспертов, потоки трудовой миграции из бывших союзных республик охватывали более 10 млн человек. РФ стала главным центром притяжения трудовых мигрантов из стран Ближнего Зарубежья, также увеличилась внутренняя трудовая миграция, размер которой сопоставим с трудовой миграцией из стран СНГ в Россию.

С начала 1999 г. в Иркутскую область въехали 7764 иностранца, в основном по линии туризма и по служебным делам (116 из них, кстати, стали объектами преступлений). В период специальных профилактических операций под кодовыми названиями «Гость», «Иностранец», «Встреча», «Вихрь» и других, проведенных милицией, за девять месяцев к административной ответственности было привлечено более 4 тыс. иностранных граждан и лиц без гражданства, нарушавших паспортно-визовый порядок[1].

В 1991 г., после «парада суверенитетов», за пределами России сразу оказалось примерно 25 млн русских и 3 млн «русскоязычных» граждан, вынужденных искать дорогу на свою историческую родину. Статус вынужденного переселенца (ВП) невозможно было получить без российской прописки, которую беженцу просто негде было взять. Только за 1998 г. через ФМС Иркутской области прошло около 2 тыс. человек, но статус ВП получила лишь половина из них. На июнь 1999 г. в области официально было зарегистрировано и поставлено на учет лишь около 10 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев[2].

Граждане СНГ, как правило, жили по подлинным документам. Для того чтобы зарегистрироваться на три месяца, достаточно было обыкновенного удостоверения личности. Когда человек устраивался на постоянную работу, он должен был сдать еще анализы на девять опасных заболеваний. Таджики и узбеки обычно нанимались рабочими-строителями. Работодатели в этом случае были обязаны их зарегистрировать.

Нелегальные мигранты прибывали преимущественно из Узбекистана, Киргизии, Таджикистана. Как отмечают в Управлении

---

[1] Казак А. Криминальные похождения иностранцев в Сибири // Губерния. – 02.11.1999. – URL: https://www.vsp.ru/1999/11/02/kriminalnye-pohozhdeniya-inostrantsev-v-sibiri/ (дата обращения: 01.01.2024).

[2] Федоров В. Миграционная трагедия… // Восточно-Сибирская правда. – 01.06.1999. – URL: https://www.vsp.ru/1999/06/01/migratsionnaya-tragediya/ (дата обращения: 01.01.2024).

по делам миграции УВД Иркутской области, граждане СНГ, работающие на территории Иркутска и ряда других городов региона, как правило, «не обременяли себя» получением официального подтверждения. В результате за пять месяцев 2003 г. с территории области было выдворено 299 представителей стран СНГ, в то время как за весь 2002 г. их было выдворено только 440 человек[3].

В ходе мероприятий по выявлению и пресечению незаконной миграции сотрудниками РУ ФСБ и паспортно-визовой службы ГУВД Иркутской области был задержан гражданин Республики Узбекистан 27-летний А. Зарипов. Находясь в Иркутске, А. Зарипов проповедовал нетрадиционное радикальное исламское учение Нурси и хотел создать группу его последователей в среде местных мусульман. По постановлению суда А. Зарипов был депортирован на родину. Ему был закрыт въезд на территорию России на пять лет[4].

В соответствии с Кодексом об административных правонарушениях за нарушение правил пребывания на более чем 60 «гастарбайтеров» было наложено административное взыскание в виде штрафа. По решению суда восемь иностранцев подлежали выдворению за пределы РФ с закрытием въезда на территорию страны на пять лет[5].

Из зарегистрированных в паспортно-визовых службах ОВД Иркутской области в 2004 г. 50 тыс. иностранных граждан свыше 36 тыс. совершили административные правонарушения. Среднеазиатское направление в условиях безвизового режима характеризовалось большим притоком незаконных мигрантов. Подобные «гости» незаконно трудоустраивались. Впоследствии вывозили заработанные средства на родину[6].

---

[3] Петрова Е. Работа «варягов» любит // Восточно-Сибирская правда. – 26.06.2003. – URL: https://www.vsp.ru/2003/06/26/rabota-varyagov-lyubit/ (дата обращения: 01.01.2024).

[4] Депортация экстремиста // Восточно-Сибирская правда. – 23.10.2004. – URL: https://www.vsp.ru/2004/10/23/deportatsiya-ekstremista/ (дата обращения: 01.01.2024).

[5] Въезд в Россию закрыт // Губерния. – 27.08.2005. – URL: https://www.vsp.ru/2005/08/27/vezd-v-rossiyu-zakryt/ (дата обращения: 01.01.2024).

[6] Зонов В. Необыкновенные приключения иностранцев в Сибири // Копейка. – 24.03.2005. – URL: https://www.vsp.ru/2005/03/24/neobyknovennye-priklyucheniya-inostrantsev-v-sibiri/ (дата обращения: 01.01.2024).

В Приангарье при традиционном доминировании русских (89,9% общей численности) насчитывалось полторы сотни различных наций и народностей. Давно стали земляками и многие представители коренных национальностей бывших союзных республик. Но их количество было невелико и составляло, как правило, лишь десятую долю процента общей численности населения. В пределах 1–2 тыс. казахов, киргизов, узбеков[7].

Самым эффективным способом стала возможность работать с авторитетными представителями сообществ – национально-культурными объединениями. Их насчитывалось более 60. Это были автономии, общества, центры, товарищества, общины. Среди активистов можно было отметить Центр узбекской культуры[8].

По данным управления по делам миграции ГУВД Иркутской области, в 2005 г. на территории Приангарья было зарегистрировано более 51 тыс. иностранных граждан. К этой цифре можно добавить еще 29 тыс. зарубежных гостей, которые посетили область в 2005 г., останавливаясь в гостиницах. Наибольшую долю мигрантов составляли граждане Узбекистана (10,5 тыс.), затем таджики (7,5 тыс.), казахи (почти 3 тыс. человек). При этом на территории области всего 3,5 тыс. иностранцев проживали постоянно, 1370 человек – по временному разрешению, еще 2,2 тыс. имели вид на жительство[9].

В 2007 г. торговля приобрела гражданство: с российских рынков должны были исчезнуть иностранцы. В Иркутске это стало наиболее очевидным в местах уличной торговли. Федеральное правительство с 1 января 2007 г. запретило работодателям привлекать гастарбайтеров к торговле алкоголем и лекарствами. А с 1 апреля 2007 г. – нанимать иностранцев в качестве продавцов магазинов и палаток, работников рынков и уличной торговли. Доля лиц без российского гражданства в этой сфере к 1 апреля сократи-

[7] Овсянникова И. Существуют ли персы в Сибири? // Восточно-Сибирская правда. – 29.06.2005. – URL: https://www.vsp.ru/2005/03/10/sushhestvuyut-li-persy-v-sibiri/ (дата обращения: 01.01.2024).

[8] Бешнова Е. Приангарье – территория согласия // Восточно-Сибирская правда. – 25.05.2005. – URL: https://www.vsp.ru/2005/05/25/priangare-territoriya-soglasiya/ (дата обращения: 01.01.2024).

[9] Из «объятий» милиции // Восточно-Сибирская правда. – 02.09.2006. – URL: https://www.vsp.ru/2006/02/09/iz-obyatij-militsii/ (дата обращения: 01.01.2024).

лась до 40%. Лидерами по количеству гастарбайтеров на рынках стали Иркутск – 263 человека и Усть-Илимск – 105. Приезжали в основном граждане Украины и Узбекистана, которые работали на золотодобыче в Бодайбо[10].

Больше всего обратившихся за разрешениями из стран ближнего зарубежья составляли жители Узбекистана – более 1,6 тыс. человек (в 2006 г. – 68). Также много обращений было из Таджикистана – 1,258 тыс. (в 2006 г. – 125) и Киргизии – 1,178 тыс. (59). Основное число разрешений – 4,242 тыс. – было выдано на работу в Иркутске. По территориям области 411 разрешений было дано на работу в Бодайбинском районе. Также граждане других стран отправились работать в Братск, Ангарск, Усть-Кут[11].

Гости из ближнего зарубежья частенько приезжали в Россию на заработки. Причем далеко не всегда их документы были оформлены подобающим образом. Но при встречах с сотрудниками транспортной милиции нарушители, как правило, не терялись[12].

Более 100 тыс. иностранных граждан было поставлено на миграционный учет подразделениями ФМС России по Иркутской области в 2007 г. Самые частые гости Приангарья, по сведениям ФМС, граждане Таджикистана, Киргизии, Узбекистана, Украины, КНР. Труд иностранных рабочих использовался в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве, на транспорте и в иных отраслях. Наибольшая концентрация гастарбайтеров наблюдалась в гг. Иркутске, Бодайбо, Братске, Ангарске, Усолье-Сибирском, Черемхове, Усть-Куте[13].

На миграционный учет в 2007 г. в Иркутской области было поставлено 120,62 тыс. иностранцев. Это было на 26,8% больше

[10] Арбузова Е. Торговля меняется в лице // Конкурент. – 25.11.2006. – URL: https://www.vsp.ru/2006/11/25/torgovlya-menyaetsya-v-litse/ (дата обращения: 01.01.2024).

[11] Трудовая миграция // Восточно-Сибирская правда. – 12.04.2007. – URL: https://www.vsp.ru/2007/04/12/trudovaya-migratsiya/ (дата обращения: 01.01.2024).

[12] Калюш Н. «Восточный взгляд» на отношения с властью // Губерния. – 15.05.2008. – URL: https://www.vsp.ru/2008/05/15/vostochnyj-vzglyad-na-otnosheniya-s-vlastyu/ (дата обращения: 01.01.2024).

[13] Гость должен знать свое место // СМ-номер один. – 23.01.2008. – URL: https://www.vsp.ru/2008/01/23/gost-dolzhen-znat-svoyo-mesto/ (дата обращения: 01.01.2024).

по сравнению с 2006 г. (95,15 тыс. человек). Наибольший прирост иностранных граждан отмечался в Иркутске, Усолье-Сибирском, Шелехове, Бодайбо, Жигалово, Киренске. Иркутск выбрали местом своего проживания 93,106 тыс. человек, Ангарск – 4,13 тыс. и Братск – 3,916 тыс. Это в основном представители стран ближнего зарубежья: Узбекистана (1385), Таджикистана (1035), Украины (899) и Армении (677)[14].

Весной 2008 г. из стран СНГ наибольший прирост был обеспечен за счет Средней Азии. Число прибывших из Киргизии, за минусом выбывших туда, составило 647 человек, Таджикистан дал прибавку в 370 душ, Узбекистан – 271. Миграционный поток из этих государств, затихший после 1990-х годов, вновь активизировался. Отметим, что в числе прибывающих в регион на постоянное место жительства преобладало русскоязычное население[15].

С 1 июля 2010 г. вступил в силу федеральный закон № 86-ФЗ от 19.05.2010, предусматривающий трудовую деятельность иностранных граждан, пребывающих на территории РФ, в безвизовом порядке – у физических лиц на основании патента. Как сообщила пресс-служба УФМС, отдел по вопросам трудовой миграции с 1 июля 2010 г. вел прием заявлений на оформление патентов для осуществления трудовой деятельности у физических лиц[16].

В 2011 г. две трети гастарбайтеров получили работу в Иркутске и Иркутском районе. Труд иностранцев из ближнего зарубежья, прежде всего граждан Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, применялся в отраслях, требующих минимальной квалификации. По официальным данным, Приангарье занимало первое место в Сибири по количеству мигрантов. Несмотря на то что сальдо миграции с ближним зарубежьем с 2005 г. являлось поло-

[14] Число законно работающих иностранцев увеличилось в 4,5 раза // Конкурент. – 22.02.2008. – URL: https://www.vsp.ru/2008/02/22/chislo-zakonno-rabotayushhih-inostrantsev-uvelichilos-v-4-5-raza/ (дата обращения: 01.01.2024).

[15] Овсянникова И. Демографические сдвиги // Восточно-Сибирская правда. – 12.03.2008. – URL: https://www.vsp.ru/2008/03/12/demograficheskie-sdvigi/ (дата обращения: 01.01.2024).

[16] 2,5 тысячи иностранцев захотели работать в Приангарье // Конкурент. – 10.08.2010. – URL: https://www.vsp.ru/2010/08/12/2-5-tysyachi-inostransev-zahoteli-rabotat-v-prianagre/ (дата обращения: 01.01.2024).

жительным, миграционная убыль населения Иркутской области оставалась стабильной[17].

Всего Управление ФМС России по Иркутской области в январе – августе 2011 г. поставило на миграционный учет более 100 тыс. иностранных граждан, что было на 12% меньше показателя аналогичного периода 2010 г. Среди них большую часть составляли граждане Узбекистана, Китая, Таджикистана и Киргизии[18].

В конце 2011 г. в регионе проживало 4,51 тыс. киргизов, 4,37 тыс. узбеков, 4,17 тыс. – таджиков[19].

В мае 2012 г. в специальных учреждениях Иркутской области находилось 53 иностранца, в том числе 21 гражданин Узбекистана, остальные – это граждане Таджикистана, Киргизии, КНР, Азербайджана и Украины. Все они позднее были выдворены за пределы России по решению суда[20].

Первые дети выходцев из Средней Азии появились в школе в 2002 г. Но сплошным потоком они пошли в 2005–2006 гг.: тогда каждый год в первый класс стали приходить по пять – семь человек стабильно. В 2011–2012 гг. они «пошли валом» – узбеки, таджики, но больше всего киргизов.

Опыт школы № 9 не был уникален в Иркутске. В школе № 66 в предместье Рабочее традиционно училось много цыган, в радищевской школе № 73 – была повышенная по сравнению с другими школами города концентрация азербайджанских и армянских детей[21].

---

[17] Саломатова А. Мигранты на все руки // Конкурент. – 09.06.2011. – URL: https://www.vsp.ru/2011/06/09/migranty-na-vse-ruki/ (дата обращения: 01.01.2024).

[18] 18,5 тысячи иностранцев привлечены к административной ответственности // Иркутский репортер. – 24.09.2011. – URL: https://www.vsp.ru/2011/09/24/18-5-tysyachi-inostrantsev-privlecheny-k-administrativnoj-otvetstvennosti/ (дата обращения: 01.01.2024).

[19] Население Иркутской области // BDEX. – URL: https://bdex.ru/naselenie/irkutskaya-oblast/ (дата обращения: 01.01.2024).

[20] 157 иностранных граждан выдворили за пределы России с начала этого года судебные приставы Иркутской области // Иркутский репортер. – 11.05.2012. – URL: https://www.irk.ru/news/20120511/migrants/ (дата обращения: 01.01.2024).

[21] Корк Б. «Хадича, где твой красный карандаш?» В иркутских школах открыты классы для иностранцев // Иркутский репортер. – 17.11.2012. – URL: https://www.vsp.ru/2012/11/17/hadicha-gde-tvoj-krasnyj-karandash-2/ (дата обращения: 01.01.2024).

В декабре 2013 г. работники Иркутской транспортной прокуратуры и сотрудники УФМС России по Ленинскому району Иркутска в ходе проверки на одном из железнодорожных тупиков на станции «Военный городок» в железнодорожном вагончике обнаружили группу граждан Узбекистана. При проверке документов стало ясно, что все они были зарегистрированы в двух «резиновых» квартирах. Одна квартира находилась в Октябрьском районе города, а вторая – в Иркутском районе[22].

Иностранные граждане представили в региональное УФМС 76 документов об образовании, 144 документа об образовании, выданные на территории РФ после 1 сентября 1991 г., и 485 документов с сертификатом о прохождении государственного тестирования по русскому языку как иностранному. Сертификаты представили 67 граждан Киргизии, 64 гражданина Таджикистана, 342 гражданина Узбекистана. Было выдано 852 разрешения на работу[23].

Если в 2011 г. на миграционный учет было поставлено 148 тыс. иностранных граждан, то в 2012-м – уже 173 тыс., а в 2013-м – 189 тыс. Чаще всего сюда приезжали на заработки жители Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Армении и Украины.

Вопрос о заработках для трудовых мигрантов самый щекотливый. Так, средняя зарплата работника по дому составляла 15–20 тыс. руб., на рынках она зависела от выручки, на стройке – от объема выполненных работ и аппетитов прораба, который делил заработанные средства на всех членов бригады. Большинство собеседников доходы, которые им удавалось получать в другой стране, а также цели, на которые потом шли эти деньги, не обсуждали.

По данным регионального центра «Сибирский» «Райффайзенбанка», в 2013 г. наибольший объем средств в сибирских отделениях «Райффайзен-банка» был переведен в Армению. На эту

[22] В двух квартирах зарегистрировали 1200 иностранцев // Иркутский репортер. – 02.12.2013. – URL: https://www.vsp.ru/2013/12/02/v-dvuh-kvartirah-zaregistrirovali-1200-inostrantsev/ (дата обращения: 01.01.2024).

[23] Цифры: 987 иностранных граждан // Конкурент. – 09.12.2013. – URL: https://www.vsp.ru/reporter/paperposts/ (дата обращения: 01.01.2024).

страну пришлось 30% от общего объема переводов. Вторым по популярности оказался Узбекистан (26%)[24].

Если рассматривать по национальному признаку, 30% новоиспеченных граждан России – это были граждане Таджикистана (686 человек), лица без гражданства – 26% (595 человек), выходцы из Киргизии – 8% (190 человек), граждане Казахстана – 6% (143 человека). В основном в регион приезжали граждане Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Украины, Армении[25].

3011 иностранных студентов было поставлено на миграционный учет УФМС по Иркутской области за первое полугодие 2015 г. По сравнению с 2014 г. их число увеличилось на 5,3%. Большее количество молодых людей приезжало в Иркутск на учебу из Монголии (1225 человек), Китая (711), Узбекистана (109)[26].

По гендерному признаку среди приезжающих преобладали мужчины – 83,2% от общего числа въехавших на территорию Иркутской области, женщины – 14,1%, дети – 2,7%. В общем миграционном потоке основную долю въехавших занимали мужчины и женщины в трудоспособном возрасте от 18 до 39 лет – 35%[27].

Летом 2015 г. страны СНГ, за исключением Белоруссии, дали миграционный прирост, в общей сложности – 2007 человек. Больше всего новых земляков поставляли Таджикистан (471), Узбекистан (306), Киргизия (210 человек)[28].

В 2015 г. подразделениями ведомства на миграционный учет были поставлены более 53,5 тыс. иностранных работников, прибывших для заработков. Из них 88,5% составляли работники из

---

[24] Трудовые гастроли // Конкурент. – 03.06.2014. – URL: https://www.vsp.ru/2014/06/03/trudovye-gastroli/ (дата обращения: 01.01.2024).

[25] 22 процента составил рост числа иностранцев, получивших российское гражданство // Конкурент. – 22.07.2014. – URL: https://www.vsp.ru/2014/07/22/tsifry-287/ (дата обращения: 01.01.2024).

[26] Бобкова Я. Цифры // Конкурент. – 28.07.2015. – URL: https://www.vsp.ru/konkurent/paperposts (дата обращения: 01.01.2024).

[27] 61,2 процента // Иркутский репортер. – 27.08.2015. – URL: https://www.vsp.ru/2015/07/28/tsifry-445/ (дата обращения: 01.01.2024).

[28] Овсянникова И. Демографический маятник: одну из устойчивых негативных тенденций регион смог переломить // Восточно-Сибирская правда. – 15.09.2015. – URL: https://www.vsp.ru/2015/09/15/demograficheskij-mayatnik-2/ (дата обращения: 01.01.2024).

стран с безвизовым порядком въезда, 10% прибыли из стран, входящих в Евразийский экономический союз. Больше всего в Иркутскую область приезжали работать граждане из Узбекистана (50,4%), Таджикистана (18,8), Киргизии (9,5%)[29].

* * *

Для работодателей этническая принадлежность сотрудника-мигранта нередко ассоциировалась с особенностями его культуры труда. Все это приводило к формированию этнических ниш на рынке труда, в которых были задействованы приезжие. Каждая этническая группа мигрантов использовала собственные действия, механизмы достижения определенных результатов, характеризующих процесс производственной деятельности.

Имелись и одинаковые элементы трудового поведения, не имеющие этнонациональной окраски (например, практика оформления трудовых отношений с работодателем). Преобладали этнические особенности труда, которые проявлялись в способах формирования бригад, наличия или отсутствия неформального лидера, при оценке взаимных профессиональных способностей, соблюдении обычаев и традиций, разницы в оплате труда.

Более активное использование этнического ресурса среди трудовых мигрантов из Средней Азии было связано с теми ограничениями, которые налагало российское государство на мигрантов из стран СНГ (необходимость регистрации). Важную роль играло плохое знание приезжими из Узбекистана и Таджикистана русского языка, их слабая юридическая защита, недостаточно толерантные установки местного населения в отдельных населенных пунктах региона.

Список источников и литературы

1. Арбузова Е. Торговля меняется в лице // Конкурент. – 25.11.2006. – URL: https://www.vsp.ru/2006/11/25/torgovlya-menyaetsya-v-litse/ (дата обращения: 01.01.2024).

[29] 27 395 патентов // Конкурент. – 22.09.2015. – URL: https://www.vsp.ru/2015/09/22/tsifry-498/ (дата обращения: 01.01.2024).

2. Бешнова Е. Приангарье – территория согласия // Восточно-Сибирская правда. – 25.05.2005. – URL: https://www.vsp.ru/2005/05/25/priangare-territoriya-soglasiya/ (дата обращения: 01.01.2024).
3. Бобкова Я. Цифры // Конкурент. – 28.07.2015. – URL: https://www.vsp.ru/konkurent/paperposts (дата обращения: 01.01.2024).
4. В двух квартирах зарегистрировали 1200 иностранцев // Иркутский репортер. – 02.12.2013. – URL: https://www.vsp.ru/2013/12/02/v-dvuh-kvartirah-zaregistrirovali-1200-inostrantsev/ (дата обращения: 01.01.2024).
5. Въезд в Россию закрыт // Губерния. – 27.08.2005. – URL: https://www.vsp.ru/2005/08/27/vezd-v-rossiyu-zakryt/ (дата обращения: 01.01.2024).
6. Гость должен знать свое место // СМ-номер один. – 23.01.2008. – URL: https://www.vsp.ru/2008/01/23/gost-dolzhen-znat-svoyo-mesto/ (дата обращения: 01.01.2024).
7. Депортация экстремиста // Восточно-Сибирская правда. – 23.10.2004. – URL: https://www.vsp.ru/2004/10/23/deportatsiya-ekstremista/ (дата обращения: 01.01.2024).
8. Зонов В. Необыкновенные приключения иностранцев в Сибири // Копейка. – 24.03.2005. – URL: https://www.vsp.ru/2005/03/24/neobyknovennye-priklyucheniya-inostrantsev-v-sibiri/ (дата обращения: 01.01.2024).
9. Из «объятий» милиции // Восточно-Сибирская правда. – 02.09.2006. – URL: https://www.vsp.ru/2006/02/09/iz-obyatij-militsii/ (дата обращения: 01.01.2024).
10. Казак А. Криминальные похождения иностранцев в Сибири // Губерния. – 02.11.1999. – URL: https://www.vsp.ru/1999/11/02/kriminalnye-pohozhdeniya-inostrantsev-v-sibiri/ (дата обращения: 01.01.2024).
11. Калюш Н. «Восточный взгляд» на отношения с властью // Губерния. – 15.05.2008. – URL: https://www.vsp.ru/2008/05/15/vostochnyj-vzglyad-na-otnosheniya-s-vlastyu/ (дата обращения: 01.01.2024).
12. Корк Б. «Хадича, где твой красный карандаш?» В иркутских школах открыты классы для иностранцев // Иркутский репортер. – 17.11.2012. – URL: https://www.vsp.ru/2012/11/17/hadicha-gde-tvoj-krasnyj-karandash-2/ (дата обращения: 01.01.2024).
13. Население Иркутской области // BDEX. – URL: https://bdex.ru/naselenie/irkutskaya-oblast/ (дата обращения: 01.01.2024).
14. Овсянникова И. Демографические сдвиги // Восточно-Сибирская правда. – 12.03.2008. – URL: https://www.vsp.ru/2008/03/12/demograficheskie-sdvigi/ (дата обращения: 01.01.2024).
15. Овсянникова И. Демографический маятник: одну из устойчивых негативных тенденций регион смог переломить // Восточно-Сибирская правда. –

15.09.2015. – URL: https://www.vsp.ru/2015/09/15/demograficheskij-mayatnik-2/ (дата обращения: 01.01.2024).
16. Овсянникова И. Существуют ли персы в Сибири? // Восточно-Сибирская правда. – 29.06.2005. – URL: https://www.vsp.ru/2005/03/10/sushhestvuyut-li-persy-v-sibiri/ (дата обращения: 01.01.2024).
17. Петрова Е. Работа «варягов» любит // Восточно-Сибирская правда. – 26.06.2003. – URL: https://www.vsp.ru/2003/06/26/rabota-varyagov-lyubit/ (дата обращения: 01.01.2024).
18. Саломатова А. Мигранты на все руки // Конкурент. – 09.06.2011. – URL: https://www.vsp.ru/2011/06/09/migranty-na-vse-ruki/ (дата обращения: 01.01.2024).
19. Трудовая миграция // Восточно-Сибирская правда. – 12.04.2007. – URL: https://www.vsp.ru/2007/04/12/trudovaya-migratsiya/ (дата обращения: 01.01.2024).
20. Трудовые гастроли // Конкурент. – 03.06.2014. – URL: https://www.vsp.ru/2014/06/03/trudovye-gastroli/ (дата обращения: 01.01.2024).
21. Федоров В. Миграционная трагедия… // Восточно-Сибирская правда. – 01.06.1999. – URL: https://www.vsp.ru/1999/06/01/migratsionnaya-tragediya/ (дата обращения: 01.01.2024).
22. Цифры: 987 иностранных граждан // Конкурент. – 09.12.2013. – URL: https://www.vsp.ru/reporter/paperposts/ (дата обращения: 01.01.2024).
23. Число законно работающих иностранцев увеличилось в 4,5 раза // Конкурент. – 22.02.2008. – URL: https://www.vsp.ru/2008/02/22/chislo-zakonno-rabotayushhih-inostrantsev-uvelichilos-v-4-5-raza/ (дата обращения: 01.01.2024).
24. 157 иностранных граждан выдворили за пределы России с начала этого года судебные приставы Иркутской области // Иркутский репортер. – 11.05.2012. – URL: https://www.irk.ru/news/20120511/migrants/ (дата обращения: 01.01.2024).
25. 18,5 тысячи иностранцев привлечены к административной ответственности // Иркутский репортер. – 24.09.2011. – URL: https://www.vsp.ru/2011/09/24/18-5-tysyachi-inostrantsev-privlecheny-k-administrativnoj-otvetstvennosti/ (дата обращения: 01.01.2024).
26. 2,5 тысячи иностранцев захотели работать в Приангарье // Конкурент. – 10.08.2010. – URL: https://www.vsp.ru/2010/08/12/2-5-tysyachi-inostransev-zahoteli-rabotat-v-prianagre/ (дата обращения: 01.01.2024).
27. 22 процента составил рост числа иностранцев, получивших российское гражданство // Конкурент. – 22.07.2014. – URL: https://www.vsp.ru/2014/07/22/tsifry-287/ (дата обращения: 01.01.2024).
28. 27 395 патентов // Конкурент. – 22.09.2015. – URL: https://www.vsp.ru/2015/09/22/tsifry-498/ (дата обращения: 01.01.2024).
29. 61,2 процента // Иркутский репортер. – 27.08.2015. – URL: https://www.vsp.ru/2015/07/28/tsifry-445/ (дата обращения: 01.01.2024).

БЛИЖНИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ВОСТОК

№ 4 (8) – 2024

Научный журнал

Техническое редактирование
и компьютерная верстка О.В. Егорова
Корректор Л.Н. Казимирова

Подписано к печати 6/XI-2024 г. Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 9,5 Уч.-изд. л. 8,0
Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)
Заказ №

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
http://inion.ru

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6